

Павел Тужилкин

ПЛАМЕННЫЙ

По благословению
архиепископа Нижегородского
и Арзамасского Георгия

Автор сердечно благодарит директора ОАО «НИАЭП»
Валерия Игоревича Лимаренко
за финансовую помощь и моральную поддержку
при издании книги,
а также первого проректора Нижегородской духовной
семинарии протоиерея Александра Мякина,
оказавшего неоценимую помощь в том, чтобы эта книга
увидела свет

ПАВЕЛ ТУЖИЛКИН
ПЛАМЕННЫЙ

РОМАН–ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ

Нижний Новгород

2011

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6–4
Т– 81

Т– 81 П. В. Тужилкин. Пламенный: роман-предположение
Нижегородская духовная семинария, 2011. 192 с.

Роман писателя Павла Тужилкина повествует о жизни и духовных подвигах сына курского купца Прохора Мошнина, который прославился в веках как Преподобный Серафим Саровский. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6–4

ISBN 978-5-904720-05-6

© П. В. Тужилкин, 2011
© Нижегородская духовная семинария, 2011
© Типография «Ридо», 2011

От автора

Предлагаемая читателю книга написана в жанре романа-предположения. За основу взяты сказания о Преподобном Серафиме Саровском, посмертные рассказы о нем его современников. Эти сказания дошли до нас как в устном, так и письменном виде. Наиболее полно они изложены в книгах «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря» Архимандрита Серафима (Чичагова), «Преподобный Серафим» Е. Поселянина и «Преподобный Серафим Саровский чудотворец» Е. Концевич.

Некоторые сказания приняты, некоторые оспариваются. Так, например, спорными являются беседы Серафима с Александром I и поэтом А. Пушкиным. И эти споры отражены в литературе. Но если они идут, то это и есть подтверждение существования очередного сказания. Автор исходил из того, что если есть сказания, то их можно вплести в повествование художественного произведения, которое заранее обозначено, как роман-предположение. Это же касается и возможного хранения богатств Московского Кремля в Саровских пещерах (устное сказание в с. Кременки Дивеевского района Нижегородской области). Косвенное подтверждение этому можно найти и в исторических документах. Имеются описания фактов проживания в Саровской пустыни беженцев из Москвы, которые, конечно же, приехали со всем скарбом и сбережениями. Укладывается в эту версию и награждение Серафима Крестом, специально учрежденным по случаю победы над французом.

Загадочна и история иконы «Умиление». Нет никаких указаний на то, откуда она у Серафима. И естественно было бы предположить, что эту икону (написанную на холсте) он мог принести из дома и потому так трепетно всю жизнь к ней относился.

Основа любого литературного труда — предположение. И автор имеет право на предположение, основываясь на той информации, которая содержится в общепризнанных печатных изданиях. Некоторых эпизодов из жизни Серафима, рассказанных в предлагаемой книге, вы не найдете ни в исторических источниках,

ни в церковной литературе (например, затворничество в Саровских пещерах или взаимоотношения с придуманной автором дочерью купца Первышева). Эти события могли состояться, если следовать логике характера Серафима.

Тот, кто не хочет читать предположения, может ограничиться каноническими текстами жития Преподобного.

Автор не ставил перед собой непосильной задачи по описанию духовной жизни Преподобного, раскрытию тайн Духа, понимая, что любое предположение в этом направлении будет неправдой, ибо никому не дано понять, как обычный человек становится святым.

Инициатором книги был священник Николай Никишин, благословил на труды священник Сергей Скузоваткин. Они же были первыми редакторами и консультантами романа. Автор сердечно благодарит их, а также протоиерея Александра Мякина и саровского писателя Ивана Чуркина за добрые советы при работе над книгой.

Исторические сведения о жизни Прохора Мошнина и впоследствии монаха Серафима взяты из книги В. Степашкина «Преподобный Серафим Саровский. Предания и факты».

Глава 1

Первое знамение

— Проша! — крикнула Агафья в открытое окошко.

— Что, мама? — отозвался семилетний сынишка, сидевший на завалянке и пристально рассматривающий ползущую по ладошке божью коровку.

— Пойдешь со мной на церкву?

— Конечно! — обрадовано крикнул мальчик и, вскочив с завалянки, побежал в избу.

— Не забудь помолиться Царице Небесной, а я пока поесть соберу — надолго уходим-то.

Хрупкий, тоненький, будто тростинка, малыш остановился перед образами, сложил в щепоть пальчики, перекрестился и, глядя на иконописный светлый лик Божией Матери, зашептал привычные слова молитвы:

— О, Пресвятая Госпоже Владычице, Богородице Дево! Прими недостойныя молитвы наша, сохрани нас от наветов злых человек и от напрасныя смерти...

По улице они шли рядом — высокая, прямая, просто одетая, в черном платке женщина и худенький сынишка, крепко держащийся за материнскую руку. Проше интересно всё: и лошадь, устало кивающая головой и упрямо тянущая тяжело нагруженный воз, и свора собак, с громким лаем скачущая по пыльной улице, и бородатые, пузатые горожане, степенно вышагивающие по тропинке вдоль домов, и стаи галок, бестолково кружащие над вершинами зеленых лип, и стайки воробьев, купающиеся в дорожной пыли. А уж как радуются глаза кипению цветущих садов, в которых утопают улицы Курска! Купеческие дома стоят друг от друга в отдалении, между ними саженой по пятнадцать сады

и огороды. Сами дома добротные, в основном деревянные, но высокие, под железными крышами. Есть и каменные двухэтажные, они солидны и надменны, как и их богатые хозяева.

Сегодня ночью Проше снилось, будто он летает. Разбежался по лужайке, оттолкнулся, шагнул пошире и — полетел! Так вот, оказывается, как летают птицы, — подумалось во сне Прохору. И почему-то после этого он сразу же проснулся. Но ощущение восторженного полета у него не прошло. Вот и сейчас он чувствовал в теле такую легкость, будто все еще парил над родной улицей. Ох как красиво вокруг, как ярко, как пахуче!

А вон там впереди строится каменный храм, который должен стать на месте сгоревшей деревянной Сергиевской церкви. Именно туда и направляются мать с сыном.

Отец Прохора Сидор Иванович Мошнин распоряжался каменщиками. На строительство храма деньги собирали всем миром — кто сколько даст. И Мошнины вложили немалую долю. Но боле всех внес капиталу в это богоугодное дело купец Карп Ефремович Первышев. Дом-от его каменный неподалеку от строящегося храма стоит. Первышев тоже был ктиторм, то есть строителем, — за ним закреплены отделочные работы. Заложили храм в 1752 году, Прохора еще и на свете-то не было. Когда Прошу впервые стали брать на строительные работы поглядеть, храм уже в небеса вознесся. И потом все строительство новой церкви проходило на его глазах. А вот отцу его Сидору Ивановичу не удалось полюбоваться на дело рук своих — умер он за два года до освящения храма. И было ему от роду всего сорок лет. Осиротели Мошнины, но не пали духом. Агафья Фотиевна подхватила дело мужа. Уважали строители Сидора Ивановича, хоть и нраву он был твердого, спуску и послабления не давал. Но справедлив всегда был и попусту не ругался. Завидев его статную да могучую фигуру и услышав его зычный голос, каменщики сразу вдвое быстрее работать начинали. Всяк старался показать свое мастерство, чтобы от Мошнина похвалу получить.

Уважение к умершему мужу перенеслось и на Агафью Фотиевну. Но она не только мужним именем строительство ведет. И сама — тверда и придиричива, даром что женщина. К ней прислушиваются и другие работники, не только каменщики.

Старшой у каменщиков — Кузьма, могучий русоволосый красавец. Голос у него зычный, густой. Издалека слышно, как он распекает своих работников, которые ведут кладку колокольни.

— Евсей! Ты посмотри, что твои безрукие работнички наделали!

У вас же бечевка натянута, а стенку все равно криво вывели! Вы что — пьяные с утра? Креста на вас нет. Еретики!

— Ну что ты, Кузьма, — гудел кряжистый мужичина с черной окладистой бородищей. — Да мы ни граммуски не пили! Только кваску.

— Переделать сегодня же. И имей в виду, за эту работу не заплачу ни копейки.

— Что шумишь, Кузьма? — спросила Агафья.

— Да вот пока о кирпиче ходил хлопотать, работнички мои кладку запороли!

— Где?

— Да вот, гляди — криво сразу от стенки нижнего собора кладка-то пошла. Ну, я им устрою взбучку, они у меня попляшут.

— Ох, Сидора на вас нету, — горестно поджав губы, сказала Агафья. — При нем-то бы не посмели такое отчудить.

— Да, Сидор-то Иваныч Мошнин крут был, Царство ему Небесное. Так и ты, матушка, хорошо управляешь строительством-то.

— Не льсти, Кузьма, кладку переделай, а денежный начет и тебя коснется. Я к вечеру приду, все проверю.

— Все сделаем, матушка, не гневись.

— Плотники-то все пришли?

— Да вроде все. Авдей там с утра покрякивает — работа идет.

Хоть плотники и не под присмотром Агафьи Фотиевны, это дело купца Первышева, но уж если пришла в храм — все надо проверить: разве разделишь, где чьё, дело-то общее да великое.

— Пойду наверх, посмотрю, как купол заводят. За мужиками глаз да глаз нужен.

— А мальчика-то с собой тоже на верхотуру потащишь?

— Проша, останешься с дядькой Кузьмой, поиграешь здесь, — сказала сыну Агафья.

— Нет, мам, я с тобой.

— Нельзя тебе туда. Леса ненадежные, сходни крутые, а я под самый верх полезу.

— Останься, Проша, с нами, у меня такие пряники вкуснющие, — поддержал Агафью Кузьма.

Проход нахохлился.

— Мам, я с тобой хочу. Сверху даже реку Куру видно. И церкви все как на ладошке. Ну возьми меня, мам.

Материнское сердце что воск.

— Вот упрямый — весь в отца. Ну ладно, пойдем, только держись все время за меня, не отцепляйся, там и правда опасно.

Нижний храм был почти готов, внутри его вдоль стен громоздились леса — уже начала работать бригада штукатуров, а под самым верхом копошились на площадках плотники, крепя ажурную паутину балок.

— Пойдем, Проша, — Агафья крепко взяла сына за руку и шагнула на сходни, которые круто поднимались на леса. Поперечины были набиты широко — под мужской шаг, поэтому Прохор скользил, спотыкался, но, надежно поддерживаемый матерью, упорно карабкался вверх. Чем выше с яруса на ярус поднимались они, тем сильнее захватывало дух — храм сверху казался глубоким и широким колодцем, в который страшно было упасть. Проша ежился, отворачиваясь от края, но глаза сами косились вниз, словно их тянули за веревочку.

Наконец поднялись на самую верхнюю площадку.

— Здравствуйте, мужики, — поприветствовала работников Агафья.

— Здорово живешь! — нестройно откликнулись плотники.

— Как у вас тут?

— Да все хорошо, с Божьей помощью, Агафьюшка, — ответил бригадир Авдей, маленький, рыжий, с растрепанным жестким волосом мужичонка. — Скоро кровельщикам работу передадим. Глядишь, до дождей укроем храм-то.

— Ну-ну, — сказала Агафья. — А рамы-то все подошли, не покорило их?

— Ну что ты! Дерево просушенное, все как надо установили.

Прохор отцепился от руки Агафьи и подошел к краю площадки. Он взглянул на родной Курск, и душа его затрепетала, будто сегодня во сне, когда он оторвался от земли и летел над домами, замирая от страха и неземной радости. Встав на раму, Прохор раскинул руки, как птица, и устремил свой восхищенный взор далеко за реку на заливные луга, где изумрудно зеленела трава. Вот оно — счастье! Такого восторга на земле никогда не ощутишь!

— Проша! — встревожено вскрикнула Агафья, увидев сына у края бездны.

Прохор вздрогнул, обернулся, нога его соскользнула с деревянной рамы, и он выпал в оконный проем.

— А-а-а! — зашлась в крике Агафья. Ноги ее подкосились — она рухнула на доски настила, протягивая руки в сторону окна.

— Что случилось? — обеспокоено спросил Авдей.

Плотники были заняты делом и даже не увидели случившегося.

— Там... там... — прохрипела Агафья, указывая на окно.

— Что? Прошка упал! — догадался Авдей.

— Да! — выдохнула рыдание Агафья. — Помоги мне, Авдеюшка.

Помоги... Встать я не могу.

Плотники молча застыли среди балок. Авдей подхватил Агафью за плечи, помог подняться, но на сходнях Агафья опять опустилась на колени и на четвереньках стала спускаться вниз, подвывая и плача:

— Прошенька, мальчик мой. Не уберегла!.. Да как же это!? Да мне же Сидор-то не простит такого.

И было непонятно, то ли она от страха забыла, что муж умер год назад, то ли имела в виду его душу, нашедшую покой на небесах.

Кое-как спустившись вниз и вдруг обретя недюжинные силы, Агафья бросилась через доски, кирпичи и груды песка туда, где должно было лежать тело ее кровиночки.

Забежав за храм, она остановилась. Сквозь пелену слез Агафья увидела не распростертое и безжизненное тело ребенка на обломках кирпичей, а живого и здорового сына, стоящего рядом с грудой бревен.

Утерев концами платка слезы, Агафья протянула руки и прошептала:

— Прошенька! Прошенька! Ты живой?! Мальчик мой!

Проход стоял без движения, крепко стиснув кулачки. Глаза его были испуганными. Он смотрел на мать и молчал.

— Прошенька!

Мать осторожно приблизилась к сыну и нерешительно потрогала его за плечо. Проход уткнулся в материнскую юбку и заплакал:

— Мам, я нечаянно... Я больше не буду, — глухо бубнил он, захлебываясь слезами.

— Мальчик ты мой. Крохотулечка моя! — шептала мать, прижимая к себе хрупкое тельце сына, еще не веря в избавление от неминуемой смерти.

Подбежало несколько рабочих. Впереди Авдей. Стали молча, бесильные перед лицом человеческого горя.

— Агафья, ты чего? — наконец нарушил молчание Авдей. — Ты это... того... мальчонку-то положи... Он ведь это... не оживишь уже...

Агафья резко повернулась к мужикам.

— Да живой он! Живой! — крикнула она с яростным восторгом.

— Помешалась, видать, Агафья, — прошептал кто-то из работников.

Агафья подняла Прохора на руки и сказала:

— Глядите, мужики, если не верите. Живой он!

Работники стояли онемев. Зареванный, но действительно живой и невредимый Прошка глядел на мужиков и беспрестанно хлопал мокрыми ресницами.

— Господи! — перекрестился Авдей! — Радость-то какая! Как же это он?

— Не знаю, — ответила Агафья. — Значит, Бог уберег.

— Прошенька, — сказал Авдей, — ты куда упал-то, на песочек, что ли?

— Не... — отрицательно замотал головой Прохор, — я не упал. Это сначала я как будто упал. А потому у меня словно крылья выросли, и я полетел, как птица, а потом приземлился. Я только испугался немножко — вдруг мамка заругает.

— Мамка заругает! — весело крикнул Авдей, повернувшись к мужикам. — Нет, вы посмотрите на него — с такой верхотуры упал и боится, чтобы мамка не заругала!

Мужики засмеялись облегченно и радостно. Агафья тоже улыbnулась.

— Пойдем, Прошенька, домой. Пойдем, милый. Мужики, вы уж тут сами поработайте. Авдей, пригляди и за остальными, не только за своими. Поторапливаться надо со стройкой-то.

До самого дома мать несла Прошу на руках, то и дело принимаясь целовать его зареванное личико.

К вечеру вся округа перебивалась в гостях у Мошниных. Каждому было интересно взглянуть на мальчика, упавшего из-под купола церкви и оставшегося в живых. По сотому разу Агафья рассказывала посетителям эту страшную и счастливую историю.

Пришел и Николка Блаженный — маленький, вечно улыбающийся дедок с реденькой одуванчиковой бородкой.

— Это его Святая Богородица спасла, — убежденно сказал он Агафье. — Она бережет младенцев-то. Ее-то сын безвинно на кресте был распят, так Она теперь о других детках заботится. Чай, поди, не помолилась ли Матери Божией, когда на церкву-то полезла?

— Точно, Николушка, — сказала Агафья, — прежде чем из дому выйти, мы с Прошей-то Пречистой Деве помолились.

— Вот Она и уберегла сыночка твоего, — опять сказал Блаженный. — А это значит, что судьба у него, у Прошеньки твоего, будет особой. Значит, для чего-то он приготовлен. Так что береги дитячко да жди знамения, когда позовут его для исполнения его предназначения.

— Николушка, а что же это за предназначение, о котором ты говоришь?

— Э-э... матушка, этого никто не знает, одно слово — жди. Если Пресвятая Богородица удостоила его своим спасением, не оставит Она его и дальше по жизни. Счастье в дом к тебе пришло. Через сына своего ты к небесам приблизишься. Молись чаще, благодари Царицу Небесную за благодеяния Ее.

Николку Блаженного слушали со вниманием — ведь устами юродивых сам Бог говорит.

И побежала слава по Курску о чуде, что случилось на строительстве храма во имя Преподобного Сергия.

Глава 2 Познание

Николка Блаженный частым гостем теперь стал в доме Мошниных. Да больше не старшим время уделял, а с маленьким Прошей беседы вел. Сядут они либо на завалинку, либо в саду, где о чем-то часами говорят и говорят... А Николка, даром, что с мальцом общается, так все равно говорит уважительно, как со взрослым, не сюсюкает. Да и Проша привязался к деду.

— Дед Никола, а расскажи мне про Царицу Небесную сказку.

— Прошенька, про Царицу Небесную сказок нет, про Нее всё правда, что говорят.

— Ну правду расскажи.

— Что ж, слушай, дитячко. В городе Назарете, что находился в далекой жаркой Палестине, жила девушка по имени Мария. И явился Архангел Гавриил и сказал Ей: «Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами». Мария, увидев Архангела, смутилась. Но Гавриил сказал: «Не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Господа; и вот зачнешь во чреве и родишь Сына Всевышнего и наречешь Ему имя Иисус».

Слушает Проша рассказ про Царицу Небесную в десятый раз, а все равно глазенки горят, дыхание перехватывает. Радостно ему, когда повествует дед Никола о светлой жизни юного Иисуса в доме Матери своей. Жалко ему Матерь Божию, когда рассказ подходит к мучительной смерти Спасителя на кресте. Слезы горячие льются по щекам мальчика. Горюет он и досадует на злых и грубых воинов, что подвергли Спасителя таким мучениям.

— Вот и потеряла Царица Небесная Сына Своего. Горе Ее было тяжким, страдания невыносимыми. Растила Она и лелеяла дитяtko Свое, души в Нем не чаяла. А Ему смерть мученическая по судьбе выпала. От горя силы у Нее подломились. И своя жизнь не мила стала. Вот наемдни ты с церкви упал. Так мать-то твоя чуть со страху не померла. Рази бы она такой удар выдержала, ежели б с тобой что случилось? Авдей сказывал — она не в себе была.

— Так я же не разбился вовсе. Живой я. Вот мамка-то и не плачет. А у Матери Божией Сына-то насовсем убили.

— А вот и нет. Воскрес наш Спаситель на третий день. И не только для Матери Своей, но и для всех людей. И для нас с тобой. Он грехи наши на Себя взял. Да и молиться повелел, чтобы Царствия Небесного достичь.

— А какое оно — Царствие Небесное?

— Светлое-светлое!

— Как солнышко?

— Может, и еще шибче...

Идет беседа неторопливо, беседуют два равных человека — обоим интересно.

Деда Николку все зовут Блаженным. А иногда и юродивым. Никто не знает, сколько ему лет. Да он и сам-то, похоже, не знает этого. Дед и дед... Бороденка реденькая, куцая, русая, с сединой. Всё лицо испещрено морщинами, и в каждой из них таится искринка смеха. Глаза маленькие, светлые, хитро глядят из-под лохматых бровей. И зимой, и летом на голове шапчонка замызганная. Одет тоже не пойми во что — ни цвета, ни формы. На ногах лаптишки потрепанные — как будто он и не надевал никогда новых-то. А может, и так — вечно донашивал кем-то выброшенные. Росточку маленького, руки коротенькие, ладошки сухонькие, темные, будто дегтем намазанные. Не человек, а вроде пугала огородного. Но откроет рот этот человечиска — и заслушаешься. То сказку хитрую загнет — все сидят рты ряззявя, то про святых угодников поведает — все про дела свои

позабудут, то начнет чьи-то изречения глаголь — напустит туману, не разберешь, где какое слово что означает.

Поглядит вслед какому-нибудь купчине важному, что шествует вдоль по улице ни на кого не глядя, и молвит ему вдогонку с издевкой:

— Прочь грязь — навоз плывет!

Порскают в кулак слушатели — громко боятся выразить чувства-то: неровен час услышит господин, навредить потом может. А Николке всё нипочем. Сыплет поговорками по всякому случаю.

Ругаются на базаре два крестьянина, спорят, кому на свободное место лошадь поставить, Николка тут как тут:

— Дурак с дураком сходились, да оба никуда не годились!

Хохочет народ, а мужики сердятся, готовы Николку отдубасить. А тот уворачивается да частит:

— Эх вы, хозяйвы! Вы только издали и так и сяк, а вблизи-то ни то ни сё! Не горазды вы ни спеть, ни поплясать, ни в дудочку, ни в сопелочку поиграть.

Раззадорит спорщиков, те уж и забудут, из-за чего ссора вышла.

А народу гогочущему Николка тоже перчику подбросит:

— Эх вы, раззявы-ротозеи, на безделицу толпами бежите, а добро-го и слышать не хотите.

— Вот ты нам и скажи что-нибудь доброе-то, а не дразнись! — кричит баба девятипудовая с возу.

А он в ответ:

— Тетка, а это не про тебя бают: были бы хлеб да одёжа, так и ела бы лежа?

— Ха-ха-ха!

Но дед не только потешками народ веселит — иногда и серьезное скажет. Соберет вокруг себя ребятишек, погрозит им за баловство пальцем да и молвит строго:

— Храните заповеди отца вашего и не отвергайте наставления матерей ваших, навяжите их навсегда на сердце ваше, обяжите ими шею свою; когда пойдете — они будут руководить вами, когда ляжете спать — будут охранять вас, когда пробудитесь — будут беседовать с вами.

И откуда что берется. Грамоте не разумеет, книжек не читает, а знает больше любого ученого.

Вот и прозвали Блаженным.

Спросят его любопытные мальчишки:

— Дед Николка, а за что тебя Блаженным зовут?

— Да за то, что богатый я.

— Ха-ха-ха! Да какой же ты богач? У тебя в кармане — вошь на аркане.

— Э-э, мальцы, не про то богатство речь ведете. Истинное богатство не в золоте да серебре.

— А в чем же тогда, в лаптях да картузе рваном?

— В душе моё богатство. Потому я и самый богатый на свете, что мне ничего не надо. А возьми вон купчишку любого — ему всё мало. Он никогда таким богатым, как я, не будет.

Все смеются над Николкой: богач нашелся — ни кола, ни двора, ни одёжи, ни обуви. Живет приживалой при храме Ильинском, тем сыт, что подадут...

Кто позлее, тот Николку и юродивым называет — то бишь глупым, бестолковым. Ну зовут и зовут. Глупый так глупый. С глупого и спрос маленький. С поговоркой да прибауткой живет дед Николка, сам над собой смеется и других на то провоцирует. Весело ему жить на белом свете. Может, потому некоторые и говорят про него плохо, что завидуют его нехлопотной жизни. Мотается он туда-сюда, когда захочется. То исчезнет на полгода — в святые места, бишь, сходит, то толчется в толпе целыми днями: и тут его слышно, и там его видно. Неугомонный, шумный, трещит, будто сорока. Тьфу! Это так богатые плюются. А сами побаиваются, в ссору не кидаются. Иногда, бают, юродивые-то беду могут напророчить. Так что впрямую с ним не связываются, пнуть или ударить беззащитного старикашку никто не осмеливается. Вдруг проклянет.

А Николке того и надо. Живет радостно да легко, будто птаха лесная.

Что где случись в славном граде Курске — Николка в первых рядах. Все он знает, все другим обскажет, да еще и толкование этому событию даст.

Не случайно он, видать, оказался у строящейся церкви: будто кто позвал его туда. И смотрел дедок со слезами умиления на счастье материнское, когда Агафья на ручки живехонького сыночка подняла после падения с верхотуры.

Прилепился дед Николка к Мошниним. Полюбился ему отрок Прохор. Почувствовал он в нем искорку Божию.

За домом, в глубине сада, на краю оврага под раскидистой грушей оборудована скамеечка, на которой и сживали часами старый да малый.

Сядут они рядком, дед поясок из мочала вяжет, Проша из веточки сви-
стульку вырезает. И течет, журчит их разговор, словно реченька. Дед
с мальцом по-взрослому говорит, будто тот ему ровня. И это нравится
малышу. Он тоже всерьез с дедом разговаривает, все ему о своих страх-
ах и переживаниях рассказывает. А у Николки в запасе тыщи историй
интересных — слушай, не переслушаешь. Никто всерьез деда Николку
не принимает: блаженный — он и есть блаженный. Не бьют, не гонят,
хлеба кусочек дают и то хорошо. А слова затейливые, что в голове Ни-
колкиной роятся, лучше всего мальчик Проша понимает. Вон глазищи-то
какие — голубые-голубые. Как распахнет их, взглянешь — и помолиться
хочется, будто перед иконой. И все, что ни скажи, — на веру берет. А уж
про Иисуса Христа начнешь сказывать или про апостолов и святых, так
дыхание затаит, ручонками в тебя вцепится и слушает... слушает. Из-
редка только в порыве гнева и недоумения воскликнет:

— А почто же они мученику Адриану руки-ноги молотом пере-
били? Ведь это же как больно-то!

— Больно, Прошенька, ох как больно. А мучили правители его
за то, что он к вере Христовой обратился и отречься от нее не захотел.

— Неужто есть такие люди, которые не хотят Бога слушаться?

— Есть, малыш, есть. Много их. А раньше еще больше было. Вон
даже Иисуса Христа распяли. Да и не только его. Вот, например, и ученика
его, Андрея Первозванного, тоже на кресте замучили.

— За что же, дедушка, его замучили?

— Веру Христову в народ понес. Из далеких южных стран пришел
он на Русь-матушку, чтобы помочь нам к Богу обратиться. Вот поднялся он
на гору, посмотрел кругом и молвит: здесь город будет богатый и церковей
в нем много будет. И появился тут, как по волшебству, город Киев, где
храм на храме, монастырь на монастыре. Хаживал я в Киевскую Лавру,
красиво там. Благолепно.

— Дедушка Никола, а я тоже хочу в Лавру.

— А что ж, вот подрастешь малость и пойдешь.

— А матушка моя отпустит?

— Да что же не отпустит-то, чай, ты за святым делом пойдешь.

— Нет, не получится, дедушка Никола, в лавке надо работать.
Меня пока жалеют — нечасто заставляют у прилавка стоять, а Прасковья
и Алеша давно уже мамке помогают. Там приказчик вороватый, за ним
следить надо.

— Не переживай, Прошенька, мамка понимает, что у тебя другой

путь в жизни. Потому и не заставляет в лавке целыми днями торчать. После твоего чудесного спасения, что Святая Богородица сотворила, Агафья Фотиевна уверовала в твою иную судьбу.

— А какая она — Святая Богородица?

— Великая и Чистая, малыш. И Великодушная. Защитница Она русская. Потому иконы с Ее святым ликом чудотворны. Вот однажды, когда Русь татары пожгли да разорили, нашел один человек у сожженной деревни под корнями дерева иконку с изображением Царицы Небесной. Поднял он ее с земли, а из этого места сразу родник забил. Вот как! А было это, как говорят, аккурат в день празднования Рождества Пресвятой Богородицы.

— А где это было?

— Да неподалеку, на реке Тускарь, под Курском. И назвали эту икону Курская Коренная, потому как под корнем нашли. Построили на том месте храм для нее, и много чудес от этой иконы было явлено. Прослышал про то удельный князь да и захотел к себе в палаты увезти. Дважды он ее вывозил, а она опять возвращалась. Вот так-то!

— А как же она возвращалась-то?

— Да никто не знает. По воздуху, наверно. По велению Божьему. А один раз вот что с ней приключилось. Напали опять татары да и сожгли церковь-то. А икону ту разрубили надвое и бросили в разные стороны.

— Батюшки, да зачем же это?

— Так нехристи же, вот и глумились над святыней. А охранял ее батюшка Боголюб. Так Боголюба в плен увели, и долго он не мог домой вернуться. А как воротился — нашел те две половинки и соединил их, а они и срослись сразу. С тех пор она еще чудеснее стала. С незапамятных времен эта чудотворная икона у нас в Курске хранится — в Знаменском монастыре. Я тебя сведу как-нибудь к ней. Приложишься, поблагодаришь за свое спасение. Ведь чудом не погиб ты.

— Дедушка, а я умру?

— Рано еще тебе думать про это, дитятко, рано. Вот мне уже пора к смерти готовиться.

— Я не хочу, чтобы ты умирал.

— Так ведь и я не хочу, а надо.

— Да зачем надо-то?

— Так Господом заведено. Закончим земной путь и отправимся в другой — небесный. Он, бают, слаще земного-то.

— Дедушка Никола, а что нужно сделать, чтобы в рай попасть?

— Для этого надо терпеливо и безропотно переносить всё, что перенес Христос, и молиться за обидящих, как Он молился за распинающих.

— Да как это? Как можно молиться за тех, кто других людей обижает?

— А так вот, Прошенька. Милость Божию можно только терпением и смирением добиться.

— А ты, дед, значит, в рай попадешь? Вот над тобой все потешаются, а ты только улыбаешься да благодаришь их.

— А благодарю я их за то, что они, как и Господу нашему Христу, испытания мне посылают. А уж попаду я или нет в рай, то лишь Творцу нашему известно.

— А в аду, поди, страшно?

— Ой, страшно, сынонька, ой, горько.

— Неужели грешникам ничего уже не поможет, и они вечно будут гореть в огне и лизать сковородки?

— Ничто не поможет, Прошенька, ибо они при жизни вели себя скверно, заповеди не соблюдали, Бога не любили да и ближних своих обижали.

— А все люди знают, что есть страдания адские в геенне огненной?

— Знают.

— А почему же они не понимают, что нужно праведно жить, и постоянно грешат?

— Надеются, что минет их кара небесная. Да и не верят, видимо, в Бога в полную силу. Страсти земные сильнее веры оказываются. Вот и наказывает их Господь по грехам.

Летит к скамейке божья коровка, полушалок красный расправила, крылышками, словно веерами крохотными, машет, шлеп — и деду Николке на рукав. Устала. Передохнуть требуется. Дед наладился было щелчком ее с рукава сбить — чего на чужую одёжу позарилась?

Но Проша вовремя заметил намерение деда.

— Стой, дед! Не трогай!

Голосочек звенит, слеза в нем плещется.

Испугался Николка Блаженный.

— Что такое, Прошенька?

— Не трогай, дед, божью коровку, ей больно будет. Иди ко мне, маленькая.

Бережно берет букашку мальчик, кладет на ладошку, дует на нее потихоньку да приговаривает:

— Божья коровка, улети на небо...

Отдохнула букашка, красные скорлупки расправила и дальше полетела.

— Да что же ты так переживаешь, малыш? Это же ведь обычная букарашка.

— Ну и что? Ей тоже больно.

— Так ты всех, что ли, жалеешь?

— Всех, дедушка. И червячка мне жалко, и бабочку, и птичку.

— А птичку-то что жалеть? Она вон летает да чирикает радостно.

— А у нее дома нету, она в дождик под мокрым листочком сидит, и ей холодно.

— Милый ты мой! Да как же ты жить-то будешь, если тебе всех жалко? Да разве ты сможешь ужиться среди людишек-то? Они ведь жадные да злые. Вмиг тебя с твоей жалостью съедят.

— Не съедят, дедушка, я их тоже пожалею, и они добрыми сразу станут.

— Ох, Прошенька, тяжело тебе будет.

— Ну и что? Ты же мне сам рассказывал про мучеников. Им тоже тяжело было, а они все равно всех любили. Дедушка Никола, расскажи мне про мучеников Косму и Дамиана. Давеча матушка начала мне рассказывать да заснула.

— Не про всё я знаю, Прошенька. Тебе пора самому знания добывать.

— А как это?

— Читать тебе пора учиться. В книгах про все описано: и про жизнь праведную, и про то, как с грешниками Бог поступает. Попропись у матушки, чтобы отдала тебя в церковь к отцу Петру, он быстро грамоте обучит.

Агафья не противилась желанию сына — отвела в Ильинскую церковь и отдала дитя любознательное в обучение.

Дьяк Петр был огромного роста, громогласный, с густой черной бородищей. Но нраву незлобивого. Потому детишкам, отданным ему в обучение и в услужение, жилось радостно. Всего их было шестеро. Проща самый маленький, но и самый смысленый. Быстро он догнал в грамоте своих сотоварищей и вскоре стал легко и с удовольствием читать

церковные книги. Помимо чтения ребятишкам приходилось и служками работать: то подай, то принеси, туда сбегай, того позови. Проша так увлекся новым делом, что и про Николку Блаженного стал позабывать. А тот и не в претензии. Смотрит, как по указанию отца дьякона малыш молитву читает, — радуется. Эх, как наяживает постреленок. Молодец!

Книги захватили Прохора. Картины жизни святых разворачивались перед глазами мальчика, будоража его фантазию и поражая воображение. Он вместе с великомучениками мужественно переносил издевательства правителей, вместе с апостолами ходил по деревням и городам, неся слово Божие, вместе с героями библейских притч познавал мудрость бытия. Книжный мир для мальчика стал ярче и реальнее быта. Он осознал, что, кроме однообразной суеты будней, есть мир высоких душевных переживаний, смелых самоотверженных поступков и самоотречения во имя веры в Христа. И этот распахнувший свои чистые просторы мир был притягательнее и желаннее, чем реальная жизнь.

Еще больше его стала восхищать и радовать церковь. Как только выпадала возможность, Прохор бежал в храм. Там под гулками торжественными сводами он со слезами на глазах слушал нежные и строгие песнопения и нутром, кожей впитывал благостные слова молитвы. После серости и суеты быта, вони и духоты лавки, после базарной сутолоки и лайни, после грубости и злобы чужих бородатых мужиков, норовящих хлестнуть зазевавшегося пацаненка кнутом, храм представлялся сказочным царством, где правили хорошие духи.

Совсем забросил и без того редкие игры со сверстниками Проша.

Мать, как могла, оберегала его от тяжелого быта.

А в хозяйстве ей, вдовой женщине с тремя детьми, приходилось, конечно же, нелегко. После смерти мужа пришлось отказаться от гончарного ремесла — уж больно много сил и внимания требовало это прибыльное, но хлопотное дело. Глины навози, в глинянике перемешай, потом на кругу кринку или горшок сделай, обожги в печи. Дров сколь нужно заготовливать — не приведи Господь. Не потянуть такое дело без мужика в доме. Поэтому в лавке теперь весь товар привозной — соль, сахар, пряности, свечи сальные, ремни, деготь, бечевки, дуги, шлеи, лапти, железные изделия... Благо детки подрастают: какие-никакие, а уже помощники. Проще восьмой год пошел, с него еще спросу никакого, а вот дочке Прасковье одиннадцать миновало, считать умеет — помощница первая в лавке. Да и Алеше десятый годок пошел, тоже опереться уже

можно. Ничего, выдюжим.

Но и Проша, конечно же, понемногу приучался к работе в лавке: что-то принести, подать, за чужими людьми, что товар на телегах привезли, присмотреть. Хотя и в лавке умудрялся Проша любимому занятию предаться, выпадет минутка — шасть в закуток, из холщовой сумки книжечку житийных историй достанет и улетает в строгий и праведный мир, где совершали свои духовные подвиги великомученики и праведники. И все никак не понять Проше: почему взрослые, зная про жизнь праведную, никогда не поступают так, как надо, — и пьют, и сквернословят, и обижают друг друга, и воруют, и убивают. Ну как же так? Богом дорога правильная указана — живи по ней и спасение получишь. Нет, живут, как ни попадя. Где же праведники, почему о них только в книжках можно прочитать?

Хорошо хоть батюшка Петр отличается от других, он добр, нравом тих и приветлив. Соберет вокруг себя мальцов Петр, погладит по вихрастым головам и давай их поучать, как жить надо:

— Ищущий Господа найдет знание с правдою. Путь праведных — уклонение от зла. Есть золото и много жемчуга, но драгоценная утварь — уста разумные. Так что живите по Христовым заветам и обретете Царствие Небесное.

И опять любопытно Проше.

— Какое оно — Царствие Небесное?

Если дед Никола не ответил, может, батюшка Петр обскажет про жизнь небесную.

Но и отец Петр от ответа уходит.

— Никто не знает красоты Царствия Небесного, но оно лучше бытия земного, ибо там правят добро и любовь.

— А почто на земле нет Царствия Небесного?

Это уже Онуфрий спросил, сын дьякона Петра. Он постарше остальных учеников, ему десять лет. Потому уже горечь от несовершенства людского познал и мыслит об изменении мира жестокого.

— Жаден человек и подл по натуре своей, страстям подвержен. Потому как искушаем все время дьяволом. Чтобы к праведной жизни прийти, надо научиться бороться с дьяволом.

— А нас тоже дьявол искушает? — спрашивает шустрый Ванюша Дружинин.

— Конечно. Вот ты наемни пряник от купца Прохорова получил и ни с кем не поделился, даже с двоюродным братом Гришей. Это дьявол

тебе сказал — съешь один, тебе больше и достанется.

— А я и не слышал, чтобы мне кто-то говорил, — упирается Ваня.

— Вот потому и силен дьявол-то, что незаметно плохие поступки подсказывает. Ты думаешь, сам что-то сотворил, ан нет — сатана надушил. Так что следите за своими поступками: если жадность да лень одолевать начнут, значит, проворонили, пустили нечистого в душу.

— А до какого времени бороться-то с ним?

— Да всю жизнь.

— Даже праведникам?

— А им еще хуже приходится.

Тут уже Проша удивляется.

— А почему праведникам хуже?

— Да потому как дьявол сердится, что праведник не слушается его, вот и насакивает сильнее и искушает чаще.

Сидят ребятишки рядком, ладошки сложили, слушают во все уши, смотрят во все глаза, науку христианской жизни постигают.

С книгами да беседами, что ведут с отроком Николка Блаженный да отец Петр, вылепливается душа Проши — чистая, восторженная, к праведным делам предрасположенная.

И еще одного человека любит Проша — бабушку свою Федосью, мать умершего батюшки Сидора Ивановича Мошнина. Хоть и живет она далековато, но Проша наведывается к ней часто. Уж так уютно и приятно у нее в доме! Пахнет пирогами и геранью, что растет на окошке. Но особенно нравится Прохору сидеть на коленках у бабушки и слушать сказки. А уж она их знает уйму.

— Баба, а про медведя на липовой ноге расскажи.

— А вот и не буду.

— Ну расскажи, баб.

— Не буду.

— Почему?

— А ты опять бояться да плакать начнешь.

— Я нынче не стану плакать.

— Ну смотри у меня... Вот пошел мужик в лес за дровами, а на него и навалился медведь косолапый. «Ага! — говорит, — попался, мужичонка! Славный ужин из тебя получится». Дерёт, ломает крестьянина зверь, вот-вот смертушка придет. Но тут изловчился мужик да и тяпнул топором по лапе задней медведю и отрубил ее.

Крепится Проша, жалко ему медведя. А плакать нельзя — обещал же.

— Рассказывать далее-то? — спрашивает бабушка Федосья.

Кивает мальчонка светлой головенкой, а молвить слово боится — голос дрожащий выдаст жалость его.

— Тогда слушай. Убежал мужик домой, хоть и ободранный да живой. Дома баба его радуется — муж живехонек вернулся, а по виду тяжело ему в лапах медведя пришлось. Ну да ничего — вылечился. Вот живут мужик с бабой, нужды не знают. Но повадился по ночам медведь ходить вокруг дома. Приладил он вместо отрубленной ноги липовую, ходит и скрипит деревянной-то ногой. Да еще приговаривает: «Идет медведь на липовой ноге, несет мужику смертушку». Боятся мужик с бабой, целыми ночами не спят...

Тут уже внук не выдерживает, страх и жалость делают свое дело — из глаз сами собой ручьем слезы льются.

— Ну вот, а говорил, плакать не будешь.

Обнимет бабушка Федосья внучонка, поцелует, накормит пирогами, молочком напоит и обратно домой отправит. Смотрит ему вслед да по сыну безвременно умершему вздыхает. А про внука со светлой радостью говорит:

— Вылитый Сидор. Тот такой же в детстве хрупенький да голубоглазенький был. Ну ничего, отец высоким да сильным стал, значит, и Прошенька крепким вырастет...

Глава 3

Исцеление

Весна выдалась ранней. В середине марта солнце припекло так, что за неделю пышные белые сугробы осели, огрузли, превратившись в рыхлые, оспой битые горбы, из-под которых струились талые воды. По дорогам уже ездили на телегах — там снег сошел быстрее. По колесам текли бурные, говорливые ручьи. Ребяшня, уставшая за зиму от шуб и валенок, высыпала на улицу налегке. Серебристый смех и восторженные крики летели в лазурное небо, сливаясь с пронзительными песнями оживившихся птиц.

Любимое развлечение для мальчишек — это, конечно же, пускание

самодельных корабликов по ручьям. В легких пальтишках нараспашку, азартно мяся жирную грязь сапогами, они бегали вдоль дороги вслед за своими корабликами из сосновой коры или из обычной щепы.

— Мой самый быстрый, гляди, гляди — он вперед вырвался!

— Не хвались, мой сейчас твоего догонит. Что — видишь?

Ура! — догнал!

— А ты не подталкивай его. Это нечестно!

— А я и не подталкиваю. Просто он застрял. Надо же ему помочь.

На что Проша Мошнин не любитель шумных игр, но и он выбежал из дому и влился в веселую затею. Ох как весело скачут по волнам самодельные суденышки, сталкиваются, ныряют под корку льда и снова выныривают, чтобы продолжить свой стремительный путь.

— Прошка, а где твой кораблик? — спрашивает соседский мальчишка Колька.

— У меня нет.

— На, у меня запасной есть.

Проша застенчиво благодарит мальчика и бережно опускает щечку в бурные воды ручья. Ух ты! — полетел!

Проша бросается вслед за корабликом — и грязь не грязь, и вода не помеха! Вон как быстро! Ах, в водоворот попал. Кружится на месте. Все уже вон где! А тут — такая досада! Нет, снова попал на стремнину и — вперед! А теперь под лед утащило. Неужели застрял? Ура! Выскочил! И так волнуется отрок, будто на том кораблике судьба его находится: если пройдет суденышко все водовороты и препятствия, значит, и в жизни так будет.

Радостный смех Проши вливается в торжествующую симфонию весны.

Перед оврагом мальчишки перехватывают свои кораблики, чтобы те не сгнули в потоках мутной воды, которая копится в пенном грязном котловане. И снова все несутся в начало улицы, чтобы повторить восторг увлекательной игры.

Ох, как легко дышится весной! От запаха свежего сырого ветра, от яркого сияния солнца и лазоревой красы небес кружатся головы, делая всех, даже взрослых, немного сумасшедшими.

Проша на обратном пути отстал от сверстников — тяжело бежать по раскисшей грязи в тяжелых сапогах. А не лучше ли по верху снежного бугра? Наст плотный — должен выдержать. И впрямь легче. Вот-вот

догонит товарищей запыхавшийся мальчик... И вдруг — бултых! Нога провалилась в снежную кашу. А там, внизу — ледяная вода, которая сразу же залила сапог. Ой, мамка ругаться будет... Что делать-то? Домой идти? Так больше гулять не выпустит. А на улице так хорошо! Не то, что в темной душной избе или в пыльной серой лавке. Нет, еще немного можно побегать.

И снова продолжаются азартные догонялки с летящими по волнам корабликами.

Домой идти все равно приходится — мать вышла на улицу и кричит:

— Проша, пора обедать!

— Сейчас, мам!

— Не задерживайся, я уже на стол накрыла.

Проша бредет домой, то и дело оглядываясь на веселую ватагу, скачущую вдоль ручья.

— Батюшки! Да ты промок совсем! — всплеснула руками Агафья Фотиевна. — Ну-ка, быстро переодеваться! Ведь простудишься, постреленок! Тебе уже десять лет, а ты о здоровье своем не печешься. Если расхвораться — не видать тебе больше догонялок. Ребятишки на улице будут веселиться, а ты в постели лежать станешь.

Так оно и произошло. Уже к вечеру Прохор занемог.

— Ты что, Проша, лег? Пойдем к молитве — ужинать пора, — позвала сына Агафья.

— Мам, голова что-то болит.

Потрогала Агафья — ба! Сын-то в горячке! Скорее уксусом натирать, чтобы сбить жар. Питья горяченького с малинкой навела, меду ложечку скормила — выздоравливай, сынок. Но на другой день еще хуже стало мальцу — мечется, бредит, всё про геенну огненную вспоминает. Лекаря пришлось звать, да и он не помог.

Надолго затянулась болезнь Прошенькина. Извелась вся Агафья. Чем только ни лечила, каких только молитв у иконы Царицы Небесной ни произносила, не поправляется кровиночка. А тут еще и дела в лавке, и строительство храма, и хозяйство... День-деньской у кровати не просидишь. Да и Прошенька поначалу все просил — посиди, маменька, рядом, расскажи сказочку, а потом и это перестал говорить. Лежит целыми днями пластом, в потолок смотрит и непонятно, видит ли что, или уже совсем в небеса душа-то наладилась. Почернела от горя Агафья. Бледный да худющий стал сынонька. Видать, скоро совсем Господь к себе приберет.

Поднимешь тельце, а оно — почти невесомое. Господи, за что же это наказание? За какие грехи-то?

Только чудо могло помочь.

И оно явилось.

На девятую пятницу после Пасхи из Знаменского монастыря в Коренную пустынь шел крестный ход с иконой Пресвятой Богородицы, той самой, о чудесном спасении которой рассказывал Проше Николка Блаженный. Из-за ремонта и затяжных дождей главная улица совсем непроходимой стала: свернули богомольцы к Большому переулку — по травке-то малохоженной улицы чище пробираться.

Совсем рядом оказался крестный ход с домом Мошниных.

Вдруг поднялся ветер, закружило, деревья тревожно зашумели. Богомольцы остановились, пережидая вихрь. Но тут ливанул дождь.

— Икону, икону прикройте! — крикнул кто-то.

Мещане Федот и Пахом, несшие икону Богоматери, поспешили к ближайшему дому. К счастью, ворота оказались не запертыми. Во дворе их встретила хозяйка, которая собирала развешанное на веревках белье. Это была Агафья Мошнина.

— Давайте в дом, мужики, намокнет икона-то, идите — там открыто.

Мужики вошли в просторные сени. Часть народа последовала за ними, другие, постеснявшись, укрылись от дождя в дровянике, в сарае да под деревьями.

— В избу, в избу несите, — поспешно открывая дверь, приказала Агафья.

Федот и Пахом, зашли в избу, поставили икону Божией Матери на лавку, перекрестились на образа в красном углу избы.

— Что, мальчонка-то, ай прихворнул? — спросил густым басом Пахом, указав на Прохора, лежащего на кровати.

— Совсем занемог сыночка, — скорбно подтвердила Агафья. — Уж чем я его ни лечила, ничто не помогает. Чахнет и чахнет. Боюсь, как бы плохого не случилось.

Прохор сквозь дремоту и слабость глядел на неожиданных гостей, не понимая, кто такие, откуда и зачем. В груди трепетало от слабости, обильный пот, липкий и холодный, превращал земное существование в муку. Даже днем его преследовал ночной кошмар — яркая спираль крутилась перед глазами, затягивая в бездонную яму. Силясь удержаться на краю этого круговорота, он пытался отчаянно крикнуть, но только

легкий стон слетал с бескровных губ.

— А давай его к иконе Богородицы приложим, — предложил Федот. — Она, заступница, чай, пожалеет дитя малое, изгонит недуг из отрока.

— И то правда. Что же это я сама-то не додумалась? — всплеснула руками Агафья. — Ведь не зря, поди, Господь вас ко мне направил.

Агафья осторожно подняла легкое тельце сына, поднесла к иконе Матери Божией и поставила Прохора на ноги.

— Постой, Прошенька, встань на ножки.

Но колени отрока подгибались, и голова заваливалась набок — сил у Прохора не было совсем.

— Ишь ты — ослабел, — прогудел Пахом. — Давай, Федот, бери икону-то, поможем.

Взяв икону на руки, мужики поднесли ее к Прохору. Тот бессильно ткнулся губами в одну из разведенных в стороны ладоней Богородицы.

— Помози и спаси молитвами Своими, — прошептала Агафья.

— Поможет Царица Небесная, — сказал Пахом. — Дай срок, поправится твой сынок, не печалься. Ты главное верь и молись.

— Спасибо вам, люди добрые, — сказала Агафья и положила сына на кровать.

Сквозь серую безжизненную маску ребенка вдруг проступил свет, словно бледных щек его коснулся солнечный лучик.

— Вроде как улыбнулся малец-то, — сказал Федот.

И действительно, светлая и нежная улыбка проступала все явственнее. Прохор глубоко вздохнул, как будто всхлипнул, и тут же заснул. И огненная спираль больше не кружила его. А видел он большой зеленый луг, по которому бегали какие-то мальчишки с белыми облачками за спиной. А между ними ходила, нет, плавала по-над травой высокая красивая женщина, от которой во все стороны исходили белые-белые лучи. Она улыбалась и махала приветливо рукою. Тепло разлилось по телу мальчика. Первый раз за многие месяцы он заснул тихо и спокойно.

Через неделю Проша уже сидел на любимой скамеечке с дедом Николкой и вел тихую беседу.

— А я думал, Господь-то тебя к себе позвал. Ан, видать, ты еще для земных дел нужен.

— Меня Богородица спасла.

— Да ну? Неужто Матерь Божия привиделась?

— Да. Она ласковая и добрая. И еще от нее свет яркий во все

стороны исходил. Она мне улыбалась и рукой махала.

— Я же говорил, Она тебя по жизни не оставит, Прошенька. Коль раз помогла — и дале так будет.

Окреп Прохор и опять зачастил в Ильинскую церковь к дьякону Петру. Тот с великой радостью встретил смышленного и тихого ученика. Почитали они вместе молитвы во благодарение Богородице за чудесное спасение. Батюшка же помог и справиться с горем, постигшим в этом году Прохора, — умерла любимая бабушка Федосья. Не стало больше сказок в жизни отрока.

Тяжело он переживал смерть близких людей. И отец ему виделся часто. Вспоминались его твердые, но гладкие, словно отлитые из меди, ладони, которые изредка касались сыновних щечек. Вспоминался густой сочный голос отца, когда он садился за стол и давал знать, что пора обедать. Помнилось, как сам с наемными работниками, закатав штаны, мял в топанце огромными ножищами глину для горшков. Как учил мастерить из дерева зверушек. Все это хранилось в памяти и с годами не затихало. А теперь вот и бабушка... В его душе жил теплый запах ее тела, прикосновения нежных рук, спокойный, ласковый, чуть надтреснутый голосок.

Жизнь учила Прошу страданиям. А куда же без них? Земные юдоли не нами определены, не нам от них и отрекаться.

С каждым годом крепла любовь к книгам. Его уже интересовали не только житийные истории, но и науки различные. Что как в мире устроено? Почему это так, а это по-другому? Почему ночью темно, а днем светло? Почему зимой холодно, а летом тепло? Сколько звезд на небе? Почему из лопуха лопух родится, а из одуванчика одуванчик? Что там за лесами дальними? Что за страны? Что за люди? Все интересно пытливому уму мальчика. Отец Петр, видя у отрока жадность до чтения, стал приносить и домашние книги, которых в церковной библиотеке не было. Начитается Прохор историй разных, и живут они в его душе самостоятельной жизнью — иногда даже он сам разобрать не может, что в его судьбе было, а что из книг пришло. Огромный мир, населенный сотнями ярких личностей, полный удивительных событий, поселился в крохотном сердце маленького курянина. Тесно им в душе, они наружу просятся. Для него и непонятно вовсе: есть, оказывается, на свете люди, которые не знают и десятой доли того, что знает он. С огромной радостью делится мальчик своим знанием со всеми: и со старшими братом, и с сестрой, и с маменькой, и с приятелями, которые вместе с ним при Ильинской церкви обучаются.

Сядут кружком друзья его и слушают, раскрыв рты, о деяниях первых христиан, которые веру свою свято берегли в самых суровых условиях. И даже смерть не могла поколебать их в вере.

— Прощ, а я тоже пробовал читать жития святых, но мне это показалось скучным, — говорит ему Гриша Дружинин, плотный мальчуган с черным, как смоль, волосом и карими глазами. — В книжке не так интересно, ты гораздо краше все излагаешь. У тебя все святые будто и сегодня живы.

— Да конечно! Я всегда с ними даже разговариваю и совета у них спрашиваю.

— У мертвых-то?

— Я же говорю — живые они. Это тела их умерли, а души их рядом живут и с нами беседу ведут.

— Никто со мной никаких бесед не ведет, — не соглашается двоюродный брат Григория Ваня Дружинин.

— А ты почитай сам их жития, пожалей их да и позавидуй им.

— А чему завидовать-то?

— Тому, что они сильны духом своим, многие из них мученическую смерть за Бога приняли.

— Нашел чему завидовать. Их же замучили, им ведь больно было.

— А если не позавидуешь — они, конечно, с тобой разговаривать не будут.

— Чудной ты какой-то, Прощка.

Не понимают сверстники Прохора, но с удовольствием слушают его рассказы.

Глава 4

Дела земные

В июле 1771 года Прохору исполнилось семнадцать лет. Он вырос в стройного красивого юношу с небесными глазами и нежными чертами лица. Его скромность и почтительность, временами даже робость, и в то же время твердость характера, живой пытливый ум и начитанность привлекали окружающих. Многие говаривали Агафье Фотиевне:

— Хорош у тебя сынок-то уродился. Красавец! Умница! Далеко

пойдет. Славный из него купец выйдет.

Радовалась Агафья добрым словам, но и понимала, что не всё так просто с ее сыном. Нет у него стремления к купеческому делу. Вот старший Алеша — тот хваткий да тороватый, весь в отца. А Проша не с душой торговлей занимается. Надо — сделает, а сам никакого интереса не проявляет. Всё книги да молитвы. Чуть что — в церковь уходит и там всё свободное время проводит.

Сначала в Ильинскую церковь бегал, где грамоте учился. Прикипел он душой к отцу Петру. Но в последнее время чаще в Сергиевский храм стал ходить. Обет свой Мошнины выполнили — каменные работы на строительстве церкви закончены. Нижний Сергиевский храм уже освящен. Служба давно идет. Теперь на верхнем отделочные работы ведутся. Прохор помогает, чем может, столярным мастерством сравнительно легко овладел. Иконостас помогает собирать да ставить, что ростовский мастер Сисой Изотов делал. Да так Прохор резьбой по дереву загорелся, что и сам из досочек ангелочков приучился вырезать.

Храм-то, конечно, хорошее дело, но ведь всему свое время. В жизни шустрым да твердым быть надо — иначе не видать ни богатства, ни почета. Нет, другой совсем Проша, ох, другой. Что-то его ждет? Женить бы его, что ли, пораньше: может, и образумится. Вон Алексей только что оженился, а глянь, какой хозяин стал — в лавке один управляется, наемные работники его во всем слушаются. Дочку Прасковью тоже замуж отдали. Ушла она теперь из семьи. Отрезанный ломоть.

А Прохор вот дома, да вроде и нет его рядом-то. Не такой он, как все. Парни его годов невест себе ищут, за дело отцовское берутся. А у него все книжки на уме да молитвы. Намекнул бы только — вмиг бы невесту сыскали. Вон у купца Первышева дочка Фотинка на выданье — красавица писаная, образованная: говорят, учителя домашние всякому баловству обучают — на музыке играть, барские танцы плясать. Да и вхож ведь Прошенька в дом Первышева. И дружат они вроде с Фотинкой. Может, и сладятся? Хотя, конечно, не совсем они ровня. Купец Первышев в первой гильдии, а Мошнины всё в третьей. Так ведь, может, по старой дружбе с Сидором-то и Первышев согласится на родство. Вот бы поднялись тогда Мошнины. Да что зря мечтать. Не бывать тому, чтобы Первышевы из низшего сословья жениха взяли в семью.

Прохор был в гостях у Фотиньи Первышевой. Дом у купца первой гильдии двухэтажный, каменный. Внутри убранство пышное, барское. Ковры везде заморские, кресла с резными спинками и ножками. Бархат

да атлас, шелка да фарфор, серебро да картины. Красота! На первом этаже музыкальный инструмент стоит, на котором Фотья мелодии всякие играет. Да не церковные псалмы, а светские вальсы да мазурки. Специальный учитель на то у нее имеется — француз месье Жюль. Он живет в доме дворян Якушкиных, а купец Первышев Якушкиным не раз добрые услуги оказывал. Потому и отпускают иногда учителя французского на уроки к купеческой дочери Фотинье, за особую плату, конечно. Француз Фотинью и танцам учит, и политесу. И наряды критически оценивает — заставляет портних курских на французский покрой платья шить. Ох и красивая Фотинка! Глаз не отвести! А уж разодела — сразу глазом и не охватишь всех оборочек, рюшечек и украшений. А на белоснежной шее перекатываются при каждом шаге несколько ниток жемчугов. Робкий Прохор и не посмел бы подступиться к такой-то красавице, да благо отец ее, Карп Ефремович, по старой дружбе с покойным отцом Прохора Сидором Ивановичем привечает паренька.

Причина для посещений дома Первышевых имеется важная — хозяин допускает любознательного юношу до своей библиотеки. А книг у него в доме много. Да не только житийных, коих и в церкви, и в доме Мошниных можно найти, а и светских. Вся жизнь целой планеты — как на ладони. Там и география, и история, и математика, и астрономия. Одного Михайлы Ломоносова сколько трудов — сразу и не прочтешь. Но Проша упорный — читает все подряд: что понятно и непонятно. И всему в голове место находится. Жизненный порядок и представление о мире окружающем в стройную систему складываются. Знает он и про страны заморские, где звери диковинные живут и растения невиданные произрастают. Знает он про моря бескрайние, про горы неприступные, про обычаи чужеземные и про светила небесные. Восхищается Прохор миропорядком: как все чудно да велико устроено Господом Богом в мире подлунном.

Интересно бывать в доме Первышевых. И не только книги удивляют и поражают воображение Прохора, но и домочадцы — все образованные да обходительные. А уж младшая дочка Фотинья — та и вовсе чудо. Любит с ней беседовать Прохор. Хотя странная какая-то Фотинка, чужая, не свойская. Боязно с ней общаться. А вдруг она все книги, что в библиотеке отцовой имеются, уже прочитала и все поняла, а ты и половины прочитанного осознать не можешь. Стыдно бестолочем-то показаться.

— Фотинка, а ты читала у Михайлы Ломоносова книжку о корпусулах. Я вот не совсем понял. И еще о химических растворах вопросы

есть. И об электрических силах.

— Проша, сколько раз тебе говорила — я не Фотинка, а мадмуазель ФотИ. Так меня месье Жюль зовет. А Фотинка — это почти мужское имя. У тебя же мать Агафья Фотиевна?

— Да.

— Значит, Фотий — мужское имя.

— Но ведь и женское имя имеется — Фотинья.

— А мне не нравится. Если не будешь называть меня мадмуазель ФотИ — прогоню!

— Прости, Фо...

— Мадмуазель...

— Мадмуазель...

— ФотИ.

— ФотИ.

— Ну вот и хорошо. А Михайлу твоего я не люблю. Занудство какое-то пишет. То ли дело пьесы господина Мольера или английского сочинителя Шекспира. Я, когда читала «Ромео и Джульетту», плакала навзрыд. Такая любовь! Читаешь — и будто сама во всем участвуешь. А Ломоносова пусть мужики читают. Он, пишут, и сам мужик.

— Может, и мужик. Но очень умный. У него в книгах обо всем описано — о тяжести, о цвете, о теплоте, об огне, о запахе. Господь его великим умом наградил. Даже завидно.

— И нечему завидовать. Подумаешь — про запахи написал. Я и без него знаю, какой запах лучше. Вот мне папенька намедни заморские духи подарил — такой чудный запах! Не то, что наши — сиреневые или ландышевые. Там такой аромат удивительный, что голова кружится. В Европе умеют делать красоту и изящество, не чета нашей грязной России.

— А тебе что — Россия не нравится?

— Не нравится. Здесь все кожами провоняло, луком и навозом, грязь повсюду и грубость, фи! А душа просит утонченности.

— Так ты хочешь во Францию уехать?

— Хочу. Только папенька ни за что не разрешит. Грозится месье Жюля больше в дом не пускать, когда я про Францию много говорить начинаю. А как я без месье Жюля жить буду, я и не представляю. Он для меня такой мир открыл! Я будто над землей поднялась и в облаках летаю, как ласточка.

— А ежели тебя папенька не пустит во Францию, как же ты в России будешь жить, коли ты ее не любишь?

— Я как представляю, что мне всю жизнь среди грубости, хамства и грязи пребывать, сразу плакать начинаю.

— Да чем же тебе Россия-то не по нраву? Взгляни-ка, вокруг красота какая — ширь голубая, леса великие, луга зеленые с травами шелковыми. За всю жизнь не налюбуйешься и не напешься этой красотой.

— Фи, травы да небо. Эка невидаль... Они везде одинаковые. А люди какие? Ты вон на крестьян крепостных посмотри — чистые звери. Грязные, немытые, чешутся, как псы подзаборные. Двух слов связать не могут. Мычат только, как коровы недоенные, если только не о еде да о выгоде речь идет. Тут уж они глотку начинают драть — не перекричишь. А всё почему?

— Почему?

— Потому как рабы они. В Европе уже давно крепостного права нет. Там люди все культурные да обходительные.

— Чай, культурные-то только богатые, а бедные они везде одинаковы.

— Ну не скажи. Во Франции и бедняки политесам обучены. Вот возьми месье Жюля...

— Опять Жюль, я тебе покажу Жюля! — загремел густым басом Карп Ефремович, входя в залу. — Задурил он тебе голову, доченька. Пора его в шею гнать, а тебя замуж отдавать.

— Ах, папенька, не хочу я замуж. Да и за кого? За Прошку Мошнина, что ли? Так он малохолный, хоть и красивый.

— При чем тут Прошка? У меня есть на примете хороший жених — у купца первой гильдии Матвеева старший сын Митрофан в самый возраст вошел. Пора ему семьей обзаводиться.

— Не хочу за Матвеевых, они все рыжие!

— А тебя и не спрашивают. Пойдешь, как миленькая!

— Не пойду!

— Я уже с отцом Митрофана обо всем договорился. А за строптивость свою останешься сегодня без музыкальных занятий и без танцев!

Фотинья, заревев в голос, кинулась вон их комнаты.

— Ах ты, стрекоза, избаловал я тебя, — в сердцах произнес отец. И, обращаясь к Прохору, сказал:

— Ну, как торговля у Агафьи Фотиевны?

— С Божьей помощью, Карп Ефремович, идет торговлишка по-маленьку. Еще одну лавку прикупили в старом мескотинном ряду. Там

Алеша, брат старший, управляется, а мать по-прежнему в надомной командует.

— А сам-то что ж? Не помогаешь им?

— Помогаю, Карп Ефремович. Как же не помогать?

— Знаю, чем ты интересуешься — молитвами да книгами, а торговля тебя тяготит. Ну ладно, книжку-то взял новую?

— Взял. Спаси вас Бог, Карп Ефремович.

— Ну-ко, что за книга? Лукреций? «О природе вещей»? Занятная книжица. Хотя нашему купеческому делу совсем и не нужная, но я с большим любопытством ее прочел. Люблю пошире обо всем знать. Вроде и проку никакого, а приятно, что про всё на свете судить могу со знанием дела. Ну, читай-читай. Только ты того... не это...

— Что, Карп Ефремович?

— На Фотьку не заглядывайся. Не твоего полету птица будет. Понял? А то гляди — не посмотрю, что мы с твоим папашей в приятелях ходили.

— Да вы что, Карп Ефремович! Я ведь ничего...

— Знаю я вас, молодых... Фотька девка яркая, а и ты статью-то, и лицом хорош. Ладно, ладно, не красней, чай, не девица. Иди себе, прочитаешь — за новой книжкой приходи.

Проخور с горящим от стыда лицом выскочил из дома Первышевых и заспешил в лавку — отпросился у брата Алексея ненадолго, только чтобы книжки обменять.

К Фотинке он испытывал странные чувства. Во-первых, он ее боялся. Страх вызывала глубокая таинственность души, которую он разумом понять не мог. Девушка казалась ему неземным существом, которую обычными, бытовыми мерками судить нельзя. Казалось, что в ее прекрасной головке хранится особое знание о мире, которое ему неподвластно. Во-вторых, поблизости с ней он пребывал в постоянном волнении, словно невидимые потоки корпускулов, излучаемые этим неземным существом, обрушивались на его органы чувств, приводя их в обостренное смятение. Тонкий чужой запах духов дразнил обоняние и вызывал головокружение. Слух не только ловил звучавшие из ее уст слова или заразительный серебристый смех, но и хранил в себе их еще долгие часы. Осязание даже при малейшем соприкосновении с рукавом платья вызывало почти болезненную реакцию всего организма, словно в пальцы, прикоснувшиеся к ее одежде, впивались тысячи тонких иголок. Зрение тоже творило удивительные вещи — даже если он не смотрел

на Фотинку или вообще находился от нее далеко, образ ее легко всплывал перед глазами.

Так что смущение от слов купца Первышева было вполне обоснованным. Спеша в лавку, Прохор, еще красный от волнения, перебирал в уме каждое слово, произнесенное недосыгаемой красавицей.

И только придя в серые привычнее стены лавки, юноша немного успокоился. Постылые торговые будни быстро отвлекли его от жарких мыслей.

Работа в лавке отнимала много сил и времени. Хлопотное и напряженное дело требовало полной отдачи. Да к тому же любви и желания. Но прав был Карп Ефремович — тяги-то к торговому делу у Прохора как раз и не было. Стоит он у прилавка, отсыпает крупу в мешочки покупателям, а сам далеко витает мыслями-то: вместе с Афанасием Никитиным за три моря путешествует или совместно с Колумбом на кораблях вдоль американских берегов плывет. Всё ему интересно в окружающем мире!

Но пуще всего Прохору хочется понять, для чего человек на свете живет. Спрашивал он и у отца Петра, что его грамоте в Ильинской церкви учил, и у маменьки, и у сверстников своих. Никто ответа не дал. Отец Петр ответил просто — в служении Богу. Но ведь Бог не мог создать его, Прошу, только для того, чтобы он в церковь ходил да посты соблюдал. Наверное, есть и еще какой-нибудь высокий смысл в его существовании на земле. Только понять это не дано человеку слабому да нищему духом. Матушка на вопрос только улыбнулась легко и ласково, как одна умеет, да сказала непонятное:

— Какой ты у меня лобастый стал!

Сверстники и того хуже — на смех подняли: живи да жизни радуйся. Зачем тебе смысл какой-то искать? Если Господу надо будет, он тебе этот смысл сам и укажет. А ежели сокрыл от тебя этот смысл, значит, так следует.

Мало этого Прохору. Про все сам узнать хочет. И про устройство мира, и про отношения человеческие, и о предназначении души Божеской, что ему дана. Ведь во всем какой-то порядок должен быть. Понять бы его, да ему и следовать всю жизнь.

В последнее время не с кем по душам поговорить стало Прохору. Отец Петр со службой занят, матушка с братом в делах по уши увязли. Товарищи всё боле житейскими благами душу радуют. Был дед Николка — и тот несколько лет уж как ушел в Киево-Печерскую Лавру да и не вернулся. Тошно Прохору без родственной души на свете жить. Стал

он подумывать, чтобы самому в Лавру на богомолье сходить. Проходил тут недавно обоз купеческий с юга, направлявшийся в Казань. Кое-что прикупил у них Алексей Мошнин, а Прохор с возчиками разговорился. Уж такого они о Лавре рассказывали, душа в груди, как птица в клетке, забилась. Эх, туда бы перелететь в мановение ока да хоть одним глазком взглянуть на красоту невиданную.

Купола на церквях там, говорят, не гладкие, а граненые, золотом горят, храмы белые с колоннами. А уж росписи везде: и в храмах, и на воле по стенам монастырским такие богатые, что часами будешь смотреть и не оторвешься. Да еще пещеры, говорят, там есть, открытые монахами в горе в незапамятные времена. В этих подземных убежищах по первости и жили монахи, и службу справляли. И до сих пор сохранилась в пещерах тех церковь, а в ней службу проводят по особым дням, когда славят память святых Антония да Феодосия, основателей Лавры. А еще в кельях подземных лежат мощи православных святых. Даже великого богатыря русского Илии Муромца там святые мощи нетленные хранятся в раке дубовой.

Ох, как хочется сходить Прохору в Лавру. Но нет пока такой возможности.

Только через шесть лет в 1777 году сбудется мечта Прохора. Соберется он с друзьями своими и отправится в великое паломничество в святые места.

А эти шесть лет были непростыми.

Это — годы духовных исканий молодого курянина. И главным наставником для него стала книга. Еще в детстве окунувшись в мир великих потрясений, событий и явлений, открывшихся ему при чтении, Прохор растворился в нем всей своей чувствительной, чистой и восторженной душой. Деяния апостолов, великомучеников и святых отцов стали частью его жизни. Его мечты были связаны с желанием хоть на шаг приблизиться к духовным вершинам, которых достигали древние подвижники и столпы благочестия.

Благодаря книгам, развитому и острому уму и удивительной памяти, которая хранила в себе все прочитанное, Прохор перерос в духовном отношении всех своих сверстников, да и взрослых земляков. В спорах о жизни не было ему равных. Он обладал сильным даром убеждения, да таким, что даже упертые в своей ограниченности люди вставали в тупик, не находя доводов, чтобы опровергнуть речи вдохновенного юноши.

Товарищи помягче да повпечатлительней любили Прохора — он так занятно и выразительно рассказывал им об устройстве мироздания, родной планеты, государства, окружающего мира или о жизни и духовных подвигах святых, что хотелось слушать и слушать. Только после его рассказов трудно было возвращаться к серой и суетной действительности. Картины, нарисованные словом, были так ярки и необычны, что дух захватывало. Потому и тянулись за ним товарищи в храм, где величественные своды, строгие лики святых и торжественные молитвы помогали им сохранять ощущение восторга от жизни, что умел вызвать голубоглазый и стройный юноша Прохор Мошнин.

Но хотя и умен и начитан был Прохор, но не кичился он своим знанием да силой убеждения. Всегда искал возможность испросить совета у более опытных людей. Особенно милы ему были беседы с отцом Петром, который в ту пору уже был возведен из дьяконов в сан священника. У отца Петра времени свободного было мало, но, когда приходил воспитанник, он во внимании ему не отказывал.

— Батюшка, почему в мире столько греха?

— Слаб человек, потому и грешен.

— Но разве спасение души для вечной радости не главное в нашем земном существовании?

— Грех — это разлука с Богом. Кто хочет быть рядом с Богом, должен позаботиться об этом в земной жизни.

— Если Бог всё определяет, разве не Он делает нас праведными и грешными?

— Господь сотворил человека свободным. Мы вольны грешить и вольны не грешить. Каждый сам себе выбирает дорогу. И по делам его — судьба в веке будущем. Одним — райские кущи, другим — геенна огненная.

— Почему же люди не боятся наказания Божиего?

— Они оправдывают свои грехи житейской необходимостью. Греша, они приобретают сиюминутные выгоды. Собственная смерть и Суд Божий кажутся им далекими, поэтому они стараются не думать о них. Дела земные занимают их разум и душу.

— Но разве они не читают святых отцов? Вспомни, как говорится у святого Ефрема Сирина: странники и пришельцы мы в этой жизни, но не знаем, когда восхищены будем отсюда. Многие, проснувшись утром, не доживали до вечера. Другие, уснув вечером, не достигали утра.

— Страшен час смертный, когда душа разлучается с телом.

Но об этом часе обычно вспоминают за минуту до него. Сейчас я иду соборовать умирающего купца Баранова, пойдём, поможешь мне в службе. Вот и посмотришь воочию, как человек готовится предстать перед Всевышним.

В доме купца стоял густой, тяжелый запах болезни. Домочадцы скользили по комнатам, словно скорбные тени. Болезнь главы семьи мерзкой, липкой паутиной прицепилась к их душам. Близкое присутствие смерти стерло с лиц выразительность и красоту живой мимики. Небольшое оживление, вызванное появлением отца Петра и служки Прохора, выглядело не более чем суетой могильщиков у гроба покойного. Купец Баранов лежал в дальней комнате второго этажа на широкой кровати. Его тело, утонувшее в перине, еле угадывалось под атласным одеялом. Болезнь высушила его. Худое лицо словно вырезано из желтой кости. Мраморная лысина блестела от множества зажженных свечей. Густая русая борода казалась чужой на изнуренном лице. И только глаза, требовательные, полные мольбы и надежды, жили на этом черепе, обтянутом пергаментом желтой кожи.

— Батюшка, помолись о моем выздоровлении, — хрипло попросил умирающий.

Отец Петр, сделав необходимые приготовления, начал читать молитву о выздоровлении раба Божьего Спиридона. Прохор исполнял роль служки: подавал молитвенник, масло, свечи... Купец, следивший за ним воспаленным взором, поманил его пальцем.

Прохор нагнулся к больному.

— Дай водицы испить, — попросил тот.

Прохор подал кружку воды, помог приподняться, напоил и, поправив подушку, осторожно уложил высохшее тело на перину. Купец дотронулся сухой ладонью до руки юноши.

— Спаси тебя Бог... Мне бы такого сына... А то все девки...

И снова зазвучал глухой мерный голос священника. По ходу молитвы отец Петр семикратно помазал больного елеем и произнес:

— Покайся в грехах, раб Божий.

— Грешен я, батюшка. Тяжки грехи мои...

— Покаяние поможет заслужить прощение Господа нашего.

Взглянув в сторону домочадцев, купец зло прохрипел:

— Пошли вон.

Те быстро скользнули за дверь. Отец Петр повернулся к Прохору.

— Проша, ступай за ними.

— Не гони его, — прохрипел умирающий. — Пусть слушает. Мне теперь уже все равно. А ему польза будет. Глядишь, чужие грехи от своих уберегут.

— Твоя воля.

— Грешен я страшно, батюшка. Я боюсь, что за грехи мои ждут адские муки. Можешь ли ты спасти меня?

— Спасает Господь. Облегчи душу свою.

— Дочь свою, Марию, я на страдания обрек. Для умножения капитала отдал замуж за сына купца Медведева. А тот умалишенный — на люди с таким стыдно появляться. В церкви хихикает и всем язык кажет. Не попрекала меня Машенька, да я и сам вижу, что сгубил ее жизнь. Страдаю я. Но изменить уже ничего не могу.

— Искренне ли твое раскаяние?

— Искренне. Плачу я о загубленной жизни доченьки любимой.

— Бог простит тебе этот грех. Что еще тебя мучит?

— Неправедно я жил: обманывал, подличал, в помощи отказывал. Но ведь без этого купеческого дела нельзя вести. Только тот процветает, кто хитрить да обманывать может.

— Так ты каешься или оправдываешь грехи свои?

— Каюсь, но прошу снисхождения.

— Да простятся тебе грехи твои именем Божиим.

— Батюшка, поймей в виду, что я замаливал свои грехи. И на церковь много денег давал. Мне зачтется ли это?

— Зачтется, сын мой. Но я вижу, что-то тебя другое гложет?

— Страшный грех на мне, батюшка. Работала у меня в лавке девица, Настей звали, красавица писаная, так она мне полюбилась — словами не выскажешь. Уж я ее лелеял, ублажал, подарки дорогие дарил. Отдалась она мне, и сладкой моя жизнь стала. Как хмельной ходил, ничего другого не надо было. Даже торговое дело перестало радовать. А тут эти... — купец показал взором на дверь, за которой скрылись домочадцы, — такие скандалы стали устраивать, что белый свет потемнел. Родню всю подключили. Что ни день — послы с пенями идут. И батюшку Иоанна подговорили. Тот тоже нудеть начал. Видеть его больше не могу. Так меня в оборот взяли, что решил я любову свою подальше с глаз отправить. А она возьми да и скажи мне, что робеночка от меня ждет. Что тут делать? Ведь совсем загрызли бы доброты. Думал я, думал да и надумал. Приказал Насте утопить младенца, как на свет появится. А та

возьми — да исполни. Сыночек у нее родился. Это она мне сказала. А потом Настенька с горя удавилась. Я боюсь, что не простит мне Господь этого греха и низвергнет меня в геенну. Я не хочу туда.

— Да простит тебя Бог!

— А если не простит? Тебе легко говорить, а ведь это мне не сегодня-завтра перед судом Всевышнего ответ держать. А что я скажу? Так надо было — чтобы в семье скандала избежать и молвы плохой о себе не иметь? А если не поверит в необходимость? Что если врешь ты все о прощении? И молитва о выздоровлении — ложь. Поп, врешь ты всё! Не встану я больше. Печень у меня от пьянства совсем разложились, так мне врач сказал.

Купец стал дышать коротко и часто, желтая лысина покрылась крупной испариной. Даже сквозь темный желток на щеках проступила смертельная белизна. Глаза загорелись злобой. Страх, таившийся внутри, вдруг выплеснулся на свободу, парализовав волю умирающего. Он яростным хриплым шепотом выкрикивал из себя этот нутряной страх. Губы его тряслись, руки, лежавшие поверх одеяла, дергались, словно ужаленные пчелами. Ужасом исказило черты лица. Он, видимо, только теперь в полной мере осознал неизбежность своего низвержения в ад. Позднее сожаление о несправедном житье захлестнуло сознание. В его словах о грешности не звучало искреннего раскаяния о несправедности своей. Только страх перед неизбежной карой владел им. Он понял, что даже большие деньги, которые он давал на строительство церкви, его теперь не спасут. Тяжкие грехи, лишенные покаяния, тащили его душу в ад. И дьявол, торжествующий и довольный собой, хохотал в своих огненных пределах, и этот его злобный хохот достигал ушей умирающего грешника.

— Батюшка, спаси! — хрипел купец, и в его широко раскрытых безумных глазах полыхал адским огнем панический ужас.

Картина соборования грешника так поразила воображение Прохора, что он несколько недель не мог спокойно спать. По ночам ему являлись огромные страшные глаза купца. Он слышал хрип умирающего, и страх, поразивший грешника перед смертью, закрался в чистую и впечатлительную душу юноши, мешая спокойной, размеренной жизни, к которой он уже привык.

Спустя несколько месяцев после этого случая Прохор спросил отца Петра:

— Батюшка, а что нужно, чтобы монахом стать?

— От жизни мирской полностью отречься. А это насилие над телом своим. Естество человеческое противится насилию. Тяжкие борения становятся уделом человека. Не каждому такое под силу.

— То есть только очень сильные духом могут идти по этому пути?

— Да. А ты или в монахи собрался?

— Хочу попробовать...

— Зачем тебе это? Ты же молодой. Хочешь Богу служить — иди в священники. Попадью себе найдешь, детишек наплодите. Будешь и сам жить в радости, и другим духовно помогать. А ты — в монахи. Чай, пусть туда старики идут, им уже ничего не хочется.

— А почему обязательно надо жить в радости? Разве святые наши к этому стремились? Они же нас своими молитвами спасали. И людей из греховной жизни к Царствию Небесному выводили. Ведь и им сначала тяжело было, они тоже со своими страстями боролись, а потом уже, когда закалились духом и возвысились до божественной истины, тогда и людей за собой к Богу повели.

— Да зачем тебе со страстями-то бороться? Просто надо научиться их сдерживать и направлять в нужное русло.

— Надо, батюшка, бороться, надо. Спаси душу я свою хочу. Дьявол-то только и ждет слабину. Если за страстями пойдешь — к дьяволу придешь. Я вот волю свою закаляю, чтобы силы для борьбы с лукавым иметь.

— И как же ты закаляешь ее?

— Я определяю для себя, что мне хочется боле всего, и не даю себе этого. И чем дольше, тем лучше.

— И что же ты себе не даешь?

— Вот, например, захотел я есть, и говорю себе — терпи. И терплю так целый день до вечера. Когда голова перестает постоянно о еде думать, я за стол и сажусь. Или вот бывает холодно мне. Так я нарочно с себя одежду сниму, что бы еще холоднее было. И терплю, пока к холоду не привыкну.

— Да разве к нему привыкнешь, к холоду-то?

— Привыкнешь, если о другом думать.

— О чем же?

— О Царствии Небесном, о спасении, об очищении от грехов.

— Станный ты, Прохор. Сила духа в тебе большая, а вот к чему она тебя приведет — и представить не могу. Кто же тебя надоумил тернистый

путь избрать?

— Святые наши. Я когда жития читаю, сам себя представляю на месте их. Вот, например, великомученик Георгий Победоносец был почитаемым и богатым военачальником. А взял и раздал свои богатства бедным, рабов отпустил на волю, явился к императору и обличил его в жестокостях против христиан. И, несмотря на увещевания, не отрекся от Христа. И под пытки пошел. Его положили на землю, ноги заключили в колодки, а на грудь положили тяжелый камень. Но святой Георгий только прославлял Господа. Его избивали воловьими жилами, колесовали, бросали в негашеную известь, принуждали бежать в сапогах с острыми гвоздями внутри. И святой мученик все терпеливо сносил. В конце концов, император приказал отрубить мечом голову святому. Батюшка, ты представляешь, что пришлось ему испытать ради веры и ради людей? Почему он смог, а мы нет? Почему мы сидим дома, хлебаем щи, размножаемся, делаем друг другу пакости и не думаем о собственном спасении и спасении других? Я решил готовить себя к молитвенному пути.

— Я вижу, ты уже определился с выбором.

— Да, хочу уйти в монастырь.

— А мать-то знает?

— Зачем ей прежде времени беспокоиться? Придет пора, сама все поймет и благословит.

— Да неужто тебе с девками не хочется поболтать?

— А о чем с ними говорить? Они ничего, кроме нарядов да кушаний, не обсуждают. Грамоте никто не обучен, книжек не читали. А если кто грамотен и читает, то всё ерунду какую-то.

— Это какую же?

— Про любовь да подвиги.

— А тебе это не интересно?

— Нет. Я о жизни хочу все понять. Для чего она? Как должен человек себя вести, чтобы после смерти душа его в Царствие Небесное попала? Вот и получается, что обычная семейная жизнь, с ежедневной стряпней, хлопотами, суетой и мелким бытом — это не по мне.

Смотрит вслед юноше священник и вздыхает:

— Ох и чувствительным Проша растет. Все у него на душу ложится, каждое событие, каждая судьба, каждая история. И, похоже, что книжные-то юдоли для него ярче жизненных. По земле ходит, а сам в небесном мире живет. Из таких вот чувствительных гении да святые выходят. Да хранит его Господь.

Но житейских хлопот Прохору миновать не удавалось. Хочешь не хочешь, а торговым делом заниматься надо. В купеческом деле не зевай — в миг разоришься. Сколько купцов из-за лени да глупости без капитала оставалось, за долги их даже из домов выселяли, а то и в ка-торгу оправляли. Днями и ночам о торговом деле печься приходится. Да и в хозяйстве чуть дай слабину — проруха обнаружится.

В 1772 году переехал в соседи к Мошниным купец Петр Иванович Ишунин. А мать-то его дальняя родня Мошниным. Вот и надумал Петр права предъявить на усадьбу Мошниных. Самовольно захватил большой участок 12 на 17 сажений огорода чужого, свои плодовые деревья посадил и плетень поставил. Попыталась Агафья Фотиевна усювестить нового соседа, а тот ни в какуюю.

— Мой это участок, Агафья! Он по праву наследования моей матери принадлежит.

— Да как же твой-то, если мы всю жизнь им владели.

— Незаконно ты владела им. Теперь он моим будет — и это по закону.

— Совсем стыд потерял, Петруша? Как же ты решился родню своей матери обидеть? Разве это по-христиански?

— Не по-христиански владеть тем, что тебе не принадлежит, а ты владела!

— Да у меня вон свидетелей сколько — все соседи скажут, что это мой участок.

— А покажи тогда документ, что это твоя земля!

— Какой же тебе я документ предъявлю, если и без документа ясно, что земля наша. Когда муж мой Сидор Иванович, Царствие ему Небесное, разделился с братом Антоном Ивановичем, весь этот участок как раз и достался нам. А почему они документом это не закрепили, про то я не знаю.

— Нет документа, значит, нет и земли. Всё. Больше к этому нет возврата.

— Креста на тебе нет, Петро, пользуешься тем, что дети у меня еще юноши слабые — не могут тебе отпору дать. Дак и я сама не лыком шита, повоюем еще.

Война получилась затяжная. Одолеть наглого соседа без документов не получалось никак. Однажды, спустя два года после начала земельного спора, отчаявшись, кликнула Агафья ночью сына Алешку, и они вдвоем порубили плетень Петра Ишунина, и стащили к себе на двор.

Проснулся утром сосед, а плетня-то и нет. Кинулся он ругаться с Агафьей. А та не уступает. С новой силой вспыхнул скандал. Петр Ишунин тогда жалобу в магистрат, суд купеческий, накатал. И в тот же день, 1 мая 1774 года, Агафью Фотиевну взяли и посадили под арест.

Несколько дней продержали невинную женщину в тюрьме. На Прохора эта история произвела тяжкое впечатление. Как же так? Его любимую маменьку и к ворам да разбойниками причислили. Да за что же это? Где же на свете справедливость? День и ночь молился Прохор об освобождении матери. А Алексей на молитвы не стал надеяться — с прошением в магистрат отправился. Да и Агафья жалобу написала о незаконном лишении свободы. Выпустили Агафью Фотиевну. А разбирательство еще целый год длилось. Немало денег было в магистрате заплачено и Мошниными, и Ишунинными, чтобы умаслить судей. Только глубокой осенью 1776 года закончилось дело полюбовным соглашением, когда часть спорного участка отошла к Ишунину, а часть к Мошниным. А сколько нервов и сил душевных эта тяжба унесла! Долго еще поминали эту историю в семье Мошниных.

Для Прохора это событие послужило еще одним наглядным примером греховности мирской жизни, бездумности, с какой люди творят дела земные без оглядки на Суд Божий. Такие примеры еще больше склоняли его к мысли о монашеской стезе. Спасение собственной души стало основным делом его жизни.

На следующий год летом, когда были окончены все огородные и садовые работы, Прохор, наконец, собрался в Киево-Печерскую Лавру.

Глава 5

Лавра

— Маменька, мы с друзьями в Киево-Печерскую Лавру хотим сходить.

— Да почто ты туда собрался, Прошенька? Дел-то по хозяйству, сам видишь, сколько — и в лавке, и на огороде, и в доме. Ведь работаем — роздыху нет.

— Всех дел не переделаешь, мама. А мне в Лавру надо.

— Да зачем же?

— Хочу святым мощам поклониться да с мудрыми монахами

повстречаться. Посоветоваться с ними хочу.

— О чем?

— О жизни своей.

— Так почему же тебе с монахами надо советоваться о жизни своей? Посоветуйся со мной.

— То, что ты мне посоветуешь, я знаю. Тебе бы женить меня да лавку новую купить, чтобы я там денно и ночью работал.

— Да разве это плохо? Ведь и отец твой жил так, и дед, и прадед. Так Богом велено.

— Нет, мама, Богом велено, чтобы мы за время земной жизни душу свою возвысили до небес.

— Да как же ты собрался ее возвышать-то?

— Служением и испытаниями.

— Ох, Прошенька, видать, зря я тебя грамоте выучила. Начитался ты разных вольных мыслей в книжках-то, вот и тянет тебя из дома.

— Не отговаривай меня, мама. Я бы хотел с твоим благословением в путь трогаться.

— А как же с торговлей-то?

— С торговлей в новой лавке брат Алексей и без меня управляется. В надомной лавке у тебя тоже хорошие помощники есть — сама нанимала этих двух шустрых пареньков из мещан. А толку от меня в этом деле все меньше и меньше становится. Сама видишь, я целыми днями в Сергиевской церкви пропадаю. Там работа по устройству верхнего храма уже к завершению близится. Говорят, освящать его хотят в честь Казанской иконы Богоматери, потому как на пожарище старой Сергиевской церкви нашли эту икону целую и невредимую. По всей видимости, освящение состоится уже в следующем году. Я только храмом и живу. Не в миру я уже.

— Вижу, что не в миру. Ну что ж, иди, держать не буду. Твердость твоя от отца пошла. Он тоже, если что задумывал — отговорить было невозможно.

Решился-то Прохор на паломничество в святую землю давно, а одному идти туда боязно — много беглых крестьян гуляет по Руси. Только что пугачевские отряды царскими войсками разгромлены, остатки их по стране бродят, в лесах да болотах скрываются, купеческие обозы грабят. И на отдельных путников нападают, добро отнимают и убивают запросто, словно нехристи. Еще не утихомирилось в народе разбойничье брожение. Пускаться одному в дальний путь — безумие. А в компании

и веселее, и не так страшно. Потому и стал Прохор подговаривать товарищей своих, тоже купеческого сословия.

Первыми согласились пойти двоюродные братья Дружинины — Иван да Григорий. Они когда-то вместе с Прохором в Ильинской церкви у отца Петра грамоте учились да уму разуму набирались. Им тоже в радость богоугодные дела совершать. К ним присоединились приятели — Иван Бесходарный да Петр Матчин. Их отцы деньги вкладывали в строительство Сергиевского храма, на службы с детьми приходили, поэтому Прохор с ними частенько виделся. Прознав, что собирается компания молодых людей для паломничества в Лавру, пришел к ним и еще один купеческий сын — Алексей Меленин. Семья у него большая: братьев и сестер полным-полно, и все младше его. Он — первый помощник отцу и в доме, и в торговом деле, но так запросился на святую землю, что устоять родители не смогли — отпустили сына и благословили на путь дальний.

И остальные молодые люди получили родительское благословение, да и деньжат им на дорогу выдали, чтоб не голодали. Прохора маменька перекрестила, кошель в руку положила и молвила:

— Что ж, иди, сынок, помолись за нас. Да и мир поглядишь, а то и правда — живем здесь безвыездно, ничего не видим, ничего не слышим, ничего не знаем. А ты молодой — тебе простор нужен. Ум у тебя живой, пытливый, грех мне тебя в лавке томить. Иди, а мы здесь управимся, за нас не беспокойся.

Алешка тоже обнял брата.

— Ты гляди там в дороге, больно-то не зевай. Разбойного люду много по Руси теперь бродит. К ночи старайся к жилью прибиваться — там понадежней. Будешь в Лавре — закажи помин за упокой отца нашего Сидора Ивановича, пусть ему на том свете радость будет.

Алексей и сам сильно походил на отца — высокий, плечистый, с окладистой бородой. Взгляд твердый, волевой — настоящий хозяин жизни.

Прибежала и сестра Прасковья, расцеловала в обе щеки, всплакнула немного: все-таки в такую даль братца страшно отпускать.

Поклонился Прохор родным, закинул за плечи суму дорожную и ушел из Курска в сопровождении верных попутчиков.

Июнь сиял лазоревым небом и теплым солнышком. Вышли из города — и вот она, ширь русская. Не шли, а летели парни по дороженьке пыльной, что на юг вела. А облака-то серебристые да перламутровые

над головами флагами да хоругвями проплывают, а пташки-то малые от счастья летнего песнями заходятся.

Полыхает в груди молодых курян восторг от свободы и земного великолепия. На радостях — как хмельные: рты не закрываются от разговоров разных. Обо всем речь ведут: и о красоте природы русской, и о предстоящем пути тревожно-загадочном, и о чудесах Лавры Киевской, что от чужих людей слыхивали. А Прохор все про свое:

— А для чего же это, ребята, красота такая создана? Для какой такой цели? Почему, например, Бог вот этому мотыльку жизнь подарил? Ведь тоже, наверное, не зря.

— Да что ты привязался? — смеется Ваня Бесходарный. — Ну сотворил и сотворил. Может, для того, чтобы его какая-нибудь пичужка съела.

— А пичужка тогда для чего?

— А она для кошки, которая голодная по кустам лазит. А кошку лиса поджидает. Так оно друг для дружки и создано.

— Ну а человек-то для чего? Его-то ведь никто не ест.

— А человек нужен для того, чтобы увидеть все это и осознать величие Божье, — поддерживает разговор Иван Дружинин.

— Так-то оно так, — не соглашается Прохор. — Да не совсем все ясно. Ведь и сознание, то есть разумение наше, для чего-то Богу нужно.

В разговорах да спорах идут путники долго.

Потом начинают уставать, замолкают и до полудня бредут молча. Встретилась им речушка мелкая. Расположились на бережку, достали из котомок съестное, пообедали. Легли потом в тени липы поспать. Подремали пару часиков и — опять в путь.

И что же это люди в городе суетятся да скандалят? Вот она какая жизнь-то настоящая — тихая, радостная, счастливая. Что толку в этой торговле надоевшей и хлопотах пустых о нарядах да яствах изысканных. Ведь человеку нужно так мало — кусок хлеба да вода родниковая. Нет больше ничего такого в мире, чтобы занимать душу и разум. Жизнь должна быть чистой и легкой, как полет пчелы от цветка к цветку. Идет Прохор, молитвы шепчет в благодарность Всевышнему за ту нечаянную радость, что подарила ему судьба. Да и товарищи отмякли после хлопот житейских, распрямились, лица их разгладились, хмурость улетучилась. Идут, любуются на красоты окружающие, улыбаются и мечтают о том, как вступят на землю святую.

В деревнях, что встречаются на пути, люди приветливые. Кто не в поле да не на огороде, те с улыбкой привечают путников: и попить дадут, и хлебца предложат, и денег не берут, что молодежь достает из кошель.

— Идите, люди добрые, не надо ничего. Помолитесь за нас там, в Лавре Киевской, свечку поставьте. Авось, Господь услышит вашу молитву и облегчит нам жизнь.

А жизнь у крестьян тяжелая — и свое поле вспаши, засеи, вырасти, убери, и барское, и подать вовремя заплати. А помещику-то все мало. Давай-давай. С него тоже подать подушевую требуют — сколь крестьян, столь и денег уплати. Вот и ярится барин: и для государства деньги выбей, и себя в накладе не оставь — поневоле злым будешь.

Надрываются на непосильных работах крестьяне. Полевые работы закончил — за ремесло берись. Кто хомуты мастерит, кто мочало дерет, кто ложки делает, кто холсты ткет. Продашь свое изделие на базаре в городе — глядишь, будет чем и подать заплатить. Не заплатишь — за недоимку коровенку последнюю отнимут, а самого какому-нибудь городскому барину продадут. А семья на земле останется, ну а без хозяина да без скотины — ей верная гибель. Кто посильнее характером да семейством сильно не обременен, тот бежит от барина: кто в Польшу, кто на Дон, кто за Урал. А кто тут — по лесам, по долам разбоем промышляет.

Везде по деревням, где путники собеседников находят, все про одно и то же говорят: произвол помещичий, отсутствие защиты для крестьянина, бедность да тоску неизбывную.

Вот сидят ребята у крайнего дома в деревеньке захудаленькой, слушают рассказ дедочка трухлявого, что на завалинке примостился — сморщенный, как груша вяленая, бороденка реденькая, зубов во рту почти нет, сидит тряпьем обмотанный — и не человек, а пугало огородное. Но взгляд живой, улыбка светлая. Про горести крестьянские рассказывает, а сам улыбается. А чему смеяться-то, плакать хочется.

Впечатлительная душа у Прохора — слезой умывается от рассказа стариковского.

— Ну так вот, я, значит, и говорю: не сумел я заплатить вовремя подать, так меня — в батоги. Три дни почем зря шкуру спускали. А потом погнали на мануфактуру, что в селе соседнем купец Савосин завел по войлочному делу. Вот там я и зарабатывал деньги, что не смог вовремя помещику оплатить. А там — каторга, а не работа: грязь, вонь, испарения от шерсти моченой, цельный день в полумраке, как кроты,

копошились, жилы надрывали. К ночи падали без сил в бараке, что рядом с мануфактурой стоял. У нас дома скотина лучше жила, чем там людей содержали. А платили гроши. Еле-еле скопил деньжат, чтобы с барином расплатиться, и воротился домой. Да лучше бы и не возвращался. Наденьку мою, женушку любимую, оказывается, барин продал на торгу. В дальние края проезжий помещик увез. И детишек Анюту да Ванюшку тоже продали — только уже другому барину. Про то мне соседи рассказали. Скотину тоже всю за долги забрали. Так что воротился я к пустым стенам. С тех пор так и живу бобылем. Ни радости в душе, ни надежды...

По-прежнему улыбаясь, дед вдруг пустил слезу. Куряне тоже стали украдкой тереть глаза. Посидели еще немного, попрощались с дедом горемычным и отправились восвояси. Долго еще молча шагали по пыльной дороге.

— Вот потому и идет народ в разбойники, что сил не стало терпеть несправедливость да нищету, — нарушил затянувшееся молчание Алешка.

— Говорят, что за Емелькой Пугачевым все народы, что по Волге живут, подымались — и по ту сторону, и по эту, — отозвался Григорий.

— Так ведь от самого Урала до соседней воронежской губернии бунт-то докатился. Чудом до Курска не дошло, — сказал Бесходарный.

— Жутко всё это, — поежился Григорий.

— Я слышал, что уж больно зверствовали пугачевцы, — поддерживал его брат Иван. — Над дворянами да торговым людом поизмывались от души.

— Да, — согласился Петр, — говорят, что поубивали народу много. Купцы в ту сторону боялись несколько лет с обозами ходить.

— Как же это можно вообще — взять и убить живого человека!? — с горечью воскликнул Прохор. — Пташку или пчелку убить и то стыдно и неловко, а тут человека. Что же это делается с христианской душой, что она заповеди Божеские забывает? Неужели дьявол так силен в простом человеке?

— Да, — продолжил разговор Григорий, — пограбили мужики много. Жгли да убивали всех, кто побогаче. Докатилось бы до Курска — так и нас бы всех не пожалели. У дворян курянских родня поволжская несколько лет жила. Порассказывали беженцы таких страхов — и в сказке не придумаешь: и головы разбойники отсекали дворянам да купцам, и огнем жгли, и запарывали насмерть, и вешали несчетно.

Разговор задел за живое — все зашумели наперебой:

— Ни детей, ни женщин, говорят, не щадили!

— Имущество все пограбили да пожгли, кто и жив остался, так нищим стал.

— С одной стороны жалко крестьянина, что ему живется плохо, а с другой — зверь он внутри, дай ему волю — сожрет любого.

— А Емелька-то Пугачев вроде вовсе и не казак был яицкий, а царь Петр III, муж императрицы Екатерины. Говорят, он и не умер вовсе, как объявили народу, выжил, спрятался, а потом ушел на Урал, чтобы, значит, против злодеев выступить, которые его убить хотели.

— Врут, поди.

— Зря вы такие разговоры затеяли.

— А ты что — аль государевым слугам нас решил продать?

— Да бросьте вы! Просто не дело про государыню Екатерину плохое говорить. Она, бают, наказ написала дворянам своим о том, как облегчение жизни народа устроить, а те и спрятали этот наказ.

— Неправда это. У нас сосед, купец первой гильдии Старшинов, был избран в комиссию, которая при царском дворце заседала. Они как раз по наказу государыни работали. Да и от народа пожелания письменные члены комиссии на заседаниях своих зачитывали, чтобы, значит, законы справедливые принять.

— Ну и что — приняли?

— Может, и приняли. Мы же ведь не про всё знаем.

— Отец мне про те законы сказывал. Есть они. Например, про отмену рекрутчины для купеческого сословия. Отменили же! Разве это плохо? Да и подушевую подать с купцов заменили процентом с капитала. Теперь если в монастырь уйдешь, за тебя гильдия не будет расплачиваться. И семья тоже не пострадает.

— А что, ребята, пойдете все в монастырь. Уйдем от грехов в чистое место, будем Богу молиться да простыми трудами хлеб себе добывать.

— А что, — и пойдём! Вот сходим в Лавру, получим благословение старцев, что там проживают, и уйдем в монахи.

— Ох, как я бы хотел! — воскликнул Алешка. — Я бы хоть сейчас ушел, но мне родителей жалко, торговля скверно идет, а братьев да сестер младших у меня много — их надо на ноги ставить,

— А ты как, Проша? — спросил Григорий.

— Я тоже думаю, что только в монастыре свою душу для Царствия Небесного смогу спасти. Не нравится мне в миру — жадность, грубость

да порок людьми овладели, не хочу я в этой суете жить. Никто о спасении своей души не думает. Живут — абы как. Жизнь-то земная коротка. Что далее с душой будет — и не думает никто. А я спасения хочу. Но в миру его не добьешься. Буду Господа просить, чтобы своей милостью удостоил.

— Это как?

— Я надеюсь познать просветление Духа Святого.

— А что это такое?

— Не знаю я пока, но один прохожий богомолец, что в Лавре побывал, рассказывал, что знают про то монахи киевские. Хочу у них поспрашивать.

Так в разговорах и проводили день за днем путешественники, все дальше и дальше двигаясь к юго-западу. Пеший путь нелегко. Это только со стороны кажется, как все приятно да благолепно: птички чирикают, мотыльки порхают, солнышко улыбается, березки приветливо руками машут. А жара, а пыль, а мухи, а комары, а слепни?! А пять сотен верст ножками потопай-ка. От деревни до деревни иной раз целый день идешь. И ни души, ни речки, ни ручейка. Дорога пыльная да солнце, как дракон сказочный, сверху жаром дышит. Пот глаза заливает, жажда мучит, в животе от голода урчит. А если дождь ливанет — и вовсе тоска. Дорога раскиснет, сам до нитки промокнешь. А ночевать иногда и в поле чистом приходится. А если после дождя — и у костра не сразу согреешься. Не назад ли повернуть? Может, зря в такую даль направились? Нет, не повернут куряне назад. Знают они уже, что для служения Богу легких путей нет. Чем больше трудностей преодолеваешь, тем слышнее твои молитвы на небесах.

Привычные лесистые холмы вскоре сменились степями, по которым тут и там белели аккуратненькие малороссийские деревеньки под соломенными крышами. Поля и огороды ухожены, обширны: природа украинская благоволит работающему человеку — воздает сторицей по трудам его. А народ везде хлопотливый, работает — не ленится. Несмотря на трудности, даже и для веселья время находит. Особенно весело на ярмарках, что в больших селах устраиваются. Вот на одну такую и угодили путники. Шум, гам, смех, зазывалы кричат, бабы голосят. Все всё продают и все всё покупают. Спорят, ругаются, иногда чуть не до драки дело доходит.

Около шинка пьяные шумят: никак не решат, кто из них в жизни важнее. А уж такие оба важные, что и смотреть стыдно — рвань да пьянь! Тьфу! Разве для этого Господь человеку дал разум, чтобы он в такое

недоразумение превратился? Больно Прохору смотреть на человека, который о божественном происхождении своей души забыл и который душу свою бессмертную губит, готовя ее к вечному страданию. Как же этому человеку можно объяснить то, что Прохору и без объяснения ясно? Нет таких слов и нет таких сил. Попробуй подойди да пристыди — виноватым будешь. Еще и тумачков надают. Ох, жизнь...

А в центре ярмарки балаганчик кричит, смехом надрывается. Кукольники из-за ширмы тряпичных персонажей, на руки надетых, выставили и нехитрую историю разыгрывают, где слабого да бедного все палкой бьют и обижают беззаконно. А тот только шутками-прибаутками отвечает — на большее сил и прав нет. Народ веселится вокруг, когда бедному палкой по голове особо крепко достается. А что смешного-то? Всё как в жизни. Плакать надо. Но люди хохочут, пальцами показывают и монетки на расстеленный платок кидают. Что ж, бедному хоть так на пропитание заработать — показать самого себя в смешном и униженном виде. Страдания так велики, что сил плакать нет, один смех и остался. А не будь его, только в петлю или в омут дорога. Эх...

Ходят курыне, дивуются на жизнь южную. Малороссийский говор с трудом понимают. Но всё им интересно. Впитывают в себя впечатления, чтобы потом родителям да сверстникам про все поведать.

У торговых рядов потолкались, с бабами ядреными пошутковали. Только тем на язык не попадайся — такого наговорили, что у молодых паломников уши алыми маками загорелись.

У прилавка с зеленью плачущего мужика видали. Здоровенный, чуть не в три аршина ростом, борода лопатой, черная, с серебристыми седыми прядями. А плачет, будто малец.

— Чего это он? — поинтересовался Григорий у торговца, худого плосконогого крестьянина с длинными, словно приклеенными усами.

— На пана обыдывся.

— За что?

— Так вин ёму вирую та правдою тридцать рокив служив. Повар он видминный. Нихто краще ёго в станице готовыты нэ миг. К пану в госты други паны приизжалы, щоб отвидаты блюд нэвыданных. Грошей нэмало давалы, щоб продав вин цёго повара. А хозяин ни в яку — самому такой чоловик трэба. Но одноразу убалакалы ёго всэ-такы. Була у пана слабына — собаки. Так вот одын знайомый пан за повара гарную борзую предложив. Ударылы по рукам, и Никодым, тий повар, к другому пану уйихав.

— Так что же он плачет-то — плохо живется, что ли, у нового пана?

— Да ни, шо ты! Живэ добрэ. Всэ, шо трэба, у нёго е. И дивчину ёму уже гарну сосваталы.

— А чего тогда реветь?

— Да обыдно ёму стало, шо ёго, чоловіка и мастэра, на якусь там паршиву собаку обменялы.

— Да, обидно, что ни говори.

Проход на себя примеряет — как бы ему было, если бы его воли лишили и относились как к твари бессловесной? А и что такое воля-то? Разве вольны мы что-либо без Промысла Божьего? Насколько он, Промысл Божий, людьми правит и насколько они сами своей судьбой распоряжаются? Кто бы ответил на такие трудные вопросы?

Попытался было Проход с друзьями это обсудить да сразу засмеяли:

— Опять ты за свое, почто тебе это? Гляди вокруг да жизни радуйся. А у тебя глаза-то внутрь себя все время направлены. Неровен час споткнешься и нос расшибешь.

Зашли ребята в харчевню пообедать, а там калек шумят, что после войны турецкой домой безногими да безрукими вернулись. В разговорах о таких жестокостях военных поведали, что жутко стало молодым людям: и верят, и не верят. И представить страшно, как это: целые армии людей с ружьями, саблями да пиками друг на дружку наускаивают, рубят, режут, убивают, конями топчут, ядрами пушечными калечат... А ведь наяву всё, а не в сказке, вон увечья-то у людей какие.

Опять у Прохода душа от боли разрывается — как же можно желать смерти другому человеку? Почему люди не живут в мире да покое? И своей жизнью рискуют, которую уж не вернешь, коли потеряешь, и других живота лишают. Грех-то какой! Как же перед Господом оправдаться потом? Почему люди не верят, что Бог накажет за грехи тяжкие? Неужели дьявол так разум застит, что Божеское слово в душу не входит? Непонятно Проходу — странно и дико жизнь устроена.

И про морские сражения на море Черном наслушались куряне, и про подвиги солдат русских в прусских землях. С одной стороны радостно, что русские супостатов везде побивают и славу отечеству завоевывают, а с другой — жалко-то как: ведь десятки тысяч людей ни за что, ни про что в чужих краях гибнут. Ох, страшно на белом свете.

После ярмарки — снова в дорогу. Покупками хвалятся ребяташки,

увиденное и услышанное обсуждают. Лишь один Прохор опять тихий да задумчивый шагает.

— Что, Проша, не весел, буйну голову повесил? Ругаешь себя, что подарков не накупил?

— Тяжело мне, ребята.

— Да что же ты тяжелого в ярмарке увидел? Весело-то как там было. Ты видел, как пьяненький дьячок палкой крестьянина охаживал за то, что тот на полушку обманул его? Обхохочешься.

— На людей увечных я посмотрел да их рассказы послушал, вот и тяжело.

— Да что ты так воспринимаешь все близко к сердцу? Ведь это же не ты увечным сделался и не твои братья в чужих землях полегли.

— Нет, друзья, это я увечным стал, и мои братья там полегли.

— Чудной ты, Проша, право. Ведь порядок-то на земле не нами установлен. Значит, так Богу угодно.

— Нет, не верю, что Господь на убийство благословляет. Это люди неправильно Божескую волю понимают. Бог повелел всем в мире жить.

— Так как же прикажешь в мире жить, коли на тебя вороги нападают? То турки, то прусаки — все на землю русскую зарятся. Обороняться надо. Вот на твой дом разбойники нападут, ты разве матушку свою не будешь защищать?

— Буду, конечно.

— Ну вот, и солдаты русские тоже дом наш защищают.

— Это в Пруссии-то?

— Ну и что. Значит, и там наш интерес имеется. Мы прусаков на их земле разобьем, они к нам потом и не сунутся.

— Так там тоже люди...

— Нет, Прошенька, надо жизнь принимать такой, какая она есть.

— Не могу я так, ребята. Я хочу, чтобы всем хорошо было.

— Так не бывает. Когда одному хорошо, то другому обязательно плохо будет. Вот ты продал товар подороже, а у другого человека сразу в кошельке меньше стало. Ему уже плохо. А продал ты подешевле — покупателю хорошо, зато тебе плохо: ведь если ты немножко в убыток себе поработаешь, то разоришься и на каторжные работы за неуплату подати угодишь. Так-то, Прошенька. Не получится, чтобы каждому хорошо было.

Убедительно и горячо говорит Григорий. Он чуть постарше приятелей. К тому же грузен и солиден. Да и велеречив. От него уверенностью веет. Но Прохор не сдаётся.

— А я все равно хочу, чтобы всем хорошо было.

В споре Прохора только Алеша поддерживает. Он строен, худощав, лицом приятен, характером мягок и застенчив. Ему больше по душе любовь и жалость, про какую Прохор говорит.

А остальные больше к Григорию склоняются. Им легче жизнь принимать такой, какой ее деда-прадеды устроили да матушка царица. Что велено, то и хорошо. А что не велено, то и плохо. А Прохор с ними никак согласиться не хочет. Ежели что в жизни скверно устроено, так надо людям сказать об этом и попросить их одуматься, изменить свою жизнь. Если все вместе будем о добре да любви думать, так жизнь-то уже на земле будет раем казаться.

Хоть и спорят друзья с Прохором, но уважают его больше всех. Он столько всего знает, что, кажется, нет ни одного вопроса, на который бы он ответа не знал. Он не только прочитал книг много, но и помнит их от корки до корки. Как начнет рассказывать про устройство мировое — заслушаешься.

— Прощ, расскажи про страны заморские, где животные о двух хвостах бродят.

Прохор не отказывает: любит, он смотреть, как распрямляются лица хмурые, как радуются новому знанию приятели его задушевные.

Но более всего ему нравится про жития святых отцов рассказывать. Глаза его загораются огнем внутренним, речи становятся яркими, выразительными, все события в лицах изображает. Сам в книжке прочитаешь — ничего подобного не увидишь и не почувствуешь. А у Прохора так живо и убедительно рассказ звучит, что хочется вместе с мучениками на смерть идти за веру христианскую.

— И привели к Пантелеймону слепого, и сказали: «Излечишь ли ты его?» «Я не излечиваю — лечит Господь Бог, а я только орудие Его», — отвечал он. «Так покажи, что ты имеешь благодать Божию», — настаивали пришедшие. И возложил на голову слепого Пантелеймон свои ладони и произнес молитву во славу Господа Бога. И прозрел слепой и прокричал во весь голос: «Я вижу! Вижу! Братья, как прекрасен свет Божий!» И потекли к Пантелеймону больные да убогие. И всем помогал он именем Господним и молитвой усердной. И донесли императору Максимиану Галерию о том, что придворный врач его — тайный христианин. Приказал

привести его император к своему дворцу. Бросили к ногам правителя отступника от веры языческой. «Правду ли про тебя говорят, что ты проповедуешь веру христианскую и именем их Бога излечиваешь? Или клеветают на тебя враги твои?» — грозно спросил император. «Правду донесли тебе верные слуги», — спокойно отвечал Пантелеймон. — «Именем Иисуса Христа я лечу страждущих от недугов их». «Это ложь! — гневно крикнул император. — Словами нельзя излечивать недуги. Я убью тебя за лживые речи!» И излечил Пантелеймон на глазах у всех увечного, уязвив тем самым императора. И повелел Максимиан казнить исцеленного, а Пантелеймона привязать к дереву и предать истязаниям, заставляя отречься от имени Христа. Но сколько бы ни били святого палачи — ни единого стоны не вырвалось из его уст. Кровавые раны на теле его, нанесенные кнутами, зарубцовывались на глазах. Пребывая в ярости, император повелел отсечь голову строптивому врачу. Взмахнул палач мечом, и упала голова Пантелеймона к ногам его. И ахнула толпа, и отшатнулась в страхе, и помутился разум у императора: на глазах у всех дерево, к которому было привязано тело Пантелеймона, вдруг выбросило цветы, которые распустились на мгновение, потом опали и из них появились маслины. Еще пуще рассвирепел правитель и повелел сжечь дерево вместе с Пантелеймоном. Изрубили тогда дерево и зажгли его, и бросили на костер тело святого. Но оно и в огне оставалось неповрежденным. Так своей смертью возвеличил Пантелеймон веру христианскую!

И видели спутники, что это Прохор сам сейчас стоял привязанным к дереву и бесстрашно смотрел в глаза своим мучителям. И не было в мире счастливее человека!

Через две недели путники подошли к стенам Киевской Лавры.

Издали купола золотые им солнцем полуденным полыхнули. Еще идти и идти до монастыря, а храмы белые — как на ладони. Словно корабли белоснежные по лазурному небу плывут, шпилями облака задевая. Звон колокольный над миром гудит и слезу умиления вышибает. Вот она — святая земля!

А вблизи еще краше Лавра оказалась. Вдоль древних стен крепостных подошли курыне к воротам монастыря. А и ворота непростые: над аркой церковь дивная построена. Стены белые в лепнине: орнаментом диковинным все украшено — чистого места нет. Стоит церковь — будто игрушка несказанной красоты. На большом куполе солнце жаром пышет, а над ним еще маленький куполок сияет, а потом уж и крест огнем горит. А купола-то граненые. На стенах храма росписи картинные — сюжеты

библейские да изображения святых земли русской. Онемели от увиденного путники, слова сказать не могут. Да и какие тут слова могут быть, краса неопикуемая, величие Церкви Христовой и ощущение древности веков истории русской восторг в душах всколыхнул.

У колокольни снова застыли ребята, словно пригвожденные, — снега белее стоит башня невиданной архитектуры. Словно кольцами драгоценными, увита ярусами лепными, а между ярусами — колонны большие, которые смотрятся как игрушечные. А потом еще храм и еще... А внутри — иконостасы расписные да резные... Часами можно смотреть и не налюбуйешься. Возносят куряне молитву Господу Богу, прославляя величие Его, свечи ставят за здравие родных и близких. Подоспели они как раз к обедне. Отстояли службу да и разбрелись кто куда, договорившись встретиться к вечеру у гостиного двора.

Проход зашел в монастырскую библиотеку. Там встретил его монах согбенный, сединой убеленный.

— Что, отрок, ищешь? Аль заблудился? Разумеешь ли грамоте?

— Разумею, батюшка, разумею. Я книг много читал и помню все прочитанное. Но по-прежнему жаден до чтения — про все на свете хочу узнать. Нельзя ли у вас книги посмотреть, что в Лавре хранятся?

— Что ж, похвально, нечасто встретишь молодого человека до книг охочего. Как зовут тебя?

— Проходом. Проход Мошнин.

— Ну что ж, а меня Варсонофием зовут. Пойдем, я покажу тебе то, что редко кто видит.

И завел его монах в комнаты, где книг на полках было видимо-невидимо. Там и обычные, к каким привык Проход в Курске, там и огромные пергаментные на языках незнакомых, орнаментами чужими украшенные, а на обложках застежки золотые да камни драгоценные.

— На каком же языке писаны эти книги? — спросил Проход, бережно открывая толстый талмуд.

— Эта книга на греческом.

— Ты знаешь язык греческий?

— Разумею, отрок.

— И ты все эти книги прочитал?

— Все книги прочесть невозможно. Их тут очень много, и хранятся они с незапамятных времен. В них вся история народов описана. И история веры нашей православной.

— Ох, как бы я хотел все это прочесть!

— Так что же, оставайся и живи здесь. Я тебе помогу с выбором книг, которые в первую очередь понадобятся. А там, глядишь, и греческому языку обучу. Некому мне передать знания мои. Нет молодых учеников. К книгам ведь надо особую любовь иметь. К ним равнодушным нельзя подходить. А ты, я вижу, из пламенных — горишь при виде знаний вековых. Оставайся, я бы за тебя слово перед настоятелем замолвил.

— Я счастлив был бы у вас остаться. Но мне надо с маменькой посоветоваться. Я ей еще не говорил, что в монахи хочу уйти. Без ее благословения нельзя родной дом покидать.

— Ну что ж, сходи, получи благословение да и возвращайся, я буду ждать тебя, Прохор Мошнин.

— Отец Варсонофий, а не подскажешь ли ты, кто меня на путь монашеский может благословить?

— Я думаю, это тебе надо к старцу Досифею в Китаевскую Пустынь сходить.

— А далеко ли она находится?

— Да совсем неподалеку. От Лавры всего верст десять будет.

— Спаси Бог тебя, отче... Я непременно к нему схожу. И еще я хотел бы мощам святых Антония и Феодосия поклониться.

— Мощи святых в пещерах покоятся.

— А где эти пещеры находятся?

— На берегу Днепра. Выйдешь из монастыря — всяк тебе покажет.

— Благодарю, батюшка.

— А что ты, Проша, знаешь про святых Феодосия и Антония?

— Я читал про них в книгах житийных. Монах Антоний первым вырыл на Святой горе пещеру, там он и жил и, молясь, чудеса совершал: больных исцелял и предсказывал будущее. И было это семь веков назад. А Феодосий потом уже к нему пришел. Преподобный-то Феодосий и вовсе мой земляк — он и родился у нас, и юность свою в Курске провел. А вот подвиги свои здесь в Лавре совершал. После того как старец Антоний ушел в затвор, Феодосий игуменом над братией стал. Говорят, что порядок в монастыре он завел строгий — все беспрекословно исполняли послушания. И сам он показывал монахам пример: воду таскал, дрова рубил. Одежду носил самую простую, на работу приходил прежде всех. И отличался он великим милосердием к бедным и любовью к просвещению духовному.

— Молодец. Хорошо, что ты о святых книжки читаешь. Только вот

не всё, видать, ты помнишь из книжек тех: нет для открытого обозрения мощей святых Антония и Феодисия.

— Я читал, будто завалило Антония землей в пещерах сразу после того, как он простился с братией и объявил о своей смерти. Но разве его мощи не откопали за семь веков?

— Были попытки откопать их, но в том месте, где покоятся мощи святого Первоначальника, из земли вдруг вырвалось пламя и отогнало монахов. Потом еще раз хотели отрыть — тогда на них потоки воды полились. С тех пор так и покоятся мощи под толщей земли.

— Но у святого Феодосия мощи-то должны храниться в храме. Так было в книге написано.

— Сначала захоронили Феодосия по его завещанию в пещере, где он совершал затвор во время Великого поста. Потом перенесли его мощи в Успенский собор. Но во время нашествия Батыева спрятали мощи, чтобы от осквернения уберечь, да со временем и забыли место захоронения. По всей видимости, где-нибудь в дальних пещерах покоится святой Феодосий. Так что не найдешь ты того, чего желал. Но в пещеры все равно сходи — там хранятся мощи других православных святых. Поклонись да приложись к ним — они силу духовную даруют.

Пещеры поразили впечатлительную душу Прохора. Каменные своды длинного извилистого тоннеля словно давили на плечи, вызывая страх и восхищение. Страх — от понимания, что находишься ты вдали от света дневного под толщей земной, будто в могиле просторной. Неровный свет восковой свечи играл сказочными призраками на бугристых стенах. От основного хода в разные стороны вели узкие тоннели, в которые жутко было даже смотреть. И только присутствие сопровождающего монаха, чья спина маячила впереди, придавало уверенность. Но, кроме страха, было и восхищение великим духом тех людей, что откопали эти ходы в недрах горы и проводили здесь долгие дни и ночи в молитвах.

Неожиданно узкие стены тоннеля расступились, в глаза ударил свет от десятков свечей, стоявших перед иконами. Подземная церковь! Именно здесь проходили службы у монахов в давние века. Именно здесь снисходило на них Божественное откровение, которое они передавали потом простым смертным.

Прохор встал на колени пред иконой Богоматери и со слезами на глазах зашептал святые слова молитвы. Он просил Царицу Небесную благословить его на монашеский труд, который должен принести успокоение и радость в земной юдоли и спасти его душу для жизни вечной.

Кроме церкви, впечатлила Прохора келья монаха-затворника. Вырубленная в камне тесная пещерка закрывалась толстой дубовой дверью. Вместо лежанки — каменная полочка вдоль стены. Для общения с миром — узкое окно, через которое монаху подавалась раз в день пища. И все. Над головой страшная толща земли, вокруг темнота и камень. Как в таких условиях мог добровольно жить человек? Что его могло подвигнуть на такое тяжелое заточение? Неужели Божественное откровение так сладко, что для него любые испытания кажутся ничтожными? Придется ли ему когда-нибудь совершить нечто подобное? Хватит ли сил? Сможет ли он повторить такой подвиг?

Зрело в Прохоре желание самому испытать лишения ради духовного спасения.

Постоял Прохор и у мощей святых, поклонился им, приложился к дубовым гробам, что стояли в нишах. Особенно разволновался он у гроба с нетленными мощами святого Илии Муромца. Еще бабушка Федосья, Царствие ей Небесное, рассказывала ему о подвигах великого богатыря, что сиднем просидел на печи тридцать лет и три года, а потом излечился и стал землю русскую от ворогов защищать. Сказка и быль слились в единое целое, древняя история покоилась здесь, в дубовом гробу, в глубине Днепровского откоса под толщей земли. И ощутил Прохор, как душа его легко и стремительно улетела на много веков назад, и стал он частью этой темной пещеры, которую вырыли его братья...

Вечерами встречались куряне на постоялом дворе и делились своими впечатлениями об увиденном и услышанном. Всё им по нраву, всё — в удивление и в радость. Не зря в такой дальний путь пускались. Есть о чем в семьях порассказывать. На всю оставшуюся жизнь поклонение святым местам добрый отпечаток на их души наложит. В трудную минуту вспомнятся моления в храмах расписных, благословения отцов мудрых и обретет силу душа, что призвана на грешную землю для страдания и очищения.

В Китаевскую пустынь Прохор ушел один, когда чуть рассвет забрезжил и товарищи его спали. К заутрене он был уже в пустыни. Отстояв службу в церкви, он отправился в келью к старцу Досифею.

Но Досифей был в затворе — к себе никого не допускал, общаться с ним можно было только через маленькое окно, прорубленное так низко, что при разговоре приходилось нагибаться или становиться на колени. Об этом молодого курянина предупредили в храме, где он спрашивал дорогу к келье затворника.

Зайдя в сени, Прохор подошел к окошечку, прорубленному в стене, опустился на колени и попытался заглянуть внутрь кельи. Но увидел только край монашеского одеяния. Вдруг он услышал высокий с хрипотцой голос, похожий на голос его покойной бабушки Федосьи.

— С чем пожаловал, Прохор Мошнин?

Паломник лишился дара речи. Как старец узнал его имя?

— Удивлен, что знаю тебя? — снова произнес Досифей.

— Да, отче. Я в растерянности.

— Я многое про тебя знаю. И знаю, зачем ты пришел, но хочу, чтобы ты сам об этом сказал.

Дивясь прозорливости старца, Прохор, не вставая с колен, поведал ему о своем желании уйти в монастырь из мирской жизни, где ему было и неуютно, и тошно. Выслушав паломника, Досифей стал спрашивать о Курске, о долгом пешем путешествии в Киев — что видели, что слышали, где что делается?

Незаметно для себя Прохор поведал затворнику о своей жизни. И о матушке любимой, и о покойном батюшке, и о брате с сестрицей, и о строительстве нового храма, в котором он чувствовал себя лучше, чем дома, и о книгах прочитанных, и о думах ежедневных.

— Хорошо ты говоришь о жизни своей. А не жаль будет все это оставить? — неожиданно прервал рассказчика старец.

Прохор замолчал, будто споткнулся.

— Посмотри, с какой ты любовью обо всем рассказываешь. А ведь, если в монастырь собрался, то про все это забыть придется.

— Забуду! — горячо сказал Прохор.

— Это легко сказать «забуду». А вот выполнить — ох как тяжело. Монашеская-то жизнь не сахар. Там только молитвы да посты, однообразие, лишения, скука.

— Да какая же может быть скука? — возразил Прохор. — А книги!? А служба!? А общение с братией!?

— Это все так. Только человеческая душа не бумага, скомкать старое и в печи сжечь не получится. Прошлое всегда будет в памяти всплывать и назад тащить, к воле, бурной жизни, веселью, земным сладостям. Ты же молод, крепок телом и твое естество подвержено страстям. Поди, и на девушку какую заглядываешься. А в монашестве обет безбрачия надо блюсти, чтобы душу свою спасти.

Прохор вспомнил Фотинку, сквозь далекое расстояние его опалила ее улыбка, и голова на мгновение пошла кругом от воспоминания

тончайшего запаха ее духов. Горечью захлестнуло сердце от воспоминания о свадьбе курской красавицы с рыжим купеческим сыном Митрофаном Матвеевым. Но он тряхнул головою, прогоняя видение и, набычившись, сказал:

— Я справлюсь. Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу, а женатый заботится о мирском, как угодить жене.

— Я вижу, что слова апостола Павла глубоко вошли в сердце твое, но помни — лукавый будет всегда соблазнять тебя. Впереди одни лишения и борения. И к ним надо готовиться. Всю жизнь со своей мирской половинкой души придется бороться. А дьявол-то всегда рядом, он радуется, если ты слабину дашь. Только расчувствовался, о детстве счастливом вспомнил, он и нашептывает: «Брось истязать себя, нет в этом пользы, вся прелесть — в миру».

— Не дамся я дьяволу. Я волю свою давно испытываю. Ничто меня в миру не держит. Тяжко мне смотреть на страдания и невежество человеческое. Живут все во грехе страшном, не думая о спасении душ своих. Грубость и мерзость, обман и алчность правят миром.

— Есть еще одна великая опасность на пути в монахи.

— Какая же?

— Гордыня. Как говорил Лествичник, гордость есть отвержение Бога, бесовское изобретение, знак бесплодия души. Вот ты сейчас людей осудил, себя выше всех поставил — и начитанный ты, и боголюбивый, и честный... А ведь настоящий-то монах себя самым грешным считает и ко всем с почтением относится.

— Даже к злодеям?

— Так они тоже люди, только заблудшие. Их жалеть надо и помогать им на путь истинный становиться.

— Я буду бороться со своей гордыней. Мне бы только в монастырь попасть. Я неделю прожил в Лавре, а будто в раю побывал. Не хочу я домой возвращаться. Единственно что — матушку жалко, попросить бы у нее благословения и вернулся опять сюда. Красота здесь духовная неопишима. Да и библиотека лаврская очень уж хороша да богата. Хочу другими языками овладеть и на них мудрые книги читать.

— Хорошее дело ты задумал, Прохор. Но не здесь твое место.

— А где же? В лавке? Не хочу я туда возвращаться.

— Нет, место твое в монастыре. Только не в Лавре Киевской.

— А в каком же? Отче, скажи, не томи.

— Далек отсюда, в земле тамбовской, есть пустынь Саровская,

и стоит там монастырь. Вот он-то и станет местом твоего служения Господу Богу нашему. Это место будет тебе во спасение. Там скончаешь ты и земное странствие свое. В Сарове и настоятель Пахомий — богоугодной жизни, он последователь жития преподобных отцов наших Антония и Феодосия.

— А как же ты узнал про все это, батюшка Досифей?

— Я вижу это.

— Как ты это видишь?

— А мне Дух Святой помогает.

— Так ты и с Духом Святым умеешь общаться?

— Это Он со мной общается. Мне, грешному, радость великую дает.

— А как же ты общаешься с Ним?

— А я помолюсь и сильно попрошу Его о том, чтобы Он явился, вот Он и является.

— И что же ты чувствуешь, когда Он является?

— Просветление и блаженство невиданное, которое простыми словами и описать нельзя.

— А сам я смогу когда-нибудь познать Духа Святого?

— Сможешь, Проша, сможешь. Апостол Павел в послании к коринфянам говорит о том, что тела наши суть храм живущего в нас Святого Духа.

— Значит, Святой Дух всегда пребывает в нас?

— Да.

— А почему же я не могу общаться с Ним?

— Эту благодать заслужить надо. Для этого надо много молиться, приучиться усмирять страсти свои земные, соблюдать строгий пост и не только когда его все соблюдают, но и в другие дни. Монашество есть добровольное мученичество. Научись с благодарностью переносить хулу и унижения. Особо берегись происков лукавого. Он будет испытывать тебя, искушать, найдет на тебя беды страшные. А ты терпи, не сдавайся. Умертви свои страсти в жизни временной, чтобы иметь жизнь вечную. По словам преподобного Антиоха, нужно быть как сукно на сукновальне. Сукно белильник колотит, топчет, чешет, моет, и оно делается бело, подобно снегу. Так и послушник, терпя унижения, оскорбления, поношения, делается как серебро чистое, блестящее, огнем разожженное. И вот когда ты поймешь, что усмирил плоть свою, и, благодаря молитве неустанной, в твоей душе и уголка для греха не осталось, Дух-то Святой

сам к тебе и снизойдет. Но помни о смирении гордыни своей: даже познав Духа Святого, ты останешься самым грешным на земле. И, овладев даром великим, не помышляй подняться над другими.

— В чем мне искать опору?

— Только в Господе Боге нашем. Не забывай стяжать непрестанную память о Боге. В любое время, ходя и сидя, начиная дело и кончая его, вкушая пищу и помогая страждущим, говори так: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного». И пусть этот будет не только в устах твоих, но и в сердце твоём. С именем Божиим найдешь ты покой, приобретешь чистоту духовную и телесную. И вселится в тебя Дух Святой, источник всяких благ. И возгорится в душе твоей Божеское пламя, и будет оно согревать не только тебя, но и людей окружающих. Дай Бог, чтобы пламя души твоей согрело как можно больше страждущих.

— А когда снизойдет на меня Благодать Божья?

— Этого тебе не надо знать, юноша. Путь наш идет во мраке. Надо пройти его от начала и до конца самому.

— А почему же ты про все наперед знаешь?

— То мне неведомо. Так Господь распорядился. Вижу я на многие годы вперед. И оттого горько мне, ибо грядущие страдания всеобщие уже терзают мое сердце. Иди, Прохор. Да благословит тебя Господь.

Прохор вернулся в Лавру и стал собираться с товарищами в обратный путь.

Неожиданно в самый последний день он встретил на паперти Успенского собора деда Николу Блаженного — курского юродивого.

— Дед Никола! Ты ли это? — юноша нагнулся к старику, сидевшему на каменных ступенях и просящему подаяние.

Щурясь слезливыми глазами, дед Никола посмотрел на Прохора и, узнав, просиял светлым морщинистым лицом.

— Прошенька, да и ты никак на святую землю решил сходить?

— Да, дедушка, уж больно ты красиво рассказывал мне в детстве о Лавре, не мог я жизнь прожить и сюда не явиться.

— Правильно сделал. И меня вот снова сюда потянуло. Приснилась мне Пресвятая Богородица и повелела в Лавру на поклон к святым мощам сходить. Я и исполнил ее указание. Да вот и решил, что здесь, пожалуй, и закончу свою жизнь — уж больно место благолепное.

— А в Курск с нами не пойдешь? А то давай — вместе-то веселей.

— Нет, Прошенька, ничто меня туда не манит. И не ждет там никто.

Да что про меня говорить-то? Пустое. Что ты удумал о жизни своей?

— Собрался в монастырь я, дедушка Никола. Хочу оставить мир.

— Ну и правильно, Прошенька. В монастыре ты к Богу ближе будешь, а Он тебя на хорошее дело направит.

— Благодарю тебя, дедушка.

— За что, милоч?

— Да за беседы твои духовные, что ты вел со мной с малолетства. Ведь во многом благодаря тебе я свой путь определил. Ты так душевно про святых рассказывал, так просто и доступно христианские заповеди трактовал, что они частью моей жизни стали. Спаси тебя Бог. Прощай, наверное, не свидимся больше. Я ведь хотел здесь остаться. Но старец Досифей из Китаевской пустыни предсказал мне молитвенный путь в других местах — далеко, на тамбовщине, в Саровской пустыни.

— Слыхивал я про такую. Туда куряне уже и ранее уходили. Что ж, Бог тебе в помощь, иди, Прошенька, помолись за нас всех. Авось Господь тебя лучше услышит, чем нас, грешных, и изменит мир к лучшему. Прощай, радость моя, прощай. Больше уже точно не свидимся. Я чувю, что скоро смертный час мой наступит.

— Да ты почто так говоришь?

— А я не печалуюсь, Проша, я ведь там, — Блаженный указал пальцем на небо, — к Господу ближе буду. Земные-то юдоли тягостны, а на том свете, я думаю, мне легче станет. Надеюсь на Царствие Небесное.

Простился Прохор с духовным своим наставником со слезами на глазах и оправился вместе с друзьями домой.

Обратный путь был не таким ярким на впечатления, но важным для становления душ юношей курских. После посещения храмов и общения с монахами Лавры взрослее и мудрее они стали. Размышления о Боге приобрели полновесность и зрелость.

Стали они говорить о мироздании и о месте в нем человека; о загадочном явлении души бессмертной, которая живет в теле хилом, уязвимом и брэнном; об общественном устройстве, о судьбах человеческих и о собственном будущем.

Сидели паломники ночью у костра и, глядя на огромное звездное небо, ощущали себя крохотными пылинками, ничтожными и беспомощными, но пылинками думающими и помышляющими о служении Творцу, который все окружающее многообразие и великолепие создал.

Ушли из Курска шестеро сынов купеческих, а вернулись шестеро

слуг Божьих. Не всем им уготована судьба монашеская, но души их просветлели и открылись Господу.

Глава 6

Саровская пустынь

Осенью следующего 1778 года благословила Агафья Фотиевна своего сына Прохора в дальнюю дорогу в Саровскую пустынь. Надела ему на шею медный крест, молитву произнесла и сказала:

— Ну что ж, Прошенька, ты сам судьбу выбрал. Перечить не стану. Может, оно и к лучшему, что от мирских страданий да забот уйдешь и будешь жить в чистоте духовной. В нашей-то суете душу тяжело сохранить. Так что твоя судьба, может, получше нашей устроится. Мы о тебе помнить и молиться будем. И ты нас не забывай.

— Не забуду, маменька. Никогда не забуду. И святое распятие, что ты мне подарила, с шеи не сниму: оно мне поможет не только помнить о вас, но и силы придаст в трудные минуты.

— Ну, с Богом!

Благословил его в путь монашеский и отец Петр, священник Ильинской церкви, что был духовным наставником Прохора.

В Саровскую пустынь с Прохором пошли еще трое курян: Гриша Дружинин, его троюродный брат Федор Дружинин и Петя Матчин. Другие спутники по киевскому паломничеству остались дома — семейные дела не пустили, хотя мыслей своих о монастырской жизни они не оставили. Но им так и не удалось присоединиться к друзьям. Алеша Меленин вынужден был после смерти своих родителей растить и содержать младших братьев и сестер. Двух Иванов — Дружинина и Бесходарного — не пустили родители.

— Проша, сходи в пустынь, вернешься — нам расскажешь, что и как, — так напутствовали Мошнина его друзья. — Может, и нам когда-нибудь удастся родителей уговорить.

А вернуться Прохору нужно было уже через год. Отлучаться с места проживания без паспорта купцу в Российском государстве запрещено. Паспорт выдавался только на один год. Если срок действия старого паспорта вовремя не продлевался, то человека могли признать за беглого. Каторги тогда не миновать. Потому и ждали друзья скорого возвращения

Прохора и его спутников из Саровской пустыни.

Надо сказать, что куряне в Саровской обители к тому времени уже были. И вести о них изредка доходили и до Курска. Первыми из курян там были Борис Леонов и Петр Дружинин, которые пришли в пустынь в конце пятидесятых годов восемнадцатого века. Через несколько лет они стали монахами. А в 1777 году отца Пахомия, в миру Леонова, утвердили в должности настоятеля монастыря.

Были и другие куряне, монашествующие в Саровской пустыни. И с ними впоследствии в свою монашескую бытность Прохор имел хорошую дружбу.

Но до этого было еще далеко.

Для безопасности пристали молодые куряне к обозу купеческому, что через Муром шел в Арзамас.

Путешествие на север сильно отличалось от того, что было принято молодыми курянами в прошлый год во время паломничества в Киево-Печерскую Лавру. И время выдалось уже холодное, не было того благолепия, что в начале лета, да и природа здесь была совсем другая — холмы да леса. Лишь кое-где на участках, отвоеванных у леса, белели припорошенные снегом, сиротливые, опустевшие поля с прилепившимся на опушках деревеньками. Да и селения, что попадались на пути, сильно отличались от южных. Деревянные дома — в основном низенькие, с крохотными оконцами, затянутыми бычьими пузырями. А возле них — репейник да чернобыльник, ни тебе садовых деревьев, ни палисадников. На постоялых дворах — тесно и вонюче: избы не проветривались, чтобы не упустить тепло.

Леса стояли стеной — высокие, темные, непролазные. Во избежание нападения разбойных шаек повсюду по населенным пунктам квартировались солдаты. Они же в особо опасных местах провожали обозы от деревни к деревне. Глушь и запустение. В некоторых деревнях и половины домов жилых нет — после вольницы пугачевской многих казнили да в каторгу услали. Помещики пообедали, а потому озлобились — из оставшихся крестьян последние соки выжимали. Поэтому угрюмость и злоба в густых бородачах таилась у встречных крестьян. Молча они стояли у обочины и провожали тяжелыми взглядами богатый купеческий обоз. На вопрос: «Как живете, православные?» — и ответа не дожدهшься. Тяжкое впечатление осталось у Прохора от дороги. И тем сильнее захотелось достичь успокоения в тихой обители.

Порадовал курян только славный город Муром. Там они провели

целый день, а потом и заночевали. Купцы первые товары начали продавать, делали запас денег на дорогу. Кое-что прикупали, но в основном приценивались — основной торг в Арзамасе предстоял.

А Прохор с друзьями ходил по городу — монастыри да церкви посещали. Приложились к мощам Петра и Февроньи в храме Рождества Богородицы, сходили в село Карачарово на родину святого Илии Муромца, помолились там в необычной деревянной церкви, похожей на большой корабль.

Прохору больше всего понравился Благовещенский мужской монастырь. Бродя по его территории, он обращал внимание на деловитую неторопливость монахов, которые исполняли послушания. Все сосредоточены на чем-то внутреннем, спокойны, полны уверенности и силы. Вроде и рядом с тобой находятся — а на самом деле где-то далеко-далеко. Прохор примерял на себя их жизнь, представляя, как и он скоро будет вот так же неторопливо, подбадривая себя внутренней молитвой, исполнять поручения монашеской братии. И эти мысли согревали ему душу.

В ноябре 1778 года обоз, пробыв в пути месяц, прибыл в Арзамас. Этот город был похож на Курск. Те же двух, а то и трехэтажные добротные купеческие дома. Те же узкие улицы, по которым туда и сюда трюхали лошаденки, тянущие возы с товаром. Те же сутолока, шум, гвалт, толкотня на базарных площадях. Одно приятно удивляло: городок небольшой, но церквей много — в пределах видимости и тут, и там высились купола каменных храмов. Видать, местные купцы не только о своем барыше пеклись, но и о спасении душ заботились.

Арзамас стоял на пересечении десяти важных дорог. Большой Московский почтовый тракт, шедший через Владимир и Муром, в Арзамасе разделялся надвое: одна дорога шла на юг через Саранск на Пензу и Саратов и была известна под именем большого Саратовского тракта. Другая, называемая Симбирской, шла на юго-восток — на города Симбирск, Оренбург и Уральск. По этим дорогам с наступлением зимы тянулись нескончаемые обозы с астраханской рыбой и икрой. Тем же путем московские помещики ездили в свои юго-восточные имения. С юга через Тамбов и Темников ехали купцы с Дона. На севере дорога уходила к Нижнему Новгороду, разветвляясь в Большом Мурашкине, уводила путников на восток — в Казань и Сибирь.

Благодаря такому выгодному расположению, Арзамас буквально кипел бойкой торговлей. На постоянных дворах можно было увидеть и казаков с Дона, и жителей украинских городов, и армян, и персов,

и грузин. Каких тут только товаров не было: и рыба, и икра, и меха, и кожа, и холсты, и мед, и орехи. Местные ремесленники делали экипажи, тачали сапоги, изготавливали шляпы, упряжь, ковали крестьянские орудия труда, выделывали кожи, шили заячьи шубы. Женщины славились рукодельем — высоко ценилось золотое шитье по бархату с украшением жемчугами. Картины, вышитые шелком и бисером, красовались в каждом зажиточном доме. Богат был город Арзамас.

Обоз из Курска остановился на одном из постоянных дворов. Купцы, оставив работников сторожить товар, пошли по торговым рядам, чтобы присмотреться к ценам. Каждому хотелось подороже продать свой товар и закупить подешевле. На этот раз курские купцы приехали за кожей: высоко на юге России ценилась арзамасская юфта — и белая и красная. Красную юфть, так называемую *булгару*, с охотой брали и заморские купцы, что заезжали в Курск. На таком товаре можно было хорошо заработать. Но, конечно же, прежде чем покупать, следовало сбыть свой товар. Денег на приобретение товара требовалось много. Глупо было везти несколько мешков золота и серебра, чтобы расплатиться с арзамасскими купцами. Выгоднее было сбыть свой товар и на вырученные деньги взять побольше юфти, наварив на разнице цен хороший барыш. Курские купцы привезли табак и бакалею: чай, кофе, пшено, пряности — всё, чем богаты южные ярмарки.

Проход с друзьями тоже пошел прогуляться по торговым рядам. На базарной площади торг шел прямо с возов. Бочонки с медом и черной икрой, горы орехов, холсты, пряжа, рыболовные сети, обувь, шляпы — все, что душе угодно. В одном месте Проход увидел огромную рыбину, тело ее заполняло весь длинный возок, а хвост свешивался до земли.

— Что это за чудо? — спросил он у торговца, высокого сухощавого мужика, одетого в овчинный полшубок.

— Белуга это. Из-под Астрахани. Покупай, купец, не пожалеешь, рыбка царская, мясо нежнейшее. Твоей милой, чай, понравится.

Проход смутился и отошел. Рядом на возу высилась черная гора — осетровая икра лежала прямо на пологе, в каких в Курской губернии овес да рожь возят, пологом же нежный товар и прикрывался.

— Не проходи, мимо, купец! — зазывал юркий молодой торговец. — Икорка — пальчики оближешь. Продаю дешево — по пяти алтын за фунт. Покупай, пока не разобрали. Отвезешь в свои края — навар большой иметь будешь. Ты откуда родом-то, любезный, будешь?

— Из Курска.

— Слышал про такой. Купцы там тоже крепкие, часто к нам наезжают. Бери товар, не пожалеешь, хочешь, весь возок продам. Неудобно на пологе везти, бочонки купи — вон там за углом продаются. У нас многие покупают. Даже в тюрьму несколько бочонков взяли.

— А в тюрьму-то зачем?

— Да строптивых воров кормят.

— За что им такая честь?

— Не честь, а выгода. Накормят их соленой икоркой, а воды потом не дают. Так они сразу смиренными становятся и за глоток воды про все рассказывают, о чем раньше молчали. Ну, так что? Берешь?

— Нет, я не купец уже.

— Как это — уже? Такого не бывает. Купец — он на всю жизнь купец.

— В монастырь я иду. Монахом хочу стать. Не подскажешь дорогу до Саровской обители?

— Не одобряю, но отговаривать не буду — твое дело. А дорогу показать — что ж, труд невелик. Вот, значит, спустишься к Настасьиной башне, выйдешь в пойму Теши, перейдешь по мосту через речку, там в версте по Московскому тракту будет Выездная слобода. В ней повернешь на юг по Темниковской дороге. Верст через шестьдесят и монастырь твой будет.

— Спаси Бог.

— Помолись там за грешного Тимофея. Кстати, передай настоятелю, что свежую икру завезли, он иногда пару бочонков закупает.

— Хорошо.

Спустившись вниз по Гостинному ряду — крутой улице, по обеим сторонам которой стояли торговые лавки, Прохор встретил купца Дерюгина. Именно с ним на возу он и приехал в Арзамас. Земляк стоял на пороге склада с юфтью и спорил с местным купцом о цене, используя все купеческие хитрости — и товар критиковал, и на издержки дорожные ссылался, и скупых курских покупателей поругивал. Но арзамасец, толстый, будто надутый бычий пузырь, и заросший, словно собака, до самых глаз волосьем, не сдавался. Поняв, что торг затягивается, арзамасский купец затворил дверь в склад и грубо сказал:

— Не хочешь, не бери, У меня от покупателей отбою нет. Так что за цену, какую назвал, свой товар и отдам. Дешевле не будет.

Дерюгин сокрушенно покачал головой и отошел.

— Вот, Проша, какой купец ноне пошел: ни гроша не уступит. Ну

что это за торг, ежели цена нисколько не снижается? Как тут торговлю вести?

Но видно было, что он не особо расстроился. Это была только прикідка — основной торг позже будет, когда своей товар сбыть удастся.

Прохор испытывал странные чувства. Привычная торговая суета разбредила воспоминания о родном городе, о юности, о близких, оставленных за многие версты. Знакомая с детства купеческая жизнь поманила последним искушением. Куда ты идешь? Остановись! Одумайся! Посмотри, как прекрасен мир, как волнующи мирские утехы, как приятна радость общения с людьми! Что ждет тебя впереди? Уединение, тяжкий труд и лишения? Молчание и забвение? Зачем хоронить себя заживо?

Но эти мысли, мелькнувшие помимо воли в голове, не смутили его: он уже чувствовал какую-то отрешенность от суетной мирской жизни, словно всё, что происходило вокруг, его уже не касалось. И это чувство радовало и волновало. Им овладело нетерпение. Хотелось скорее добраться до святых мест.

Наутро Прохор, Григорий, Федор и Петр простились с купцами, поблагодарив их, что помогли им добраться. Помолившись в соборном храме, они отправились на юг, в сторону Тамбовской губернии.

Вокруг расстилались зимние поля. Шел Прохор по просторам русским под серым хмурым небом, глядел на ровное белое однообразие, на редкие, жиденькие и голые перелески, на стаи ворон, что хлопьями копоты трепыхались по ветру, и не чувствовал ни уныния, ни тоски. Впереди его ждали стены обители, где по предсказанию старца Досифея уготовано ему место для служения Господу. Непрестанно читая молитвы и благодаря Всевышнего за милость, Прохор с товарищами потихоньку двигался к цели своего пути. Встречались им группы богомольцев, возвращавшихся с паломничества из Саровской пустыни. С поклоном куряне останавливались, спрашивали о дороге — далеко ли идти, не собьешься ли в пути. Рассказывали встречные и об укладе мужского монастыря. С радостью услышали подтверждение тому, что настоятелем в обители стал бывший курянин отец Пахомий.

День осенний короток: заночевать остановились в большом селе, что встретилось по пути. В постоялой избе народу было много — в основном богомольцы: кто, как куряне, только еще шли в пустынь, кто уже возвращался. Но у всех один разговор: благодатное это место — Саровская обитель, душа там находит успокоение от страстей земных. Поведали богомольцы и о селе Дивееве, что располагается на подходе к пустыни.

Рассказывали о бывшей помещице Агафье Семеновне Мельгуновой, которая живет в келье во дворе дома священника отца Василия, помогая ему и в хозяйстве, и в церковной службе. Она в прошлом была богатой дворянкой, да после смерти мужа все свои имения в трех губерниях и крепостных крестьян продала и решила основать обитель. А деньги свои церквям да монастырям пожертвовала. Вот и в Дивееве она теперь на свои средства строила каменную церковь в честь Казанской Божией Матери.

Даже в дни страшного голода, что разразился три года назад в этой местности из-за неурожая, не остановилось строительство. Агафья Семеновна попросила сельских детей подносить кирпичики к строящемуся храму, а за это кормила их хлебушком, а вечером давала каждому пять копеек, прося передать их родителям. Потому в Дивееве не испытали такого голода и нужды, как в округе. Любят и уважают матушку Агафью Семеновну на селе. Редкая судьба у нее. Не принято у дворян богатство на жизнь богоугодную менять. Высока духом матушка. Если посчастливится, можно с ней о духовных свершениях беседу иметь.

По совету богомольцев вторую ночь куряне провели в Дивееве. Удалось им и с Агафьей Семеновной повидаться. Порасспрашивала она о духовной жизни в Курске, чтобы знать о том, что на Руси делается. Рассказала о том, как ей Божия Матерь явилась и повелела на этом месте женскую обитель обустроить. Сказала и о том, что благословили ее на это богоугодное дело киевские старцы. Повела о хлопотах своих по открытию женской общины в Дивееве. Посетовала, что пока никто из помещиков, владеющих в Дивееве землей, не хочет ее продавать.

Узнав, что Мельгунова тоже была в Киево-Печерской Лавре, Прохор и Григорий оживились, вспоминая великолепие храмов и благожелательность киевских монахов.

Наутро путники снова отправились в дорогу. По словам Агафьи Семеновны, пути оставалось около пятнадцати верст. Ночью выпал снег, идти еще по не наезженной дороге было трудно, но молодые и сильные куряне шагали споро.

Перейдя через речку Вичкинзу, они вошли в густые дремучие леса. Но чистые, белоснежные покровы смягчали жутковатую суровость чащобы. А может, сказывалось радостное нетерпение в конце желанного пути.

Прохор, творя молитву, шел быстро. Товарищи не отставали.

Часа через три лес отступил, и показались первые дома. У курян

радостно забились сердца. Неужели?

Но это оказалась деревня Балыково. До монастыря еще несколько верст.

— Может, отдохнем? Попросимся в чей-нибудь дом, чайку попьем, корочкой хлеба зажем да потом уж и дале пойдем, — предложил Григорий Дружинин.

— Я согласен, — поддержал Григория Петр Матчин. — Куда нам торопиться? Совсем немного уж осталось.

— Нет, — отозвался Прохор, — надо успеть к обедне. Я хочу на службу попасть.

И опять путники углубились в густой и высокий лес. Огромные сосны покачивали своими лохматыми головами в далекой вышине. Ветерок разогнал тучи, выглянуло солнце, будто радуясь морозному дню. И всё заулыбалось вокруг, снег засиял драгоценными камнями. Желтобокие синички порхали с ветки на ветку и весело цвикали.

— Ишь ты! Празднику радуются, — сказал Прохор.

— Кто? Чему? — не понял Григорий.

— Да вон видишь, синички радуются празднику.

— Какому? — спросил Петр.

— Так завтра же праздник Введения в храм Пресвятой Богородицы.

— А и правда! — обрадовался Федор. — Хорошее знамение для нас. Авось все хорошо будет.

— Побавиваешься? — усмехнулся Григорий.

— А ты нет?

— Да есть робость. Кто знает, как примут нас. Одно дело наше желание, а другое порядки монастырские. Может, там и не требуются вовсе послушники-то. Придем, помолимся, да и назад нас направят. Скажут — и без вас людей достаточно.

— Может и такое быть, — задумчиво согласился Прохор. — Ну ничего, раньше времени носа не вешайте. Помолимся Пресвятой Богородице, Она и заступится. Да и настоятель отец Пахомий родом из Курска. Я думаю, земляков он не оставит без внимания.

Вот дорога пошла вниз с горы — очевидно, спускаясь в пойму реки Сатис, о которой курянам говорили в Дивееве.

И вдруг лес расступился, и путники увидели весь монастырь разом. Он стоял на высоком холме, склоны его поросли деревьями, которые ажурной рыжей паутиной увивали подножье у рядов деревянных

келий, стоявших по краю холма. В центре — высокий пятиглавый собор с золотыми маковками. Рядом прилепилась невысокая колоколенка. Чуть правее еще храм. Среди келий — небольшая деревянная церковка, крытая тесом, с главой, обитой деревянной чешуей. Железный крест на ней позолочен. Внизу у откоса слева от монастыря — высокий храм, вздымающий могучую главу свою выше холма. На вершине его полыхнул под солнечными лучами крест, будто ангел взмахнул золотыми крылами.

В молчании застыли куряне, не смея слова сказать. И дело было не в какой-то особой красоте монастырских зданий — после Киево-Печерской Лавры трудно было чему-либо удивляться. Волнение их охватило оттого, что стояли они на пороге неизвестности. Долго они душами своими стремились к этому месту. И вот оно! Исполнение их желаний! Но исполнение ли? Что ждет их в чужом монастыре, где царят неведомые им строгие порядки. Молодость порой бесшабашна и надеется на авось, но переломные моменты в жизни человек чувствует душой. Потому и замерли, робея, четыре молодых курянина.

У Прохора от волнения защипало глаза. Вознеся молитву Всевышнему за благополучное завершение долгого пути, путники спустились в пойму реки. Перейдя через мост, они поднялись к гостинному двору. Встретил их щуплый, шустрый рясофорный монах с реденькой бороденкой. Приветливо и живо заговорив с богомольцами, он показал им кельи, где можно было расположиться. На вопрос о настоятеле монастыря отце Пахомии, не удивился.

— Покои строителя на территории обители находятся.

— А почему строителя? — удивился Петр Матчин. — Нам бы к настоятелю.

Инок улыбнулся.

— В монастыре постоянно что-то строится, потому настоятеля и зовут строителем. Пойдемте, я вас провожу.

Пройдя сквозь железные ворота на территорию монастыря, куряне подошли к покоям настоятеля.

— Погодите немножко, я схожу, доложу строителю о земляках. Он готовится к службе, поэтому может и не принять вас сейчас.

Уже через минуту вернувшись, монах поклонился и сказал:

— Отец Пахомий просит вас войти. Следуйте за мной.

Настоятель Саровской пустыни встречал их в обычной монашеской келье.

Был он среднего роста, сухощав. Большие голубые глаза смотрели

кротко, но внимательно. Волосы соломенного цвета чуть подернуты сединой. На губах — легкая добрая улыбка.

Благословив путников, он троекратно расцеловал каждого и предложил присесть.

— Дионисий сказал мне, что вы из Курска идете? Чьи же вы будете?

— Я Мошнин, — отозвался Прохор.

— Из какого прихода?

— Из Сергиевского.

— Не сын ли Сидора Ивановича Мошнина?

— Сын.

— Хороший купец был, слышал я, что помер он, Царствие ему Небесное.

— Помер, батюшка. Мне и семи годов тогда не было.

— Сидор-то Иванович был ктитором Сергиевского храма, когда я уезжал в Саровскую обитель.

— Да, он надзирал за каменными работами. А как помер, матушка моя стала исполнять данный обет.

— И матушку твою Агафью Фотиевну помню. Я в вашем приходе частым гостем был: нынешний друг мой и помощник отец Питирим, а в миру — Петр Иванович Дружинин, тоже из Сергиевского прихода был. Мы с ним вместе в монастырь ушли.

— Так Петр-то Иванович нам с Федором родственником будет! — радостно воскликнул Григорий. — Мне отец говорил, что давно уже его двоюродный брат в пустынь к вам ушел, но больше о нем мы ничего не слышали.

— Что ж, вот и хорошо, не только земляки у вас здесь оказались, но и сродники. А с чем пожаловали к нам в пустынь? Помолиться захотелось в святых местах или просто мир повидать вырвались?

— Мы хотели в послушание попроситься, — сказал смиренно Прохор. — Примете ли?

— А что ж, дело хорошее. Вы, стало быть, решили жизнь свою Богу посвятить?

— Да. Мы хотим монахами стать.

— Ну, до монашеского сана вам еще долго. Да и нелегко все это. Сначала надо искусы пройти послушнические. Да и возраст ваш, догадываюсь, не очень подходит для монашеского звания. По уставу у нас в монахи не раньше тридцати годов постригают. А тебе сколько, Проша,

годов-то будет?

— Двадцать четыре.

— Ну так есть еще время поразмыслить, испытать себя. Ежели серьезно намерение насчет монашества, то за шесть-то лет вполне можно определить твой ли это выбор.

— Мой выбор, батюшка, мой. Это я твердо решил.

— Это похвально. Но не будем торопить события. Определим вам каждому свое послушание, а там посмотрим. Но знайте, порядки у нас в монастыре строгие: кроме послушания, придется и в службе помогать монахам. У нас, например, непрерывное чтение Псалтири заведено. Один отчитал, другой начинает... Послушники тоже читают, не важно день или ночь. Да и во всех остальных службах участие обязательно. Утреню мы начинаем в пять утра, а повечерие заканчивается около полуночи. Придется и в кельях иеромонахам прислуживать, и помогать в подготовке трапез. В нашей обители устав общежитский, он строже, чем в остальных монастырях. Всё у нас общее и равное — и трапеза, и одежда, и работа. Своего никто и ничего не должен иметь. Вино и пиво употреблять запрещено, нельзя заводить знакомство с мирскими людьми, а особенно с женщинами. Трапеза у нас только два раза в день, а в келию съестного брать нельзя, даже хлеба. Со стороны братии и послушников требуется беспрекословное повиновение настоятелю. Как говорили святые отцы, послушание есть отвержение души своей до конца, непытливое действие, нелюбопытная жизнь, добровольная смерть, оно есть гроб воли, воскресение смирения, отложение своего рассуждения и недоверие самому себе даже в делах добрых. Послушание, умерщвляя нас для мира и самих себя, более всего способствует молитве. Всякое благо молитвы проистекает из послушания. Послушание есть начало и основание общежительной иноческой жизни и корень всех евангельских добродетелей.

— Мы готовы к этому и примем все, что в уставе вашем заведено, — ответил за всех Прохор.

— Ну что ж, с Богом. — Пахомий поднялся. — Идите в храм Успения Пресвятой Богородицы. Сейчас я там служить буду. Потом приглашаю вас в трапезную. На постой пока на гостином дворе остановитесь.

Из покоев настоятеля курыне вышли радостные. Такой теплой встречи они не ожидали.

— Не иначе как Царица Небесная, которой мы молились неустанно, помогла, — сказал Петр. — Вон ведь какой дальний да тяжелый путь мы с вами проделали, и ничего с нами не случилось: ни разбойники

не напали, ни заболел никто. Вот и встретили нас по-доброму.

— Наверное, и землячество со строителем помогло, — добавил Григорий.

— Пожалуй, и старец Досифей за нас помолился, — задумчиво произнес Прохор.

Глава 7

Послушник

Трудиться курянам пришлось в разных местах. Прохора определили в келейное послушание к казначею иеромонаху Иосифу, мудрому, строгому, но доброму старцу. Петра Матчина назначили в заготовщики продуктов, Федора Дружинина направили в пекарню, а Григорий стал будильщиком. Прохор безропотно, со смирением и усердием исполнял всё, что ему поручал отец Иосиф. Монастырское бытие увлекло его своей размеренной, бесхитростной, тихой и чистой жизнью, в которой не было лавочных скандалов, обременительных хлопот о торговом процветании, злых соседей и пьяных мужицких драк. Хотя и не принято было в обители возносить похвалу за успешно исполнение поручений, чтобы не искушать послушников, но по довольному виду отца Иосифа Прохор замечал, что к его трудам относятся благосклонно. Радостью наполнялось его сердце, и с еще большим усердием он приступал к работе. Вскоре его стали назначать и на другие послушания: то просфорником, то столяром, то будильщиком, то пономарем.

Особенно по душе Прохору было трудиться в столярной мастерской: сказались привычка и навыки, полученные при возведении Сергиевского храма в Курске. В монастыре шло строительство новых келий, для которых требовались двери, косяки, окна, половые доски. Изготовлением этого бригада столяров, в которой работал Прохор, и занималась. Ему нравился запах дерева, сочный звук рубанка, снимающего стружку, гладкая, ласкающая руку поверхность досок, а главное атмосфера размеренного неспешного труда в полном молчании и сосредоточенности на внутренних молитвах. Так и шла размеренно и спокойно жизнь саровских послушников — в трудах и заботах. А как наступало время службы, работа откладывалась, и послушники шли в церковь Живоносного Источника.

Храм стоял рядом с собором Успения Богородицы. Архитектуры

он был старинной с маленькими сводчатыми окнами. Убранство внутри богатое. Темный купол освещался четырьмя вызолоченными паникадилами. Образа были не только в иконостасе, но и по стенам, в серебряных ризах. Перед каждой иконой — паникадило. Крест, евангелие и сосуды украшены драгоценными камнями. Свет зажженных свечей отражался таинственными трепетными бликами на серебре, золоте и драгоценных камнях. Атмосфера величия Божия и отрешенности от суетного бытия вызывала у Прохора душевный восторг и слезы умиления. В быту он был тверд, мужествен и рассудителен, но в молитвах не мог удержаться от слез.

В церкви Прохор полностью отдавался молитве, ни одна посторонняя мысль не отвлекала его от общения с Богом. Однажды стоявший рядом в храме Петр Матчин что-то шепнул ему, но Прохор так на него взглянул, что приятель смутился, покраснел и потом уже молчал до конца службы. А после Прохор сказал Петру:

— Ты помнишь, что говорил о молитве святой Киприан Карфагенский?

— Проша, у меня нет такой памяти, как у тебя, поэтому я не смогу с тобой состязаться в знании высказываний святых отцов.

— А сказал он следующее: «Когда стоим на молитве, то должны всем сердцем предаваться молитве и бодрствовать. В это время да удалится от нас всякое плотское и житейское помышление, и ум наш да не помышляет в это время ни о чем другом, кроме того, о чем молимся».

— Прости. Я не хотел тебя отвлекать. Я вижу, что ты духом и знанием сильнее меня, Федора и Гриши. Так уходить в моление, как ты, я не могу. Наверное, мне не стать монахом.

— Ты хочешь уйти из монастыря?

— Пока нет. Поживем год, а там видно будет. Все равно придется идти продлевать паспорт.

Разговор этот подействовал не только на Петра, но и на Прохора. Он вдруг понял, что гордыня, с которой он постоянно и упорно боролся, опять одолела его. Он прочитал нравоучение брату своему, осуждая его и, тем самым, возвышаясь над ним. Вспомнились сразу слова преподобного Аввы Исая: «Кто сам себе присваивает чин учить других, тот вредит душе своей». Промаявшись несколько дней, Прохор нашел товарища своего и слезно просил простить его за то нравоучение.

Смирение, к которому он стремился по примеру святых отцов, ускользало от него. Большое знание, теснившееся в груди, служило ему

плохую службу — он все равно чувствовал некое превосходство над своими товарищами и ничего с этим поделать не мог.

Постижение монашеских правил проходило нелегко. Особенно ответственно, волнительно и напряженно было послушание будильщиком. Нужно было оповещать братию о начале ночных служб, поэтому приходилось всегда находиться в сосредоточении внимания, спать помалу и чутко. С одной стороны очень приятно, что ему доверили такое важное дело. Он втайне гордился таким послушанием, радовался, что становится частью размеренной жизни обители, ее важным звеном. И в то же время боялся этой гордости, от которой до гордыни всего-то один шаг.

Много тягот испытывает послушник, только что пришедший из мира и отрешившийся от привычной жизни. Но особенно тяжелы душевные переживания. Иногда от однообразия быта на послушников накатывала тоска. Скука и уныние наваливались около полудня, когда тело просило пищи, а душа — смены обстановки. Смутное, невысказанное беспокойство томило и требовало чего-то нового, яркого. Казались не-сносными и крохотная келья, и однообразие пейзажа, и уныло бродящие всяк по своим делам монахи. Даже чтение порой вызывало зевоту и раздражение. Картины прежней жизни сами собой рождались в памяти, ввергая в соблазны. Прохор всеми силами боролся с томлением духа, спасаясь молитвами и трудами.

Подражая старцу Пахомию, он как можно раньше являлся на церковные молитвы, выстаивал неподвижно все богослужение, как бы продолжительно оно ни было, и никогда не выходил из церкви до окончания службы. В часы молитвы он стоял на одном определенном месте. Чтобы не отвлекаться и не впадать в мечтательность, он смотрел всегда в пол и вслушивался в пение и чтение, сопровождая их молитвой.

Любил Прохор бывать в храме Успения Пресвятой Богородицы, высоко вознесенные купола которого поразили его на подходе к Саровской пустыни. Величественный пятиглавый собор стоял посередине монастырской площади. Белые колонны подпирали крышу высокого крыльца. У входа — могила отца Ефрема, долгое время бывшего настоятелем монастыря и немало сил отдавшего возведению храма. Не дожил он до освящения собора всего несколько месяцев. Освящение прошло 15 августа 1778 года перед самым приходом Прохора Мошнина в пустынь. В соборе хранились святыни: частицы Животворящего Древа Креста Господня, багряницы Спаса и ризы Пресвятой Богородицы. Были там и частицы мощей Киево-Печерских чудотворцев, подаренные

монастырю еще в начале века родными сестрами царя Петра Первого. Святые реликвии почитаемы не только братией и послушниками, но и богомольцами, которые стекались в монастырь со всех сторон. А особенно их было много в праздники. В этом Прохор убедился в первый же день своего пребывания в монастыре, когда попал на Всенощное бдение. Оно проводилось в честь Введения в храм Пресвятой Богородицы. Бдение проходило в переполненном храме с полночи до шести утра. Трепетно Прохор стоял в толпе богомольцев и повторял за священниками слова молитв, радуясь, что судьба благоволила ему и что он стал ближе на шаг к спасению собственной души.

С большой охотой ходил Прохор и в подземелья, которые были вырыты первыми монахами обители много лет назад под монастырской площадью в холме по подобию Киевских пещер. Те же мрачные закопченные своды тоннелей, такая же узкая каменная келья для монаха-затворника с узким окошечком для передачи пищи, то же ощущение великого груза, нависшего над тобой и готового раздавить тебя в одно мгновение, как яичную скорлупу. Нутряной страх и волнение вызывали подземные галереи второго и третьего уровней, в которые вели узкие, закручивавшиеся влево проходы с высокими, уходящими круто вниз ступенями. Казалось, что спускаешься к самому центру земли, откуда нет возврата. Отличались саровские пещеры от киевских только холодом, он исходил от доломитного камня и пробирал посетителя даже сквозь теплую одежду.

Подземная церковь в пещерах не действовала уже много лет — от сырости иконостас пришел в негодность. Но отец Пахомий говорил, что приезжавший на освящение собора Успения Пресвятой Богородицы епископ Иероним обещал содействие в восстановлении подземной церкви. А пребывавший с владыкой благодетель пустыни Николай Радищев изъявил желание пожертвовать на престол мраморную доску. Настоятель уже дал указание на изготовление иконостаса из листового железа.

Основные обязанности послушников — работать, слушать, молиться и молчать.

Кроме строго определенного искусства, послушникам часто приходилось исполнять много разных поручений: и помощь братии при богослужениях оказывать, и прислуживать на трапезах. Особенное удовольствие доставляло послушникам исполнение обычая в трапезной в праздники или ежели кто из гостей важных приезжал — либо губернаторша, либо благодетель богатый, либо кто из епархиального начальства.

Когда братия и гости рассаживалась на скамейках вокруг столов

в богато убранной трапезной, входили двенадцать послушников в черных кафтанах, в белых фартуках, с распущенными волосами. Разделяясь по шесть человек по разные стороны столов и творя про себя молитву, каждый из них подавал блюдо с пищею. Во время трапезы один из монахов, стоя у аналоя, читал жития святых или иную церковную книгу.

Прохору нравилось принимать участие в прислуживании на трапезах. Особая торжественность, создаваемая даже при приеме пищи, придавала величие человеческому бытию, поднимала над буднями и жизненной суетой. Молитвы, произносимые в трапезной, готовили человека не просто к процессу насыщения, но ко вкушению даров Господних.

Петр Матчин тоже с охотой прислуживал в трапезной, но уже по другой причине. Он любил подавать блюда именитым гостям, от которых пахло духами, чужой загадочной жизнью и веяло чем-то неземным. После таких послушаний он, смакуя подробности, рассказывал послушникам, кои не удостоились чести служить в трапезной, о прелестях и нарядах красавиц-паломниц. Душа его так и не забывала страсти суетного мира.

Прохор же всегда рад был стоять возле отца Пахомия, которого ценил выше всех, и каждое услужение ему почитал за высокую честь.

По занятости своей отец Пахомий не мог много времени уделять послушнику Прохору, хотя и любил разговаривать с умным, начитанным и благочестивым земляком. Их беседы были глубоки и разнообразны: что есть Бог? что есть душа? что есть Дух Святой? почему люди в большинстве своем, хотя и веруют в Бога, не заботятся в полной мере о спасении души своей бессмертной? почему дьявол так силен и страсти человеческие творят столько бед на свете? Особенно Прохор горячился, когда речь заходила о вере и неверии:

— Разве люди не понимают, что нельзя веровать частично, нельзя верить временами — сегодня я верую, а завтра забуду про заповеди Господни, а послезавтра опять начну веровать? Ведь это не вера. К Богу такие люди обращаются только тогда, когда им надо что-то от Него. Кому здоровья, кому удачи в делах, кому богатства. Таких праведных, как матушка Агафья Семеновна Мельгунова из Дивеева, единицы. Она-то непременно спасется. А другие? Что будет с ними?

— Каждому — по вере его. Помнишь, что говорил святой Киприан о пришествии Господнем?

— Да, помню, он говорил, что надо ожидать с осторожностью и вниманием внезапного пришествия Господня, дабы, когда Он придет,

бодрствовала вера наша, надеясь получить награду от Бога за свое бодрствование.

— Да, именно так сказано и в Евангелии. Ради спасения своего нужно постоянно творить умную молитву.

— Что такое умная молитва?

— Это понуждение говорить молитву мысленно без перерыва. Неспешно, но так, чтобы не успел ум образовать помысел рассеяния, внимая только словам: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». Когда это продлится достаточно долго, ум к этому привыкает и сам это говорит. И трезвеет ум твой. И хочешь все время говорить это. И если оставляешь, очень огорчаешься. Когда ум к этому привыкнет и насытится, хорошо этому научится, тогда он посылает это в сердце. Итак, везде произносится молитва: и сидя, и в постели, и на ходу, и стоя. Ты показываешь свое намерение Богу. Бог есть начало и конец. Благодать Его делает всё. Она — движущая сила.

— Но достоин ли я благодати?

— Не считай себя человеком, если не получил благодати. Благодать достигается терпением, молитвой и непрестанной борьбой с искушением. Только стучи прямо в дверь Божией милости, и в любом случае Христос тебе откроет. Возлюби Его много, чтобы ты получил много. По любви к Нему, большой или малой, и даяние — много или мало.

Ох, как, оказывается, мало еще знает Прохор. Он думал, что знания, приобретенные им в юношеском возрасте, дают ему возможность самому оценивать все в окружающем мире и самому творить свою судьбу. Но чем дольше он беседовал с мудрым старцем, тем больше приходило понимание и ощущение собственной беспомощности и невежества.

— Батюшка, смею ли я высказать просьбу?

— Изволь.

— Благослови меня почаще бывать в библиотеке, там есть много книг, мною не читанных. Без твоего благословения в библиотеку не допускают.

— Хорошо, я скажу казначею отцу Иосифу, в ведении которого находится библиотека, чтобы допускали тебя, когда для этого будет время и желание.

Отец Иосиф тоже полюбил пытливого и умного послушника. Он стал настоящим духовным наставником Прохора. Их беседы были долгими и душевными.

— Отче, как победить дьявола?

— Победит его лишь тот, кто познает собственную немощь, страсти и недостатки, которые у него есть. Боящийся познать себя пребывает далеко от знания и ничто другое не любит, как только видеть ошибки у других и их судить. Он не видит у других дарований, а видит только недостатки. Не видит в себе недостатков, а только дарования. Враг хорошо умеет прятаться за страстями и слабостями. Поэтому, чтобы поразить его, ты должен сразиться, умертвить самого себя — все страсти. Когда ветхий человек умрет, тогда упразднится сила врага и противника.

— Когда же можно надеяться на просветление?

— Добро не придет само собой. Монах не делается с легкостью. Монах должен быть обруган, высмеян, испытан; должен упасть, подняться, стать человеком. Подвиг требует лишений и много труда. Нужно, чтобы ты взывал день и ночь ко Христу. Нужно терпение во всех искушениях и скорбях.

— Батюшка, почему ты никогда не хвалишь ни монахов, ни послушников?

— Похвала только во вред бывает.

— Но как же? Если человек делает добрые дела, то похвала только поможет стать ему лучше. Он будет стремиться умножать добро.

— Похвала вредит даже совершенным, а не только слабым. Одному святому трижды сказал один гость, что тот хорошо плетет свое рукоделие. И на третий раз святой ему сказал: «С тех пор, как ты вошел сюда, человек, ты выгнал Бога от меня». Видишь, какую строгость имели святые? Только брань и оскорбления приносят духовную пользу человеку, ибо от них рождается смирение, человек приобретает венцы, терпя, задавливает эгоизм и тщеславие. Поэтому, когда тебя оскорбляют: гордец, лицемер и тому подобное — это время для терпения. И если заговоришь — проиграл.

Казначей, который был в монастыре второй фигурой после строителя, брал молодого послушника с собой в поездки и в соседний Санакарский монастырь, и по церквям близлежащих сел на праздники и освящения новых приделов. Постепенно Прохор освоился в монастыре, словно в родном доме.

Благоволил Прохору и иеромонах отец Питирим, ближайший сподвижник строителя, тоже бывший курянин — дальний родственник Григория и Федора Дружининых. Он рассказывал Прохору о становлении Саровской пустыни, начиная с деяний основателя монастыря отца Иоанна и кончая свершениями отца Ефрема, недавно почившего настоятеля, похороненного у входа в храм Успения Пресвятой Богородицы.

Судьба отца Ефрема сильно затронула сердце Прохора. Именно так он и представлял себе твердого духом в вере и смиренного в страданиях настоящего православного христианина.

Вот что рассказал послушнику отец Питирим.

Однажды в 1734 году в самый разгар строительства новой каменной церкви в Саровский монастырь приехала комиссия, которую возглавлял игумен Колоцкого монастыря Пахомий. Сопровождали его канцелярист и двое солдат. Искали они крамольные бумаги, о которых в столице прознали по доносу в Тайную канцелярию. И такие бумаги были найдены. Через некоторое время Первоначальник Иоанн был арестован, а с ним иеромонах Ефрем и иеродиакон Феофилакт. Первоначальник Иоанн и его делопроизводитель Феофилакт умерли в застенках Тайной канцелярии, не выдержав пыток. Иеромонаха Ефрема лишили сана, били кнутом и сослали в Сибирь. Более двадцати лет продолжалось испытание духа отца Ефрема. В Орской крепости он исполнял обязанности пономаря при местной церкви. Однажды Ефрем, копая землю, наткнулся на богатый клад. Вознеся хвалу Господу, он отнес найденное сокровище военному начальнику, не изъявив желания получить за это какое-либо вознаграждение. Такое бескорыстие удивило начальство. Узнав, что когда-то Ефрем был иеромонахом, комендант крепости заинтересовался его судьбой. Запросили дело, по которому отец Ефрем был осужден. Установив его невиновность, указом Священного Синода отца Ефрема освободили из заточения и восстановили в сане священства. Вернувшись в Саровскую обитель, отец Ефрем активно включился в монастырскую жизнь, во всем помогая строителю. А вскоре и сам он был избран настоятелем Саровской пустыни. Его стараниями монастырь преображался на глазах. Каких трудов и сил стоило одно только строительство Успенского собора.

Тяжелым испытанием для обители стало пугачевское нашествие. Мятежные отряды дошли до Темниковского уезда. Местные крестьяне с великой охотой к ним присоединились. Да и до этого времени разбойников по окрестным лесам немало бродило. Тревожно стало в обители. Строитель Ефрем отправил молодую братию и послушников в Арзамас под прикрытием солдат, а сам с престарелой братией стал укрывать в потайных местах святые реликвии, кресты, сосуды, книги — все, что составляло ценность Саровского монастыря. Наемные бригады строителей разошлись по своим городам. Жизнь в монастыре замерла. К счастью пугачевские отряды увлеклись винокурным заводом, стоявшим

неподалеку, и не дошли до пустыни. А тут подоспели и царские войска, которые разгромили мятежников. Но вследствие разорения, устроенного восставшими крестьянами, разразился голод. Ели лебеду, кору деревьев, желуди. Много людей померло голодной смертью. Сотни страждущих потянулись к стенам монастыря. И всем им находились приют и пища. Семь месяцев кормила святая обитель изголодавшихся крестьян. Некоторые монахи начинали роптать, опасаясь, что монастырские запасы кончатся и братию тоже может ожидать голод. Узнав об этом, отец Ефрем обратился к монахам:

— Не знаю, как вы, братия моя, а я решил, что лучше страдать со всем народом, нежели оставить его гибнуть. Какая нам польза пережить подобных нам людей? Ведь до этого времени они нас питали своими подаяниями.

Голод удалось пережить, и Саровская обитель еще раз доказала свою духовную мощь.

Став совсем немощным, отец Ефрем передал бразды правления нынешнему настоятелю отцу Пахомию. Успенский собор остался как памятник трудам и подвигам отца Ефрема, не случайно и похоронили его возле входа в храм.

О многих великих старцах и подвижниках христианства знал Прохор и из книг, и из рассказов своих духовных наставников. Как же хотелось Прохору быть похожим на отцов православия, твердых в вере и мужественных. И потому с еще большим рвением он молился, прося у Всевышнего силы в борьбе с собственными страстями. А это подчас было тяжелее любого самого трудного послушания.

Службы в храмах были долгими и торжественными. Братия облачалась в парчовые одеяния. Зажженные паникадила освещали кроткие лики святых. Слаженное, торжественное звучание хора среди гулких просторов храма возносило душу в неземные пределы. Прохор с благоговением стоял на службах и просил Бога о собственном спасении. Да и в одиночку любил он приходить в полутемный храм, освещаемый лишь несколькими свечами. Он вставал на колени перед иконой Богоматери, молился о Ее заступничестве перед Господом ради спасения его души. Вспоминал он с великой благодарностью и о тех случаях, когда Богоматерь вмешивалась в его земную судьбу, помогая уберечься от неминуемой смерти. Однажды о своих чудесных спасениях поведал он и своим духовным наставникам.

— Молись, Проша, благодари Царицу Небесную за Ее

внимание, — говорил отец Пахомий, — и всей своей жизнью оправдывай эту великую милость.

— Как же это?

— Молитвами непрестанными, постом строгим, трудами и верой в Благодать Божию. Тогда и надежда появится на спасение души.

И Прохор стал изнурять себя строгими постами и долгими коленопреклоненными молитвами, надеясь, что явит ему Свою милость Царица Небесная и дарует ему познание Духа Святого, о котором поведал ему некогда старец Досифей.

Но не только духовными устремленьями приходилось жить послушнику. Не отпускали его и мирские дела.

В конце 1779 года, когда осенняя распутица окончилась и дороги стали подмерзать, Прохор с друзьями снова отправился в Курск для продления паспорта.

Радостна была встреча с родными. Когда в отчий дом зашел статный широкоплечий юноша, с длинными волосами, с чистым белым лицом, обрамленным густой светло-русой бородой и взглянул на Агафью Фотиевну пронзительными голубыми глазами, она обмерла. Ноги не держали от радости. Прохор подхватил ее, готовую упасть.

— Маменька, что ты!? Это же я — живой и здоровый. Видишь, вот и распятие, которое ты подарила, я на шее ношу, не снимая, оно и хранило меня в пути.

— Прощенька, как я по тебе соскучилась!

— И я, маменька.

— Ну как ты там? Не передумал в монашескую-то жизнь окунаться с головой? Может, вернешься?

— Нет, мама, не вернусь.

Продлив паспорта, послушники возвращались уже вдвоем. Петр Матчин и Федор Дружинин остались дома: видать, не свой жизненный путь они решили избрать, отправляясь в пустынь. Григорий и Прохор дошли до монастыря всего за три недели: на этот раз они пристали к обо-зу, которые направлялся из Курска в Оренбург через Кадом и Темников, а это было на целых сто верст ближе, чем через Муром.

На втором году жизни в обители, помня о наставлении духовников, что Благодати Божией можно добиться только постом и молитвой, Прохор стал относиться к себе еще строже. Ел только самую малость, сна долгого себе не позволял, вставал на молитву и по ночам. Утром поднимался тоже очень рано. Послушание нес с усердием, не давая себе

роздыху. Когда дела в столярной мастерской заканчивались и проходило время служб, Прохор с молитвой на устах вырезал в келье из кипарисовых досок кресты.

Осенью 1780 года он с Григорием снова пришел в Курск за очередным продлением документов. Мать не узнала его — так высох и осунулся сын. Благородная белизна обернулась болезненной бледностью, глаза горели лихорадочным огнем.

— Что же это с тобой сделалось, Прошенька, — ахнула мать, — ай заболел чем?

— Нет, мама, просто я решил наложить на себя дополнительные испытания для достижения Благодати Господней и собственного спасения.

— Да разве можно так, Проша, ты же убьешь себя.

— Пресвятая Царица Небесная не допустит такого.

С тяжелым сердцем отпускала сына Агафья Фотиевна в очередной раз из отчего дома, но поделаться она уже ничего не могла.

— Я тебе в дорогу приготовила икону Царицы Небесной: ту самую, у которой ты молитву произнес перед тем, как мы с тобой на строящуюся церковь полезли. Ведь именно она, Богоматерь Пресветлая, тебя от смерти неминуемой тогда спасла. Пока иконка эта с тобой будет, я буду спокойной: Царица Небесная убережет тебя от несчастий.

— Маменька, да икона-то большая: в высоту, поди, аршин почти будет. Как я ее собой в дорогу-то возьму?

— Так она на холсте написана. Я ее с доски сняла, в трубочку свернула и в сумку холщовую положила, много места она не займет. А в монастыре новую досочку сделаешь, натянешь на нее холст — вот и будет Заступница Небесная всегда с тобой.

— Спаси Господь тебя, маменька.

После возвращения из дома Прохор выстрогал кипарисовую доску и натянул на нее холст с Пресветлым ликом Богородицы, который подарила ему матушка. Икона стояла в его келье, напоминая о материнском благословении и согревая его душу неземным теплом и светом, который исходил от образа Богородицы. Прохор, глядя на кроткий пресветлый лик Богоматери, приходил в состояние умиления, испытывал тихую, благолепную и благотворную радость. Вскоре он так и стал называть икону — «Умиление» и «Всех радостей радость».

Прохор еще суровее стал относиться к своему телу — спал на голых досках, пищу вкушал только один раз в день, а в постные дни и вовсе

ничего не ел. В послушание он в то время был определен в просфорники — пек просфоры и хлеб. Сильно ограничивая себя в пище и находясь рядом с духовитым свежеиспеченным хлебом, Прохор еще сильнее испытывал силу воли и духа. Именно в пекарне Прохор подружился в это время с одним послушником, который был старше его на двенадцать лет. Михаил Мальцов был тоже родом из курян. В обитель он пришел больше десяти лет назад. Также начитанный, ищущий истины и жаждущий спасения, он с удовольствием общался с молодым товарищем по искусству. И они вместе решили изнурением тела добиться небесной благодати.

Но вскоре от многочасовых коленопреклоненных стояний на долгих службах, недоедания и тяжелого труда у Прохора стали опухать ноги. Да и сам он начал отекать, болели суставы, мучили сильные головные боли. В конце года он слег. Духовные его наставники отцы Пахомий, Питирим и Иосиф, посетив больного в келье, предположили, что у послушника, по всей видимости, водянка. Монахи перенесли Прохора в больничную келью, что стояла за деревянной церковью Соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия. На предложение вызвать врача Прохор отказался:

— Я предал себя истинному Врачу душ и телес, Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери.

Волю его нарушать не стали, но отец Пахомий распорядился, чтобы около больного послушника всегда находились люди. Частым сидельником в больничной келье стал старший товарищ Прохора Михаил Мальцов.

Всю зиму и весну он не отходил от больного приятеля, скрашивая тяжкие страдания чистой и светлой беседой. Часто приходили к Прохору в больничную келью и настоятель обители отец Пахомий, и казначей отец Иосиф, словом добрым и молитвой поддерживая больного. От врачей послушник, как и прежде, отказывался, полностью вверив свою судьбу Господу. К лету стало ясно, что Прохор умирает. Однажды он попросил о Святом причастии. После причащения Святых Таин, которые принесли в келью к одру его, Прохор уснул.

И в тот миг раздвинулись и растаяли серые стены убогой кельи, осветилось все вокруг несказанным светом, и из этого света появилась Она — Пречистая Дева в одеяниях белых, сияющая и величественная. А с Ней рядом — апостолы Петр и Иоанн Богослов. Царица Небесная указала на больного и молвила апостолу Иоанну:

— Этот нашего рода.

Потом Она положила правую руку на голову послушника, и чудное

тепло разлилось по телу Прохора. Головная боль отступила, ломота в суставах исчезла, дыхание стало ровным и чистым. Прохор улыбнулся и заплакал. В левой руке Богородица держала сверкающий серебряный жезл. Она коснулась им правого бедра Прохора, в ноге сделалось углубление, и тотчас хлынули оттуда воды.

Озарилось лицо Пресвятой Богоматери улыбкой небесной, и исчезла Она вместе со спутниками своими, не сказав больше ни слова.

Наутро отец Иосиф, придя в келью к больному, увидел, что тот коленопреклоненным стоит перед иконой Богоматери, которую называл «Умиление», и молится усердно.

— Да как же ты встал, Прохор? Нельзя тебе подниматься.

Но Прохор, завершив молитву, встал с колен и поведал своему духовному наставнику о чудесном явлении Царицы Небесной и своем избавлении от тяжкого недуга, указав на углубление в бедре своем, откуда проистекли воды.

Казначей перекрестился и вознес молитву во славу Богородицы:

— Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с тобою; благословенна Ты в женах и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших. — И, обращаясь к Прохору, сказал: — Ты только не говори никому о явлении Преславной Приснодевы, чтобы не смущать умы братии и самому не попасть во искушение о возвышении надо всеми.

Лишь Пахомию и Питириму поведал Иосиф о явлении Богородицы. А остальная братия и послушники удивлялись чудесному исцелению Прохора. Даже другу своему Михаилу Прохор не сказал правду. Но Михаил, помня рассказ о двух чудесных спасениях, что Святая Дева сотворила в жизни Прохора в детском возрасте, и сам догадался: неспроста отступила болезнь.

После болезни Прохор долгое время оставался слабым и не мог исполнять тяжелые послушания. И отец Пахомий определил его в полевовщичи. Во владениях монастыря были заповедные леса, в коих не дозволялась вырубка деревьев. Особенно строго следили за корабельными соснами, которые клеймили государственные чиновники. За порубку такого дерева полагалось суровое наказание. Время от времени крестьяне близлежащих деревень позволяли себе самовольную порубку, поэтому и введены были полевовщичи, которые следили за порядком в лесу. Они при обнаружении самовольных порубок ценных деревьев доносили

строителю, а тот подавал заявление в земской суд, чтобы снять с себя ответственность за пропажу клейменого дерева.

Благословляя Прохора на это послушание, отец Пахомий сказал:

— Походи по лесу, подыши смоляным воздухом, наберись сил. Да не забывай питаться хорошо — для молитвы тоже нужны силы. В лесу трав целебных полно, посоветуйся с отцом Питиримом, он расскажет, какие от телесных недугов помогают.

Лес в округе монастыря густой, темный — бурелом на буреломе, но Прохор полюбил его всей душой. И вправду чистый воздух, настоящий на разогретых солнцем хвое и смоле, благотворно сказывался на здоровье послушника. Вскоре Прохор ходил по своему участку уже легко и помногу. Особенно нравились ему места вдоль речки Саровки. По крутому откосу стояли столетние сосны, словно великаны, охраняющие покой святых мест. Из-под откоса тут и там струились родники с ледяной, вкуснейшей и чистейшей водой. Умоешься — и такая легкость сразу появляется в теле и на душе, будто благословение Божеское получил.

Не забывал Прохор и о молитвах во славу избавительницы и спасительницы своей. Брал он с собой в лес маленький образок с ликом Царицы Небесной. Прикрепит его в расщелину коры сосновой, встанет на колени и молится, молится, обливаясь чистыми слезами.

К зиме 1781 года Прохор достаточно окреп и поэтому смог снова съездить в Курск: нужно было не только продлить паспорт, но и получить отпускной аттестат. Сопровождал его по-прежнему Григорий Дружинин.

Прохор и Григорий посетили уездного лекаря и получили справки о болезни. Без таких справок получить увольнение с купеческого поприща было невозможно.

Прохор после болезни выглядел изможденным, поэтому его слова о болезнях головы и ног у лекаря не вызвали сомнения. А вот с пышущим здоровьем, крупным и крепким Григорием дело обстояло сложнее. Но солидная мзда, заплаченная отцом Григория лекарю, сделала свое дело: справку о тяжелых заболеваниях выдали и ему. Саровские послушники написали доношения на высочайшее имя Государыни Императрицы с просьбой уволить их из купеческого сословия и разрешить им уйти в монашество в Саровскую пустынь с учетом болезней, подтвержденных уездным лекарем. В ноябре 1781 года в Курском городском магистрате было рассмотрено прошение о выходе из купеческого сословия Прохора

и Григория. Собрание купечества и мещанства города Курска поддержало просьбу молодых купцов с учетом того, что их семьи взяли на себя обязательство платить за них пожизненно все полагающиеся налоги. В декабре по указу Ея Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны Курский городской магистрат выдал аттестаты Прохору Мошнину и Григорию Дружинину.

Агафья Фотиевна и рада была, и не рада. С одной стороны мечта сына сбывалась, а с другой — она должна была расстаться с любимым чадом на долгие годы, а может, и навсегда.

С горечью и болью она смотрела на исхудавшего, изможденного сына, не смея попрекнуть его ничем. Тайком плакала, но, узнав об очередном явлении Прохору Пресвятой Богородицы, она несказанно обрадовалась:

— Значит, не оставит Она тебя без Своей милости. Угоден ты Ей.

Вознося молитвы во славу Богородицы, она шептала слова благодарности и нижайшие просьбы о сбережении своего дитя и в дальнейшем.

— Вверяю Тебе сына моего, Пречистая Матерь Божия. Спаси и сохрани его для подвигов духовных и жизни вечной.

В жизни семьи Мошниных этот год тоже выдался тяжелым — в августе большой пожар уничтожил торговые ряды, в которых находились и лавки Алексея. От товара не осталось ничего. Чтобы подняться вновь, требовались большие деньги. Их не было, поэтому каменную лавку на прежнем месте он возвести не смог, и в этом торговом ряду стали строиться более богатые купцы. Но Алексей был характера твердого — весь в отца, поэтому не пал духом. И хотя из-за потерь в капитале пришлось перейти из купечества в разряд мещан, рук не опустил. Всю торговлю свою он восстановил и для этого прикупил на Херсонской улице новую лавку. С Прохором он общался по-отечески, жалея и любя младшего брата.

— Возвращайся, Прошенька, к нам, вместе будем дело купеческое поднимать. Богу-то можно и здесь молиться. Сергиево-Казанский собор, который вместе со всеми и мы, Мошнины, поднимали, красив необычайно.

— Спасибо тебе на добром слове, Алеша. Но я теперь с избранного пути не сверну. Я убедился, что место мое там, в Саровской пустыни.

— Ну, как знаешь. Помолись тогда в монастыре за нашу семью, чтобы не наваливались больше на нас напасти тяжкие.

— Помолюсь, Алеша. Помолюсь.

По возвращении в монастырь Прохор продолжил послушание полесовщиком, а вечерами в келье вырезал кресты.

Духовные наставники Пахомий, Иосиф и Питирим еще с большим вниманием стали относиться к послушнику, отмеченному явлением Пресвятой Богородицы. Повсюду, куда бы ни ездили по делам церковным, они брали собой Прохора. Рад был встрече Прохор с Агафьей Семеновной Мельгуновой, ей, наконец, удалось основать женскую обитель в Дивееве, благодаря пожертвованию земли в количестве 1300 сажень помещицей дивеевской госпожой Ждановой. Всего четыре послушницы поначалу было в общине, но это не смущало подвижницу. Крайне суровую, основанную на постоянном труде и молитве, устроила она жизнь в обители. Духовное руководство над сестрами осуществлял настоятель Саровской пустыни отец Пахомий. Не ведал тогда Прохор, что наступит и его черед помогать сестрам дивеевским в устройении женского монастыря. Но до этого пройдет еще немало времени.

Когда настоятель монастыря отец Пахомий принялся за строительство нового каменного храма во имя Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев на месте разрушенных ветхих больничных келий и ветхой же старой деревянной церкви, Прохор снова был переведен на послушание в столяры. Его способности к столярному делу опять пригодились. Все инструменты: топоры, резак, молотки, рубанки и стамески, — были послушны в ловких руках Прохора. Изделия получались гладкими, ровными, радовали глаз и руку. Ему ничто не стоило вырезать витой православный крест, или ангела, или деталь орнамента для колонны иконостаса. Он даже изготовил в одиночку кипарисовый престол для храма. Впоследствии по возведению новой церкви Прохор питал к ней особую любовь — алтарь храма встал как раз на том месте, где ему явилась Пресвятая Богородица и излечила его.

Не прекращая молитв и соблюдения постов, Прохор перестал изнурять себя, чтобы иметь силы и для послушания, и для служения Богу. Мечта о монашеском постриге не оставляла его, но ему не хватало возраста. В июле исполнилось всего 27 лет. Ждать нужно было по крайней мере еще три года — таковы правила. А вот старший товарищ его Михаил Мальцов прошение о пострижении в монашеский чин уже подал. Но ему еще долго не суждено было получить такое разрешение. Только через семь лет он был пострижен с именем Мефодий.

Но тягучие юные годы для послушников шли не только в ожиданиях, но и в трудах, молитвах, самопознании, самосовершенствовании

и самоотречении.

Самое тяжелое для послушника — избавиться от земных страстей. Как бы ни умирал ты собственные мысли и желания, как бы ни молил ты Господа дать силы в отречении от всего мирского, страсти земные сами собой вторгаются в жизнь. И тогда отчаяние закрадывается в душу из-за слабости собственной. Но это отчаяние еще больше дает свободу мирским помышлениям, ибо дьявол только и ждет слабину, чтобы вторгнуться в душу.

Идут навстречу Прохору две богомолицы, красивы необычайно, нарядны — как будто на бал вырядились. И зачем только в монастырь приехали? Может, из любопытства, может, для развлечения, устав от скуки житейской, может, для замаливания грехов, что накоплено в великом множестве в веселой городской жизни. Идут девицы улыбаются послушнику, подмигивают хитро — уж больно пригож да статен юноша. Ну как тут не пококетничать с таким. Сбивается с молитвы послушник. Краснеет под взглядами бесстыжими, торопится мимо проскользнуть. А потом, почти бегом — в келью свою, на колени пред скорбным ликом Иисуса Христа и с мольбой о помощи в борьбе с лукавым. Ох, тяжела битва с самим собой. Вспоминаются слова святого Максима Исповедника, что демоны или сами нас искушают, или вооружают против нас людей, не боящихся Господа. Он же говорил, что тот любит человека, кто не любит ничего человеческого. Любовь и воздержание сохраняют ум бесстрастным к вещам и к помышлениям о них. Умом-то это понять можно, вот только не хочет слушаться естество — страсти внутренние душу терзают, не дают успокоиться, лишают равновесия. Страсть — или любовь, или ненависть к вещам... Как избежать этого? Как смирить свои помышления?

За советом опять послушник к наставнику идет.

Отец Пахомий всегда добрым словом поддержит:

— Монашество — подвиг тяжелый. Господь говорил: «Аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе». Отвержение себя состоит в отвержении своей воли и разума и покорении их пастырю нашему. Только через это человек может достигнуть смирения и освободиться от страстей и греховных действий и с помощью Божьей получить спасение.

Настойчив и силен духом Прохор, потому борьба со страстями земными ему под силу. В борьбе этой он видит цель для достижения главного — спасения души своей для вечной жизни.

Когда до исполнения тридцатилетнего возраста Прохору оставалось

полтора месяца, он пришел к строителю и с поклоном попросил благословения на подачу прошения о постриге в монашество.

— Прохор, к сожалению, я должен огорчить тебя, — с грустью ответил отец Пахомий. — Благодаря беззаветному служению Богу и исправному исполнению послушаний, ты мог бы быть пострижен в монахи, но Священный Синод издал указ, по которому старые увольнительные аттестаты следует вновь подтвердить. Придется тебе опять идти в Курск, чтобы получить окончательный отпускной документ.

— Что ж, батюшка, значит, так Господу угодно — видать, не все испытания я прошел.

Осенью Прохор и Григорий снова ушли в родные места.

Дома Прохора ждали большие изменения. Курск перестраивался. Придя на родную улицу, саровский послушник ее не узнал. Дома все снесены, через усадьбы проложены прямые улицы, на них уже начато строительство каменных домов. И не было знакомых, кто бы мог сказать, куда переехала его семья. Пришлось идти в Покровский приход, где жила сестра Прасковья, вышедшая замуж за мещанина Гавриила Колошинова. Прасковья несказанно обрадовалась брату. Плача и смеясь одновременно, она суетилась, хлопотала возле Прохора, походя рассказывая о семейных делах. Из угла, насупившись, глядел на высокого бородатого дядьку трехгодовалый племянник Мишка, из соседней комнаты из-за занавески смотрели любопытными глазенками племянницы Лена и Настя. Старшей Леночке было уже семь лет. Хозяин дома Гавриил Степанович солидно поздоровался с родственником, усадил за стол. Прасковья быстро принесла обед — и потекла мужская беседа, не прерываемая досужими женскими пустяками.

Прохор узнал, что снос прежнего жилья и строительство новых кварталов производилось по «Плану губернского города Курска», утвержденному Императрицей Екатериной Алексеевной. Хаотичная прежняя застройка сносилась, и новые прямые улицы стали проходить через многие купеческие и мещанские усадьбы. Люди вынуждены были разбирать свои дома и перевозить их на новые, выделенные властью, места. Усадьба Мошниных тоже попал под снос. Алексей с бригадой строителей разобрал отеческий дом и перенес его на Московскую площадь, что располагалась на окраине города. Место для торговли, конечно, невыгодное, но что поделаешь — с властью не поспоришь. Заменяв сгнившие венцы, Алексей восстановил родной дом. Крышу, конечно, пришлось крыть заново, печь выкладывать, пол менять, погреб рыть и все такое. Заняло это

несколько месяцев. Семья Алексея, в том числе и Агафья Фотиевна, все лето жила в доме Колошиновых. Совсем недавно они съехали, так что Прохор поспел прямо к новоселью. Прасковья проводила брата до нового дома матери.

Агафья Фотиевна, как и следовало, всплакнула при виде любимого чада. Но сердце ее успокоилось — Прохор выглядел хорошо: к тридцати годам он сильно возмужал, окреп. Голубые его глаза светились мудростью и покоем. К ее радости хлопоты по получению окончательного отпускового аттестата затянулись, и она смогла подольше побыть с сыном. В долгих вечерних беседах она открывала для себя нового человека: вместо чувствительного, мятущегося и трепетного юноши перед ней сидел умудренный в жизни и делах духовных муж, к которому она испытывала и робость, и уважение.

Только в конце января 1785 года Курский магистрат выдал необходимое свидетельство.

Это было последнее посещение Прохором Мошным родного города и последнее свидание с родными. Мать чувствовала это, поэтому не могла побороть своей глубокой печали при расставании.

— Побереги себя, сынок. Да иногда передавай весточки через оказии — в ваши-то края часто курские купцы ходят. Мне будет радостно узнать, что ты жив, здоров и счастлив в своей стезе.

— Передам обязательно. Знай, что я о тебе всегда помню. Я люблю тебя, мама. Благодарю тебя за всё. Да хранит тебя Господь.

По возвращении в Саров Прохор возобновил прошение о пострижении в монашеский чин. Одно печалило послушника — товарищ его, Григорий, на этот раз не сумел получить справку о болезни, а значит, и повторный аттестат и вынужден был остаться в Курске.

В марте отец Пахомий накрыл послушника Прохора Мошнина рясофором, то есть облек его в монашеские одежды, и нарек нового монаха Серафимом, что означало «пламенный».

Но требовалось еще официальное утверждение свершившегося события. Монастырское начальство подготовило необходимые документы на Мошнина и еще на троих послушников и оправило их во Владимирскую духовную консисторию, к которой относился в то время Саровский монастырь. Получив согласие Священного Синода, епископ Владимирский и Муромский издал в конце 1785 года свой разрешительный указ о пострижении в монахи Прохора Мошнина. Окончательное пострижение в монахи рясофорного послушника Серафима произошло 13 августа

1786 года.

Кончился послушнический путь Прохора Мошнина и начался молитвенный подвиг монаха Серафима.

Хотя до подвигов было еще далеко.

Глава 8

Монах

— Когда воздух очищается от облаков, тогда солнце показывается во всем своем сиянии; так и душа, которая сподобилась прощения грехов и освободилась от страстных навыков и помыслов, без сомнения, видит свет Божественный, — так говорил святой Иоанн Лествичник.

— Серафимушка, всё это так, — ответил монах Мефодий — Но не слишком ли ты увлекаешься цитатами из чужих трудов. Свои-то суждения тоже нужно иметь.

— Да как можно? — мягко упрекнул Серафим. — Это же гордыня. Столько всего отцами великими о служении Богу написано, что, если следовать всему, легко Божью благодать обретешь. На каждый случай, на каждое деяние, на любой вопрос можно найти ответы и в Евангелии, и в писаниях святых отцов, таких как Климент, Афанасий Великий, Кирилл Александрийский, Епифаний Кипрский, Амвросий Медиоланский и прочие, и прочие. Мудрость древних лет помогает даже в обычных житейских делах. Вот возьми меня — молился я усердно, веря преподобному Нилу Синайскому, который говорил: «В болезнях прежде врачей и лекарств пользуйся молитвою», — и получил исцеление от недуга тяжкого.

— Сложно с тобой спорить, брат мой, на всё у тебя ответ из святых отцов имеется. Начитанность твоя радует, но это ли для монаха главное?

— О чем это ты?

— Что надобно тебе в земной жизни?

— Добиться спасения души своей для Царствия Небесного. Еще в юности я присутствовал на соборовании одного грешного купца, которого за грехи, по всей вероятности, ждала геенна огненная. Такого ужаса я больше никогда не испытывал — так страшны были и облик, и слова человека, оказавшегося на краю преисподней. Не желал бы я так закончить жизнь свою.

— А не малую ли ты себе цель взял для земного пути? Святой Иоанн Златоуст говорил: «Бог желает, чтобы мы были солью, и светом, и закваскою, чтобы и другие могли получать от нас пользу».

— Я вижу, Мефодий, что и ты не чуждаешься мудрости отцов. Правда, ты не полностью изречение привел, там дальше-то речь о грехе идет. Но твою мысль я понял — ты говоришь о служении людям?

— Да.

— Но как могу я учить других, коли сам грешен и слаб?

— Но есть еще грешнее и слабее. Разве ты не должен им помогать на пути к спасению?

— Пока душа моя пребывает в сомнении и страхе за свою судьбу, не могу я поучения другим людям давать.

— Но ведь они тоже спасения жаждут.

— Стяжи дух мирен, и вокруг тебя спасутся тысячи.

Беседуют часами, сидя в полутемной келье, два монаха — Серафим и Мефодий. Дружба их началась давно — еще в послушании, когда их звали Прохором и Михаилом. Разговоры их глубоки и болезненны. Ищут они место свое в жизни монастырской. Стремилась много лет к монашескому сану, испытывали себя постами, бдениями молитвенными и послушаниями. И что? Оказались как два витязя на распутье. Их пытливые умы и чистые сердца требовали чего-то более высшего, чем исполнения предписанных монаху правил.

После рукоположения в сан иеродиакона в 1786 году Серафим полностью отдается богослужению. Сам службу он совершать пока не может, его обязанность оказывать помощь старшей братии — иеромонахам. Но душа его все равно полна светлой радости: он стал частью удивительного и таинственного священнодействия — церковной службы. Еще с малолетства, глядя на священников, одетых в расшитые золотом одеяния, читающих молитвы гулкими утробными голосами, и качающих завораживающий маятник кадила, он умилялся от неземного восторга. Долгие годы он представлял, как вольется в это торжественное, волнуемое действие. И вот минуты этого счастья наступили.

Кроме службы в храмах обители, случалось выезжать в сельские приходы в округе для участия в освящении церквей в Ардатовском и Арзамасском уездах. В июне 1787 года настоятель Саровской обители отец Пахомий, новый казначей отец Исая и иеродиакон Серафим были приглашены в село Нуча Ардатовского уезда для освящения церковного придела во имя Святителя Николая Чудотворца. По дороге они зашли

проведать матушку Александру, недавно постриженную в ангельский образ Агафью Семеновну Мельгунову. Застали они ее лежащей почти без движения в постели.

— Умираю я, отец Пахомий, — смиренно произнесла монахиня. — Господь меня к себе призывает.

— Что-то рано, матушка, собралась, — горько сказал старец, — ведь годов-то тебе мало еще: чай, и шестидесяти нет.

— Пятьдесят пятый идет.

— Ну вот, а ты помирать собралась. А на кого сестер-то оставишь?

— Да хотела тебя, батюшка, попросить. Возьми под свое покровительство сирот моих.

— Стар я для такого трудного дела.

— Деньги у меня есть, — продолжала матушка, — вон открой комод. Вынь оттуда четыре мешочка полотняных. Нашел? Ну вот и хорошо. В первом мешочке золото, во втором серебро, а в остальных двух медные монеты. Всего должно быть около сорока тысяч рублей. Возьми себе. Я знаю, что ты лучше распорядишься ими на нужды нашей обители. Сестры мои слабы и непрактичны, сами не смогут правильно потратить такие деньги.

Отец Пахомий передал деньги казначею Исайте и сказал:

— Не беспокойся, матушка. Ни один грошик впустую не потратим — все на благо твоих сестер пойдет. Послужить по силе моей попечением о твоих послушницах не отрекаюсь. И молиться за тебя не только я до смерти моей буду, но и обитель вся наша никогда благоденствий твоих не забудет. Но действительно стар я и немощен, не по силам мне такое великое дело. А ты лучше иеродиакону Серафиму поручи это. Он молод и силен.

— Батюшка! — воскликнул Серафим. — Да я разве достоин такой чести? Боюсь, не по плечу мне такое.

— Царица Небесная в том тебе поможет, — кротко произнесла матушка Александра.

А отец Пахомий добавил:

— Обитель сия была основана по указанию Богородицы. Она же и тебе всю жизнь благоволит. Так что будешь исполнять волю Царицы Небесной.

— Хорошо, отче. Я по мере сил буду заботиться о сестрах дивеевских.

— Слава Богу, — облегченно вздохнула матушка Александра. — Отец Пахомий, не откажи в последней просьбе. Мне бы перед кончиной собороваться.

Отец Пахомий совершил таинство, прочитав полагающиеся молитвы, семикратно помазав маслом и попросив Всевышнего очистить душу монахини от грехов.

После их отъезда благочестивая монахиня предала свою душу Господу.

Возвращаясь из Нучи, отец Пахомий с братией успели к погребению матушки Александры.

Смерть великой подвижницы наполнила скорбью сердце Серафима. Ранее о таких целеустремленных и верных православию женщинах он только читал. А тут увидел воочию, как молодая барыня Агафья Семеновна Мельгунова, оставив богатства и прелести мирской жизни, стала монахиней, сознательно обрекая себя на аскетическую, полную лишений и тяжелых трудов жизнь ради основания обители для боголюбивых сестер. Встречал он ее и на молитве в Саровской обители. Сила духа, кротость и в то же время неукротимая энергия сочетались в ней органично, вызывая уважение и почтение. Она могла служить великим примером любому монаху, выбравшему путь беззаветного служения Господу.

Вскоре монаха Серафима вводят в штат монастыря. По указу Ея Императорского Величества Саровскому монастырю полагалось иметь, не считая настоятеля, не более тридцати монахов. Причем число послушников не ограничивалось. Чтобы зачислить в штат нового монаха, нужно было свободное место. Несколько лет Серафим пребывал в стенах Саровской обители почти незаконно. Его после пострижения должны были послать в другой монастырь, но духовный наставник отец Пахомий не хотел отпускать от себя умного, усердного и трудолюбивого монаха. Во избежание скандала он время от времени писал в вышестоящие инстанции письма с просьбой оставить Серафима в обители якобы в связи с тяжелой болезнью его.

В начале 1788 года из Владимирской духовной консистории был получен указ о выведении из штата Саровского монастыря пяти престарелых монахов и переводе их в больницу. Молодые монахи, в том числе и Серафим, влились в братию обители на законных основаниях.

Все реже Серафим стал встречаться со своим другом — монахом Мефодием. Того приписали к больнице, но видеть его там можно было нечасто: он все свободное от служб время проводил в лесу. Любовь

к одиночеству и общению с природой, приобретенная в период послушания полесовщиком, вспыхнула в нем с новой силой. Моления в глубине векового леса приносили ему тихую радость. Звал он с собой и Серафима, но тот был так предан трудам своим по новому сану иеродиакона, что о пустынножительстве и не помышлял. Это желание у него появится только в год смерти духовного наставника — настоятеля монастыря отца Пахомия. Будет это в 1794 году.

Но до этого с Серафимом произошло поразительное и чудесное событие, которое перевернуло всю его жизнь.

Однажды в святой Великий четверг иеродьякон Серафим вместе со строителем Пахомием участвовал в службе. Началась Божественная Литургия. Находясь в Царских вратах, Серафим возгласил: «Господи, спаси благочестивые и услыши ны!» И вдруг его озарил яркий, будто солнечный, луч. Взглянув на это сияние, Серафим увидел Господа Иисуса Христа в образе Сына Человеческого. Ослепительный, неземной свет исходил от Господа. Он был в сопровождении многих небесных сил: Архангелов, Херувимов и Серафимов, которые окружали Иисуса Христа как бы роем пчелиным. Господь пребывал над полом храма, не касаясь его. Легко плывя по воздуху, Иисус Христос благословлял всех молящихся в храме. Возле Серафима Он остановился. Осенив иеродьякона крестным знаменем, Христос коснулся его головы. И тут же вспыхнул в сердце монаха огонь, не испепеляющий, а животворящий, согревающий восторгом и теплом тело и душу — на него снизошла Благодать Божья! Его любовь к Господу была столь высока, что он готов был умереть на месте во славу Его. Но не ради смерти Господь наградил монаха великим даром — через избранника Своего Он передал Благодать Свою людям, жаждущим духовного совершенствования и очищения грехов ради обретения Царствия Небесного.

Иисус Христос, проплыв по воздуху через весь храм, слился со Своим образом, что находился по правую сторону от Царских врат.

Далее говорить слова молитвы Серафим уже не мог. Слово пригвожденный к месту, он стоял в Царских вратах и с несказанно осветившимся лицом созерцал что-то, не видимое другими. По велению Пахомия два иеродиакона взяли Серафима под руки и ввели его в алтарь. Около двух часов пребывал Серафим в восторженно-недвижимом состоянии. Явление Господа и стяжание Духа Святого так преобразили и поразили душу его, что все земное перестало для него существовать.

К вечеру отец Пахомий пришел в келью к монаху и стал

расспрашивать его о странном происшествии, случившемся в храме.

— Что произошло с тобой, Серафимушка? Судя по твоему облику, ты сподобился откровения Божественных сил?

— Великое чудо сотворилось сегодня в храме, батюшка. Явился мне по воздуху Господь наш Иисус Христос. И я, ничтожный червь, земля и пепел, был удостоен Его особого благословения. И стяжал я Духа Святого, который пребывает со мной и по сию минуту. Молитвы, что я возносил к Богу, достигли небес — Господь явил мне знак Своей милости.

— Я рад за тебя, Серафимушка, — сказал отец Пахомий. — Но смотри, не возгордись душой своей, что ты теперь богоизбранный. Гордыня — грех великий. Да и братии с послушниками про то не рассказывай — зависть и недоброжелательность обрести можешь.

— Хорошо, отче, я никому про то не поведаю. И гордыню в душе своей лелеять не стану. Я раб Божий, и превыше всего для меня — служение Господу нашему.

— Ну вот и хорошо.

После явления Иисуса Христа жизнь Серафима круто изменилась. Он постоянно чувствовал близость духовного мира, во время храмовых служб он часто наблюдал ангелов в виде юношей в одеждах белых и золотых. Они, словно молнии, летали по храму, радуясь молитвенным голосам братии. Земные дела совсем перестали интересовать Серафима. Он забывал о пище, не выходил из кельи для общения с братией, послушниками и паломниками. Он пил утешение, вознося непрерываемые молитвы и пребывая в облаке света вместе с ангелами и слыша их сладостное пение.

В 1793 году в Тамбовской духовной консистории преосвященный епископ Феофил рукоположил Серафима в иеромонахи, и он получил право выполнять обязанности священника. Теперь он сам совершал богослужения, и эта новая ступень в его духовном становлении волновала и радовала его. Священнослужителем Серафим был удивительным. Обладая даром слова, веселым и легким нравом, большими познаниями в духовной литературе, он легко завоевывал сердца собеседников, вселяя в их души любовь к Господу, какой обладал сам, смирение и твердость духа для преодоления жизненных невзгод. Но не все безоблачно было в его жизни.

Большим потрясением для Серафима стало открытие новых духовных возможностей. Пребывая в состоянии постоянного присутствия Духа Святого, он стал видеть будущее людей и узнавать о событиях,

которые еще не произошли. Так он, когда тяжело заболел отец Пахомий, явственно увидел его смерть и даже мог назвать дату кончины — 6 ноября 1794 года. Для Серафима это новое знание обернулось большой печалью. Знать о грядущих горестях и не иметь возможности предотвратить их — тяжелое испытание для любвеобильной и чувствительной души. Сказать о своем новом даре он никому не мог, памятуя слова отца Пахомия о необходимости хранить молчание о тех чудесных откровениях, которые снисходили на него. Окрылись в нем и другие способности, которые тревожили и пугали. Он стал понимать мысли людей. Жить с этим в монастыре в постоянном окружении братьев монахов, послушников и паломников ему было трудно. Ранее общительный и веселый, он стал замыкаться, прятать свой взор при встрече с людьми. Еще больше ушел в моления, радуясь благодати Господней и печалась.

Он утвердился в мысли уйти по примеру своего старшего друга, отца Мефодия, в пустынножительство. В лесах ему никто не будет мешать общаться с Богом. Придя после утренней молитвы в покои к Пахомию, он смиренно преклонил перед духовным отцом колени и испросил благословения. Старец, нутром почуяв глубокую печаль, владеющую сердцем Серафима, спросил:

— Что тревожит тебя, Серафимушка?

— Странное со мной творится, батюшка.

— Я вижу, что сильно переменился ты. Или Дух Святой оставил тебя?

— Нет. Он всегда пребывает со мной, даруя радость неземную и поддерживая силы для духовной жизни.

— Так что же?

— Я стал, как старец Досифей, предвидеть будущее.

— Ты видишь то, что еще не произошло?

— Господь позволил мне это.

— Ты видишь и мое будущее?

— Вижу.

— Ты знаешь, когда я умру?

— Батюшка...

— Я давно готов предстать перед Господом, и мне не страшно закончить земной путь. Ты не огорчишь меня, назвав дату моей смерти. Зная ее, я смогу лучше подготовиться. Хотя... Если Господь не открыл ее мне, значит, он того не желает. Оставь свое знание при себе. Ты свой дар открыл после явления Иисуса Христа?

— После той службы, когда я удостоился Божией благодати, многое открылось мне.

— Кроме дара прозорливости, что еще ты приобрел?

— Когда творю молитву в храме, я вижу ангелов летающих.

— Ты общаешься с ними?

— Нет, только наблюдаю.

— Но тебя беспокоит еще что-то?

— Я воспринимаю мысли людей.

— Ты знаешь помыслы всех окружающих? Или даже тех, кто находится далеко?

— Нет. Это происходит только в беседе, когда я гляжу человеку в глаза.

— Поэтому ты и не смотришь на меня?

— Прости, отче.

— Что ты хочешь от меня?

— Отпусти меня в пустынную келью на Саровке, что в шести верстах от монастыря. В ту, которую была построена совсем недавно для старца Дорофея. Отец Дорофей поселился в ближней келье, что на святом ручье.

— Что ж, благословляю тебя. Иди, но не забывай исполнять все правила молитвенные ежедневно. А ко всякому воскресенью приходи в монастырь к правилу общему церковному.

— Конечно, батюшка.

Поцеловав благословившую руку, иеромонах Серафим ушел в лес на пустынножительство.

Глава 9

Пустынный

Келья Серафима довольно просторная — пятистенный дом с сеними, крыльцом и большой печью. Под полом откопан погребок для хранения овощей. Келья стояла на холме, а внизу, под откосом, несла холодные серебристые струи речка Саровка. Бурлил, тихо лопоча, родничок, добавляя в течение реки свою толику чистоты и свежести.

В лесу только начинала свой золотой хоровод царица-осень. Между соснами-великаншами желтели ажурные платица березок, трепетали

малиновые ладошки осин, на легком ветерке взмахивали длинными ресницами рябинки, сверкая рубиновыми серьгами и ожерельями.

Тишина и покой окружали монаха. Наконец-то он остался один наедине с Богом. Ему не приходилось скрывать свои мысли, прятать от людей взор, чтобы ненароком не прочесть их желания, не всегда чистые и праведные. Пребывание в одиночестве и с постоянным присутствием Духа Святого так полюбилось Серафиму, что он старался как можно меньше ходить в обитель. И только обязательные воскресные службы монах посещал исправно, исполняя наказ отца Пахомия.

Перед кончиной своего наставника Серафим пришел к Пахомию, и тот по его виду понял, что любимый ученик пришел проститься.

— Вижу, пора моя пришла. Ну что ж, благословляю тебя на долгую праведную жизнь, Серафимушка. Не забывай сестер дивеевских. Будь им духовным наставником.

— Хорошо, батюшка.

— Позови отца Исаяю. Мне собороваться надо.

После смерти строителя Серафим снова ушел в Дальнюю пустынку.

Через неделю монахи избрали настоятелем Саровской обители отца Исаяю. Новый настоятель тоже благоволил иеромонаху Серафиму, потому не препятствовал его пустынножительству и всячески помогал ему. Раз, а то и два в неделю в лесную келью приходили послушники, принося отшельнику хлеб и овощи. Серафим, не столько по монашескому уставу, сколь по своей внутренней духовной потребности исполнял строгие правила, заведенные у пустынников. Он имел скромные одежды и самое необходимое из еды — никаких излишеств. Главное для него были молитвы, которые он возносил к Господу — и в келье, где в красном углу стояли иконы, и в лесу, установив образок Царицы Небесной в расщелину коры большой сосны. В откосе, сбегавшем к реке, он отрыл пещерку. Теперь у него появилась своя Лавра, где он мог в полном уединении не отвлекаемый красотами природы молиться о собственном спасении.

Но полного одиночества, конечно же, достичь было невозможно. Несмотря на зимнее время и рыхлые снежные завалы, в пустынную келью иногда заглядывали гости из обители, используя широкие короткие лыжи, изготовленные в столярной мастерской, где Серафим когда-то проходил послушание. Приходили к пустыннику и монахи, что успели полюбить приветливого и умного собрата, и послушники, которые готовились к молитвенному подвигу и нуждались в совете и поддержке.

Среди наиболее сильных личностей выделялся отец Мелетий. Он ровесник Серафима, но уже отличился своими подвижническими подвигами: он был первым монахом Саровской пустыни, совершившим паломничество в святой град Иерусалим. Вернулся в Саровскую обитель отец Мелетий перед самым уходом в лесную келью Серафима. Несмотря на стремление к уединению, беседы с Мелетием были Серафиму крайне интересны. Все, что касалось дальних неведомых стран и святых мест, Серафим ранее только читал в книгах. И вот после рассказов своего собрата он мог теперь ярко и живо представить картины святых мест, где произносил свои проповеди, страдал и окончил земное существование Иисус Христос. И эти картины так легко и органично вошли в сознание Серафима, что он вскоре воспринимал путешествие Мелетия как свое собственное. Воспоминания другого человека стали его личными воспоминаниями, ничем не слабее картин из его собственной прошлой жизни.

Рассказы Мелетия так повлияли на Серафима, что он устроил в лесу свою Святую Землю. Так появились на берегах Саровки и славный град Иерусалим, и Афонская гора и Голгофа. А потом и другие евангельские места обрели новое существование в саровских лесах. И Саровка стала рекой Иордан. А на другом берегу, перейдя через поток по сваленной сосне, можно было посещать Назарет, Вифлеем и гору Фавор. Откопанная монахом пещерка стала священным вертепом, в котором он в долгих молитвах представлял себе Богомладенца, лежащего в яслях. Были там и другие святые уголки, которые давно, еще с самого детства, благодаря читанному помногу раз Евангелию, стали родными местами.

Среди послушников, приходивших к Серафиму, особенно выделялся рясофорный послушник Варлаам, тот тоже тяготился обществом людей и готовился к пустынножительству. Серафим вел с ним долгие беседы, наставляя и делясь с ним духовным опытом по служению Господу.

Иногда Серафима посещали и другие пустынники: старший друг его — монах Мефодий, давно обитавший в лесах, и монах Дорофей, проживавший на Ближней пустынке. Беседы их были неторопливы, но глубоки и полемичны. Все трое были начитанны и умны. И хотя Мефодий и Дорофей старше Серафима, но они с уважением относились к его доводам. От Серафима при его внешней кротости и смирении исходила такая неукротимая энергия, и сам он светился в разговорах таким сиянием, что старшие товарищи нередко принимали его сторону.

Не могли они обходить вниманием и мирские проблемы. Люди страдали от бед и несчастий, гибли от несправедливостей, голода,

неустроенности жизни. Не замечать этого Божии слуги не могли. Нищета одних и роскошь других, воровство и разбой, мздоимство и несправедливость судей, произвол начальников и бесправие бедных — это было печальной нормой. Тысячи паломников приходили в обитель и, прося благословение, рассказывали о своих болях и немощах, трудностях и собственном отчаянии. Монахи, будучи людьми восприимчивыми и чувствительными, принимали на себя эти боли, пытались молитвой и добрым словом облегчить чужие страдания.

Скверно человек относится к своим ближним, забывая заповедь Господа. Отсюда и беды неизбывные. Почему грех так сладостен и всемогущ в сознании людей? Почему грядущая Божеская кара не оставливает грешников в их неправедных деяниях? Пустынники всегда сходились в одном — только вера в Господа и Его заступничество могли быть опорой в совершенствовании человека, в его борьбе с животным, а то и порой звериным нутром.

Весной, когда стаял снег и теплое солнце прогрело землю, Серафим решил устроить около кельи огород.

Занимаясь простым крестьянским трудом, он ощущал неразрывную связь с землей и любимой родной природой. Он разговаривал с маленькими зверушками, что время от времени появлялись вблизи, и с пичужками, которые скакали по вскопанным грядкам, отыскивая оживших жучков и червячков.

— Ишь, ты, красивая какая! Для кого же ты так вырядилась? Шапочка малиновая, перышки изумрудом переливаются. Ты мне для радости, видать, послана. Порадуй, милая, порадуй. Господь не зря тебя на свет произвел. Тоже свой помысл имел. Может, вредителей уничтожаешь, чтобы лес не хворал, может, просто, живешь, чтобы все вокруг радостью дышало. Ох, Боже, а соловушка-то как защелкал у Иордана! Вон что песенник святой выделяет. Аж слезу выбивает. А вот и ежик к нам пожаловал. Что, милый, тоже за червячками охотишься? Мало их тут. Вот я тебе хлебушка дам. На-ка, родненький. Ну вот и молодец. Не бойся меня, я тебя не трону. Я тоже, как и ты, тварь Божия. Мы вместе с тобой часть этого мира. А вот и белочка прискакала. Тоже хлебушка захотела. Иди милая, иди. Ух, ты, смелая какая — даже на плечи запрыгнула. Ну, угощайся тогда за смелость свою. Да и других подружек зови.

Устроил монах неподалеку от огорода и пчельник небольшой — пусть пчелки цветущие овощи опыляют, да и медок зимой пригодится, силы поддержит, от хвори выручит. Собирал Серафим и травку полезную,

о какой ему еще отец Питирим говорил. И особенно ему полюбилась трава сныть — он из нее стал варить похлебку. Потом на зиму ее заготавливал: в сарае, который рядом с домом под одной крышей устроен, развешивал пучки травы для просушки на бечевочке, что от стены к стене протянул.

Сухие поваленные деревья, которых поблизости было немало, он разрубал, и чурбачки к дому стаскивал — зимой на дрова пойдут. На болотцах, что в низинках на той стороне Иордана находились, мох собирал да стаскивал к огороду — земля там песчаная, бедная. Мох перегнивший землю удобрит — глядишь, и урожай поболее будет.

Жившие в округе зверушки скоро привыкли к тихому и спокойному обитателю избушки. Вслед за белками и ежами к нему заходила иногда ушастая лосиха с забавным тонконогим лосенком. Беря мягкими, влажными губами из рук монаха кусок хлеба, она смотрела на него большими темно-бархатными глазами, безмолвно благодаря за угощение и доброту. Одно время повадился даже медведь. Привлек его, по всей видимости, запах меда с пасеки, на которой трудился Серафим. Увидев непрошенного мохнатого гостя, пустынный сказал:

— Ну вот и медведь на липовой ноге к нам пришел. Что, дружок, медку захотел? Пойдем, угощу. Ты только ульи мои не разорь.

Вынеся плошку с медом, монах поставил ее на пенек и отошел. Медведь с удовольствием отведал лакомство. Вылизав дочиста глиняную посудину, он вопросительно посмотрел на человека.

— Ну всё, иди теперь с Богом. Чтобы тебя насытить, и бочки мало будет. Приходи завтра, еще чуток дам.

Медведь, будто поняв, о чем ему говорит человек, убрался восвояси. Но заглядывать к пустыннику стал часто — понравилось угощение. Серафим общался с ним уже накоротке — медведь позволял ему даже гладить свою мохнатую гриву. Это иногда сильно пугало проходящих к монаху богомольцев, но Серафим успокаивал их и, отправив медведя в лесную чащу, шел к гостю.

Так и жил мирно Серафим вдали от людей, творя молитвы ради достижения Царствия Небесного. Много времени, как и в прошлые свои годы, уделял он чтению святых книг. Это были и жития святых, и сочинения Макария Египетского, Ефрема Сирина, Иоанна Лествичника. А Евангелие он всегда носил с собою, считая, что ум его, благодаря чтению Священного Писания, должен как бы растворяться в законе Господнем, и тогда жизнь сама будет ложиться по правилу Божественному.

Уединение приносило не только умиротворенность и радость. Человек все-таки растет и воспитывается в окружении себе подобных. Он с молоком матери впитывает потребность в общении с людьми. Покой и душевное равновесие достигается, когда человек ощущает себя частью человеческого сообщества. Он видит себя самого только отражением в чужих глазах, поступках, действиях, направленных на него. Его любят или ненавидят, ему радуются или проявляют пренебрежение. И в зависимости от этого он строит свое поведение. Человек оценивает свое место в обществе только сравнивая себя с теми, кто ниже или выше его. Будучи от природы честолюбивым, он выбирает себе идеал и стремится подражать ему, тем самым возвышаясь, прежде всего перед самим собой. А если рядом никого нет, что значат любовь и ненависть? Что значат мысли о вечном и мудрые изречения о вере и жизни, когда некому их сказать? Огонь, горящий в душе Серафима, нуждался в тех, кого можно было им согреть.

Долгими зимними вечерами, стоя у икон и шепча слова привычных молитв, он иногда начинал думать, что дни его жизни, похожие один на другой, складываясь в недели и месяцы, утекают, как вода, не принося уверенности в правильности избранной стези.

Поймав себя на такой мысли, он понимал, что с ним вступает в борьбу князь тьмы, пытающийся сломать его волю и заставить изменить избранному пути. Еще чаще он начинал бить поклоны и громче произносить молитвы. Но лукавый не сдавался и вновь хитрыми уловками проникал в сердце молитвенника горечью разочарований и сожалений. Картины мирской жизни из юных лет вдруг становились сладкими и желанными. В памяти рождались запахи и звуки из весеннего Курска, когда кипящие белой пеной сады звенели соловьиным пением. Всплывало в памяти доброе, но всегда строгое лицо матери, вспоминались ее мягкие, теплые ладони. Вспоминалась бабушка Федосья, рассказывающая сказку и кормящая его вкусными колобками. Роились картины встреч с друзьями юности, с которыми он делил все тяготы и радости пешего пути в Киевскую Лавру. Вспоминалась красивая, но капризная дочка купца Первышева Фотинья, которую отец насильно отдал за рыжего Митрофана. Как она заразительно смеялась, когда юный Прохор рассказывал ей забавные сюжеты из жизни покупателей лавки! Прохор был сам нраву веселого и потому умел изображать толстых купчих и юрких жуликоватых приказчиков ярко и живо, что, конечно же, вызывало бурное веселье юной мадмуазель ФотИ. А с каким вдохновением она читала сонеты

Шекспира! И запах ее духов, казалось, до сих пор доносится до лесной кельи сквозь годы и расстояния...

Все эти воспоминания рождали в душе сожаление об утраченном и множили сомнения в правильности избрания аскетической, полной лишений стези. Воздержание в желаниях, усмирение внутренних страстей, долгие молитвы, тесная пещерка, лесные звери и злой холодный ветер, шумящий в верхушках вековых сосен — вот его удел на многие годы. А дальше что? Для чего все это?

Иногда на пустынноика находили помыслы уныния, сердце сжималось от невыносимой тоски, и даже молитва не помогала от скорби и печали. Во время молитвы страдания порой даже усиливались: тело словно охватывало огнем, и в душу заползал утробный, необъяснимый страх. Ни книги, ни рукоделия не приносили облегчения — все валилось из рук. Временами накатывало расслабление, унылость, сонливость и лень, появлялись мысли о бессмысленности его пустынноического обета. Серафим вспоминал монастырь, братию, совместные моления во время исполнения правил, и жизнь в обители представлялась прекрасной и желанной, а его пустынная келья превращалась в мрачную и смрадную темницу и делалась ненавистной.

Серафим с трудом боролся с этими видениями и сомнениями. Он выходил в морозную ночь на крыльцо, запрокидывал голову к небесам и, глядя на великое множество звезд, шептал слова слезной просьбы к Господу о даровании сил для борьбы с искушением. Мороз, пробирающий до костей, и горячая молитва приводили монаха в чувство, и он снова утверждался в правильности своего выбора. Но только он возвращался в келью, как снова нечистые силы, ползущие из сеней и окон, из щелей и темных углов, набрасывались на него, терзая, как казалось, не только душу, но и плоть. Живя в монастыре, Серафим легко справлялся с такими видениями и искушениями. Величие храмов, в которых проходили торжественные богослужения, поддержка старших наставников и мудрых товарищей по братству, конечно, помогали в этой борьбе. Но здесь, в тишине и одиночестве, слух творил с ним странные явления — монаху слышался то злорадный хохот за стенами кельи, то рев и вой невиданных зверей, то бесовской противный шепот за спиной, наговаривающий мерзости.

Подобные борения, очевидно, испытывали и другие пустынноики. Отец Мефодий в одну из встреч спросил об этом Серафима:

— Являются ли тебе служители тьмы, чтобы сломить твой дух?

— Являются.

— И какие они?

— Мерзкие и ужасные.

— Тяжко тебе?

— Тяжко. Там, в монастыре я боролся с противными силами легко, как с голубями, а здесь в пустыне — как со львами и леопардами.

— Как же тебе удается справляться с ними?

— Стяжание Духа Святого помогает мне в битве с мерзостью этой.

— Ты ощущаешь присутствие Святого Духа?

— Да. Но отец Пахомий не велел мне этого говорить, чтобы не смущать братию. Тебе я доверяю и потому открываю тайну мою.

— Могу ли я сам добиться стяжания Духа?

— Моли Господа, и Он одарит тебя силой великой.

Кроме близких по духу пустынников, наведывались к Серафиму и богомольцы — кто из любопытства, кто для благословения. Но не для того Серафим удалялся в пустынь, чтобы жить в суете людской. Посетители, конечно же, отвлекали Серафима и от трудов по обустройству бытия, и от молитв. Но роптать было не в его правилах. Смирение — вот что вырабатывал он годами в своей душе. Поэтому, принимая страждущих, он глубину веры своей в Господа пытался передать людям, и те уходили от него просветленными. Пламя его души, зажженное Творцом, согрело всех, кто желал найти утишение своим болям и хворям, сомнениям и страданиям.

Приходили иногда и сестры Дивеевской обители. Серафим не забыл наказа отца Пахомия о попечении над монахинями, но не пришло еще его время опекать их. Не готов он был к общению с ними. Страсти естества не позволяли ему отдаваться только духовной беседе. Дьявол, стерегущий в ожидании минутной слабости, набрасывался с удесятеренной силой, терзая душу и разжигая дурные помыслы. Иеромонах призывал тогда на помощь святых духовных отцов. И те помогали ему своими советами из глубокой древности.

— Когда воспоминание о женщине станет бесстрастно, тогда закрой, что вступил ты в пределы целомудрия. Когда же представляемый тобою образ ее за душу берет, тогда знай, что ты еще чужд этой добродетели. Но в первом случае не останавливайся на таковых помыслах, и долго не беседуй мысленно с женским образом, потому что страсть сия любит возвращаться назад — опасность от нее близка, — говорил Преподобный Нил Синайский.

Ему вторил святой Иоанн Лествичник:

— Кто желает представить Господу тело целомудренным и сердце чистым, тот должен сохранять безгневие и воздержание, потому что без этих двух добродетелей весь труд наш будет бесполезен.

— Бесы сласти греховной часто приступают, как огонь и как углие огненное! — предостерегал святой Григорий Синаит.

Чтобы помочь себе в борьбе с искушением, монах даже просил настоятеля не пускать к нему женщин. Но сделать это было практически невозможно. И Серафим, чтобы огородить себя от паломников и паломниц, валил на пути к своей келье деревья. Завалы на еле заметной тропке, ведущей к пустыннику, останавливали любопытствующих, а обойти их было трудно — лес вокруг стоял такой, что, как говорят в народе, руку не просунешь.

По наступлению зимы ручеек паломников совсем иссякал. Лишь душевные беседы с двумя жившими неподалеку пустынниками скрашивали его долгое и трудное одиночество. Их советы тоже помогали ему в отречении от мирских страстей и забот.

В 1796 году Серафиму предложили место настоятеля в Алатырском Троицком монастыре. К отшельнику на Дальнюю пустынку пришел сам настоятель отец Исая.

— Здравствуй, Серафимушка.

— Доброго здоровья, отче.

— Давно я у тебя не был в гостях.

— Поди, дела строительские не дают возможности в праздности время коротать.

— Правда твоя. Новую колокольню вот уже восемь лет строим. А конца строительству не видно. Еще года три провозимся.

— Бог в помощь, отче.

— Бог спасет.

— Ты с предложением ко мне, отче, пришел?

— Намекал мне покойный Пахомий, что для тебя помыслы других людей не являются загадкой. Ежели так, догадайся сам.

— Благодарность, батюшка, передай епископу Тамбовскому за доброе отношение ко мне, но не смогу я стать настоятелем монастыря Алатырского. Дозволь остаться в пустынножительстве.

— И впрямь прозорливость твоя удивительна. Неужели все, о чем люди мыслят, ты узнать можешь?

— Если Господь позволяет, понимаю я людей еще до того, как

они слово произносят.

— И еще отец Пахомий говорил, что события грядущие твоему разуму подвластны. Так ли это?

— Так, батюшка.

— Кто после моей кончины будет настоятелем обители?

— Нифонт.

— Ох, властолюбив он. Боюсь, роптать начнут монахи, да и послушники разбегутся.

— Не волнуйся, батюшка, с обителью в ближайшее время ничего не случится.

— В ближайшее? А если дальше заглянуть?

— Страхусь я, отче.

— Отчего же?

— Чую я, что за стеной, в которой мне иногда дверь открывается, таится ужасное.

— Ты уже заглядывал туда?

— Только самую малость.

— И что там?

— Глад и мор, пожары и поругание святынь. Молю теперь Господа, чтобы не испытывал меня, слабого и грешного, страданиями неземными, что открываются мне по Его воле.

— Что ж, крепись. Божие избрание не только радость несет.

Видения, о которых говорил Серафим, действительно мучили его. Пребывая в молитве и ощущая рядом с собой присутствие Святого Духа, он иногда заглядывал в будущие времена, и живые картины из жизни потомков сражали его своей жестокостью и неразумностью. Но усилием воли Серафим старался бороться с видениями, с трудом возвращаясь к себе в келью или в знакомые места саровского леса. Чтобы подчинить воле свой разум, ввергавший его в страшные картины, Серафим постоянно читал молитвы, не давая возможности проникнуть ни одной посторонней мысли.

Но небесное знание все равно приходило к нему.

Как-то на исходе зимы, стоя в келье с молитвой на устах перед иконой «Всех радостей радость», он вдруг увидел свою матушку, лежащую на смертном одре. Шел 1800 год. Агафья Фотиевна лежала на кровати бледная и молчаливая. Возле нее стояли Алексей и Прасковья. Вдруг матушка как бы встрепенулась, и взгляд ее устремился в угол избы, она подняла руку и указала в темноту.

— Что там, маменька? — спросила Прасковья.

— Проша... Прошенька там.

— Там нет никого, мама. Прохор — в монастыре.

Но мать уже ничего не слышала. Взор ее, устремленный в ту сторону, где ей явилось в последний земной миг любимое чадо, застыл. Душа ее отлетела к Господу.

Прохор в эту ночь не ложился вовсе, он стоял на коленях в молитвенном бдении, время от времени целуя большой медный крест, подаренный Агафьей Фотиевной. Печаль овладела его сердцем. В своих обращениях к Творцу он просил для любимого человека Царствия Небесного.

Воспользовавшись душевными переживаниями монаха, вновь накинул со своими искушениями лукавый. На этот раз он обрушил на Серафима внутреннюю брань. А поводом послужил отказ иеромонаха от должности настоятеля Алатырского монастыря.

Разве имело ты право отказываться от такой чести? Не гордыня ли это? Не высоко ли ты возомнил о себе? Тебя, грешного и ничтожного, приняли с почтением и вниманием в Саровской обители, наставники духовные тратили на тебя время и силы, а ты уединился в лесах и заботишься лишь о собственном спасении? А вдруг твое предназначение в том, чтобы помогать заблудшим и слабым в другом монастыре, оставшемся без пастыря? А что если там вместо тебя станет настоятелем недостойный, и это принесет много страданий послушникам и братии? И из-за этого, без поддержки, которую ты бы мог оказать, сломается чья-то судьба, и человек будет потерян для Бога?

Такие горькие и тревожные думы терзали Серафима, и он едва находил силы, чтобы противостоять этой внутренней брани. И только благодаря изнурительному посту, когда он переставал принимать даже ту скудную пищу, которой довольствовался, и долгими молитвами с обращениями к Господу Иисусу Христу и Пречистой Матери Его сумел он обрести душевное равновесие.

От монастырских дел Серафим отошел совсем. Он осознал, что спасение его собственной души возможно только в уединении. Монастырская жизнь была насыщена суетным бытом, интригами монахов и послушников, стремящихся завоевать себе благоволение начальства. Все это угнетало боголюбивую душу пустытника. Но иногда обстоятельства заставляли его возвращаться. Так 13 марта 1803 года в монастыре случился пожар. Ранним утром Прохор услышал тревожный бой колокола.

Поспешив в обитель, он увидел, как пламя пожирает деревянные кельи. С ним вместе пришли в обитель и другие два пустытника — Мефодий и Дорофей. Пожар мог наделать больших бед, потому что деревянных построек было достаточно, да и в каменных постройках деревянные стропила могли полыхнуть, так как жар от огня был великий. Но расторопные монахи вместе с трудниками и послушниками сумели остановить распространение огня, а потом и совсем потушить его.

После пожара Серафим подошел к настоятелю.

— Отец Исая, прости меня.

— За что, Серафим?

— Наверное, я мог бы увидеть это страшное событие загодя и предупредить тебя.

— Не терзай себя, ты ни в чем не виноват. На все воля Божья. Ведь я видел, как вы с отцом Мефодием молились за братию во время пожара. А молитва твоя до Господа доходит быстрее, чем наша, потому мы и сумели отстоять архирейские кельи. А на месте деревянных построек мы скоро возведем новые, уже каменные. У нас бригады строителей работают из Арзамаса и Мурома. Там мастера спорые. Скоро и следа от беды этой неожиданной не останется. Так что иди к себе спокойно в твой любимый Иерусалим и молись за нас.

— Я слышал, отец Исая, что хочешь ты увеличить количество братии в обители?

— Да, получено такое разрешение. К тридцати монахам еще двадцать можно будет в штат записать. Есть хорошие послушники, кои желают испытать себя в рясофоре.

— Ну, дай-то Бог. Другой братии в послушании облегчение будет.

— Да облегчение-то не всегда на пользу идет. Сам-то ведь легких путей к Богу не ищешь.

— Как воск, не разогретый и не размягченный, не может принять налагаемой на него печати, так и душа, не искушенная трудами и немощами, не может принять на себя печати добродетели Божией.

— Благостно мне с тобой, Серафим.

— Дозволь с просьбой к тебе обратиться нижайшей, отче.

— Если в силах моих, исполню.

— Ко мне обращался за советом инок Евгений, уж очень ему хочется в Киево-Печерскую Лавру сходить. Ты его, говорят, не пускаешь. Я ему посоветовал смириться и подождать годок. Ты уж его на будущий

год отпусти, пусть ходит в Лавру — там благолепно и для спасения души своей много можно почерпнуть.

— Хорошо, как скажешь, не буду я ему препятствовать, пусть идет. Вот только управимся немного со строительными делами после пожара.

— Бог в помощь, батюшка.

— Бог спасет.

Через год в лесную келью Серафима заглянул еще один пустынножитель — отец Назарий. Его Серафим знал еще в послушании. Иеромонах Назарий находил время для разговоров с молодым курянином, который своим пытливым умом и беззаветной преданностью вере заинтересовал его. Немало хороших и добрых советов в первые годы жизни в монастыре получил от Назария послушник Прохор Мошнин. Но вскоре Назарий отправился паломником в Соловецкую обитель и, увидев там разорение и запустение, подал доношение в Святейший Синод, в котором изложил свой план по возрождению монастыря. Назария в январе 1782 года вызвали в Санкт-Петербург. Там он получил назначение в настоятели северной обители. Но это были не Соловки, а Спасо-Преображенский Валаамский монастырь.

И только в 1804 году отец Назарий вернулся в Саровскую обитель и почти сразу же отправился на пустынножительство в келью неподалеку от Серафима. Рассказы о суровом, диком и заброшенном крае, где в полном уединении от мирских сует служила Господу горстка монахов, сильно заинтересовали Серафима. Он, глядя в темные глаза Назария, видел воочию могучие монастырские стены и остроконечные башни, выложенные из гранитных валунов, деревянную Голгофскую часовню в лесной глуши Валаамского острова, каменные скиты на островах, усыпанных огромными валунами. Радость светилась во взоре Серафима — есть еще на Руси мужественные и самоотверженные люди, способные совершать духовные подвиги во имя православия.

Несмотря на преклонные годы, отец Назарий через несколько месяцев после возвращения в Саровскую пустынь опять отправился в паломничество, на этот раз в Екатеринославскую епархию. По пути он совершал немало духовных подвигов, о которых потом долго говорили в народе. И не случайно после его паломничества на имя настоятеля Саровской пустыни пришло прошение из Екатеринославля о направлении Назария в их епархию в чине архимандрита.

Только Назарий, как и Серафим, выбрал уединение в саровских

лесах. Жил он в келье на полпути от монастыря к Дальней пустынке. Два пустытника искренне радовались минутам общения, которые иногда выпадали им по воле Божией.

Чем сильнее крепчал духом Серафим, тем яростнее нападал лукавый. Он вновь послал пустыннику тяжкое испытание.

12 сентября 1804 года с иеромонахом произошло событие, которое сильно подорвало его здоровье.

Пустынный заканчивал убирать овощи в огороде. Картошка уже выкопана и рассыпана в сених для просушки. Подошла очередь репы. Она уродилась в этом году не сильно крупная, да и откуда было взяться хорошему урожаю — земли песчаные: на них только сосны хорошо растут. Перегнивший мох, который Серафим натаскивал с болота, не давал большого питания корнеплодам. Но и тому, что уродилось на грядках огородика, радовался неприхотливый монах. Он не баловал себя пищей — ел столько, чтобы хватало сил для служения Господу. Зимой несколько сваренных картофелин да отвар травы сныти в течение дня вполне поддерживал его силы. Поэтому с любовью, не торопясь, Серафим выдергивал каждую репку, обрывал листья, обтирал ее и складывал в плетеную корзину. По привычке он возносил неустанную молитву к Всевышнему и Царице Небесной. И вдруг он почувствовал, что рядом кто-то есть. Обернувшись, он увидел трех крестьян, стоявших у изгороди.

Они были похожи, словно слепленные одним пекарем из одного и того же теста. Один из них постарше — видать, отец. У сыновей и бороденки пожиже и взгляд не такой хмурый. А глава семьи глядел исподлобья сурово, с тоской и безнадежностью, с какой смотрит скотина, почуявшая, что ее привели на убой.

— Батюшка, не благословишь ли нас? — хрипло произнес старший.

Серафим заглянул ему в душу и поежился. Там было темно и смрадно.

— А сначала в грехах не хочешь покаяться? — спросил пустынный.

— Да не в чем мне каяться.

— Так что же привело тебя и сыновей твоих ко мне?

— Житье тяжелое...

— Расскажи, а я послушаю.

— Все у меня в доме наперекосяк идет. За что ни возьмусь — все рушится. Детей полная изба, а есть нечего. Помещику много денег

задолжал, подать давно не плачу.

— А что же ты не платишь-то?

— Так нечем. Завел пчельник — медведи одолели и все погубили.

Стал липу драть да мочало в реке вымачивать — украли все подчистую. За смолу, что стал заготовливать, арестовали и батогами угостили. На поле недород, скотина падает. Поросята и те не живут. А на днях последняя коровенка сдохла. Совсем кормиться нечем. Что делать мне, батюшка? За что мне напасти такие?

— Неправедно ты живешь, хозяин.

— Что же неправедного я делаю?

— Бога не чтишь, живешь, как зверь, никого не любишь, ни о ком не печешься. Все себе тянешь. Вот и не получается у тебя ничего.

— Эх, монах. Я думал, ты помочь сможешь. Такой путь к тебе проделал. А ты мне — живу неправедно. А ты, значит, праведно живешь? Ты вот здесь в лесу сидишь, ничего не делаешь, а тебе со всей округи кто маслица, кто медку принесет, кто хлебушка. А то и денежку, наверно, приносят. Поделись деньгами, монах.

— Сребролюбие — грех смертный.

— Грех, говоришь? Неправедно живу, баешь? Ну так что ж! Одним грехом больше, одним меньше — не все ли равно?

Схватив лежавшее под ногами полено, крестьянин замахнулся и шагнул к монаху.

— Ну, говори, где деньги прячешь, долгогривый?

Серафим распрямился во весь немалый свой рост, расправил широкие плечи и ответил:

— Зря вы думаете про богатства. Нет их у меня.

— К тебе ходят мирские люди и деньги носят.

— Я не беру их. Зачем они мне?

— Значит, добром не хочешь? Что ж, хуже будет, святой отец.

Серафим обладал недюжинной силой, да к тому же рядом был топор, воткнутый в березовый обрубок. Выдернув из дерева страшное оружие, монах перехватил его поудобнее, готовый защищаться. Разбойники в ужасе попятились.

Но неожиданно Серафим расслабил напрягшееся тело и кинул под ноги крестьянину топор.

— Что вам надобно, творите, — смиренно произнес он и опустил глаза.

Горечью наполнилось его сердце за погибающие души, обреченные

из-за мелочной корысти гореть в вечном огне геенны.

Увидев смирение монаха, крестьянин отбросил в сторону полено, в мгновение ока подхватил топор, напал на Серафима и нанес страшный удар обухом по голове. Монах рухнул на землю. Удар был настолько силен, что из ушей и рта Серафима потекла кровь. Он потерял сознание.

— Отец, ты чего? — испуганно спросил один из сыновей. — Зачем это? Ты же убил его!

— И что теперь? Будем плакать и молиться? Давай веревку — связать его надо. Живой он еще. Очухается, может поквитаться с нами — вон он здоровущий какой!

— Да где же я веревку-то найду?

— Поищи в сенах кельи. Там, поди, есть. Или пояса свои давайте.

Распоясавшись, сыновья помогли связать руки и ноги бесчувственному монаху.

— Так, а теперь пошли в дом, у него наверняка деньги там припрятаны.

Сыновья послушно отправились за отцом.

Но в келье их ждало разочарование. Их взорам предстали только голые стены, пустые лавки, несколько икон и стопка книг. В сенах лежала рассыпанная для просушки картошка. Открыв подпол, крестьяне обшарили все и там. Попытались даже копать, надеясь найти спрятанные богатства. Пусто. Разъяренные, они снова подступили к Серафиму, который уже пришел в себя.

— Где деньги, что ты получаешь от богомольцев? — спросил старший, пнув монаха в ребра.

Превозмогая боль, Серафим ответил:

— Я ни от кого и ничего не беру.

— Врешь, косматый. Все в монастырь с деньгами ходят, а возвращаются пустые. Значит, есть у тебя и серебро и золото. Куда припрятал, долгополый?

Крестьяне набросились на монаха и стали избивать его, пытаются дознаться о спрятанных деньгах. Но Серафим молчал, и это еще больше ярило разбойников. Били ногами в лицо, колотили палкой по ребрам, злорадствуя и понося, как им казалось, не в меру жадного монаха.

Серафим снова потерял сознание.

— Отец, никак убили все-таки!

— Ну и бес с ним! Туда ему и дорога. Пусть за жадность свою

с чертями разбирается. Вот они поджарят его на сковородке, он им сразу и расскажет, где богатства спрятал. Жаль, только мы не узнаем.

— А что же дальше-то делать?

— Может, он деньги где-нибудь поблизости схоронил? Бери лопату, пошли дальше искать.

Несколько часов разыскивали несуществующие сокровища разбойники, перевернув все и перекопав земляной пол в сарае, развалив поленицу дров, разрушив песчаную пещерку в откосе. Не найдя ничего, крестьяне ушли, злые и разочарованные.

Только к ночи очнулся Серафим и, с трудом освободившись от пут, дополз до кельи. В сенях он снова впал в беспамятство.

Утром другого дня послушник Варлаам, пришедший навестить пустытника, увидел своего наставника с трудом бредущего с посохом по тропинке вдоль Саровки. Послушник заплакал — настолько вид искалеченного Серафима был ужасен. Подставив пустытнику свое плечо, Варлаам повел его в обитель. Временами Серафим терял сознание, и тогда послушник тащил его на себе. Только к полудню они добрались до монастыря.

Строитель Исаяя, узнав о страшном злодеянии, немедленно поспешил в больничную келью. Увидев возлежащего Серафима, настоятель ужаснулся: голова у монаха была разбита, зубы выбиты, лицо изуродовано побоями. Жизнь едва теплилась в искалеченном теле. Исаяя распорядился об оказании помощи страдающему брату. Варлаам обмыл раны своего наставника водой и спиртом, пытаясь хоть как-то облегчить его участь. К больничной келии собралось немало монахов и послушников, услышавших о беде, приключившейся с пустытником. Но у дверей был поставлен монах, который никого не допускал в келью, чтобы не навредить больному.

Первые семь суток Серафим был в тяжелом состоянии. Он не принимал пищи, не вставал, сильные боли не позволяли даже уснуть и забыть. На седьмой день настоятель, видя, что состояние Серафима ухудшается, послал в Арзамас за врачами. Приехав, те осмотрели монаха и удивились, что он до сих пор жив: у него были сломаны ребра, на теле виднелись глубокие раны и обильные кровоподтеки, голова в нескольких местах пробита. Посоветовавшись, лекари посчитали необходимым пустить кровь больному. Такая мера была популярна среди врачей при лечении многих болезней. Отец Исаяя резко возразил докторам:

— Да что вы, любезные?! Отец Серафим и так много крови потерял!

А вы еще хотите ее выпустить. Неужели у вас другого лечения нет?

Врачи стали снова совещаться, для солидности то и дело употребляя латинские термины. В разговорах стали сходиться на том, что надо промыть раны спиртом и наложить пластыри. Раздосадованный беспомощностью лекарей настоятель вышел, чтобы принести спирта. Тогда приезжие доктора обратились к Серафиму, предлагая ему свои варианты лечения. Но иеромонах, хотя пребывал в сознании, сказать что-либо им не мог.

Открылась дверь, и послушник Варлаам, не покидавший все эти дни кельи пустытника, вполголоса сообщил:

— Настоятель идет.

В эту минуту Серафим уснул. Сон его был краткий, тонкий и приятный. Во сне ему явилась Пресвятая Богородица в царской порфире и в золотом сиянии. За ней следовали апостолы Петр и Иоанн Богослов. Остановившись у ложа, Божия Мать некоторое время молча и с состраданием смотрела на безжизненное тело Серафима. Потом обратившись к врачам, она произнесла:

— Что вы трудитесь? Он от рода нашего!

Затем она прикоснулась пальцами к разбитой голове Серафима, как бы вливая в него божественные силы, способные совершить чудо.

И видение исчезло. Присутствующие и не подозревали о нем, но все равно почувствовали, что с больным что-то произошло. Он вдруг широко открыл глаза и улыбнулся. Лицо его осветилось внутренней радостью, смертельная бледность исчезла, щеки порозовели.

Вошедший в келью отец Исая, увидев, как преобразился облик больного, воскликнул:

— Серафимушка, тебе лучше?! Потерпи, милый. Сейчас врачи тебе помогут излечиться от увечий. Все будет хорошо. Только потерпи.

— Не надо, батюшка, — слабым, но твердым голосом ответил монах.

— Да как же это? Тебя так изувечили, что непонятно, как душа в теле держится. А врачи — люди опытные, они знают, что в таких случаях делать надо.

— Мне человек не поможет. Я вручил себя Божией Матери — истинному врачу душ и телес.

И столько убежденности было в этом ответе, таким сиянием было преисполнено лицо иеромонаха, что Исая поверил в скорое излечение Серафима и не возобновлял больше разговора о врачах.

Силы чудесным образом стали возвращаться в изуродованное тело пустычника. Одежды, присохшие к ранам, отстали, слипшиеся на голове и бороде волосы очистились. На другой день к вечеру он уже смог встать с постели и помолиться у образа Небесной Владычицы. Через несколько дней монах стал самостоятельно принимать пищу. Но еще более пяти месяцев пришлось провести Серафиму в обители, прежде чем он ощутил в себе силы, необходимые для продолжения пустынножительства.

По описанию, данному Серафимом отцу настоятелю, разбойников быстро нашли. Ими оказались отец и сыновья Красулины, крестьяне села Кременки, которое располагалось в нескольких верстах от монастыря. Их ждало суровое наказание, но Серафим вступился за них:

— Они не ведали, что творили. Эти заблудшие души стали орудием в руках князя тьмы. Он искушает меня, хочет, чтобы я оставил стезю свою. Приведите их ко мне — я надеюсь спасти их для Господа нашего.

Стеная и обливаясь слезами, Красулины вымаливали прощение у изувеченного ими иеромонаха. Серафим остановил их стенания и беседовал с ними долго, пытаясь найти и находя в их сердцах крупницы веры. Живым, ярким словом он разжигал в их душах боголюбие и раскаяние. Сила убеждения, которая веяла от монаха, была настолько велика, что крестьяне воистину осознали глубину своего падения и укрепились в мысли о необходимости праведной жизни.

После перенесенных увечий Серафим сделался согбенным. Ходить теперь ему приходилось только с посохом. Поседела его густая шевелюра. Седые пряди засеребрились и в окладистой бороде.

По весне он запросился у отца настоятеля отпустить его снова в леса.

— Серафимушка, ты еще слаб, потерпи хотя бы до лета. А то и совсем оставайся в обители. Здесь вместе с остальной братией жить намного легче. Да и кто знает — вдруг еще разбойники какие объявятся. Ведь и вовсе жизни могут лишить.

— Не страшусь я, батюшка, разбойников. Готов я терпеть любые лишения и происки врага нашего — дьявола. Ведь это именно он наслал на меня новое испытание. Об этих испытаниях предупреждал еще в Китаевской пустыни старец Досифей, когда благословлял меня на уход в Саровскую обитель. С помощью Царицы Небесной я выдержал бесовское нападение и потому должен продолжить дело свое молитвенное.

— Ну что ж, благослови тебя Бог.

Глава 10

Столпник

Возвращаясь к себе в лесную келью, Серафим пошел не вдоль Саровки, где под снегом уже скапливались талые воды, а напрямки — через лес. Места ему здесь были знакомые — в период своего послушания полесовщиком он исходил здешний лес вдоль и поперек. Казалось, что знал он там каждый бугорок и каждое дерево. Но неожиданно, отойдя от Ближней пустынки не более версты, он наткнулся в чаще леса на большой камень с плоской вершиной. Снега на нем не было совсем, словно, кто-то смел его веником. Гранитные бока светились пятнами солнца.

— Батюшки, откуда ты тут взялся, родимый? — удивился Серафим.

Взойдя на валун, Серафим преклонил колени и сотворил молитву. И Всевышний озарил его сознание ярким небесным сиянием. Благодать снизошла на монаха, и он забыл о времени.

Очнувшись, Серафим увидел, что в лесу стало сумеречно. Он целый день простоял на камне коленопреклоненным и не заметил этого! Несказанно удивившись этому, монах встал с гранитной плиты, будто с мягкой войлочной подстилки и зашагал в сторону своей кельи. Появление камня, которого он ранее здесь никогда не видел, и забытье, в какое он впал на весь день, не ощущая ни холода, ни боли в ногах — все это было чудом, не поддающимся обычному объяснению. И вспомнился ему Симеон Столпник, сорок семь лет простоявший в молитве на каменном столпе.

— Не знак ли ты мне посылаешь, Царица Небесная? — прошептал Серафим.

Освоившись в келье, Серафим через несколько дней снова отправился к странному валуну. Установив в коре сосны образок Божией Матери, Серафим взошел на гранит. Как и в первый день, камень принял его, и усердная молитва, произносимая монахом, легко долетела до небес, о чем он узнал через картины, которыми сподобил его Господь.

Две огромные армии сшиблись на широком русском поле. Сошлись две конные лавины, круша и топча все на своем пути. Взыбленные, с дикими глазами кони, фонтаны и струи крови, отрубленные головы, проткнутые штыками груди, разорванные ядрами человеческие останки, хриплый, почти звериный рев и предсмертные крики и стоны, пороховой дым и содрогание земли от множества пушечных выстрелов, ружейные

залпы и падающие, падающие, падающие на землю тысячи тел. Рожденные для любви и радости, богослужения и смирения люди ожесточенно убивали друг друга, словно сражались с дикими зверями. С трудом вынырнув из этой страшной картины, Серафим скорбным взором посмотрел на образ Царицы Небесной.

— Что же это, Пречистая Мать, творится на свете? За что люди так ненавидят друг друга? Что толкает их из мирных полей в чужие края для убийства ни в чем не повинных людей, которые сотворены на земле по велению Божьему? Для чего мне это знание, Царица Небесная?

И снова было видение. Он увидел город, и это была Москва. Тысячи повозок стояли у домов, и жители выносили скраб, ценные вещи, сундуки с драгоценностями и грузили все это на телеги и в кареты. Длинные обозы тянулись из города в сторону восходящего солнца. Сдержанные рыдания и причитания слышались в воздухе, как бы пропитанном болью, тревогой и унынием.

А с запада уже подошли к Москве невиданные полчища солдат в чужих синих мундирах. Их полководцы гарцевали на белых скакунах, посмеиваясь и глядя на золотые купола города, из которого вот-вот должны были принести с поклоном свое смирение и дары покоренные жители.

Но делегации не было, и войска двинулись вперед. И запыхали деревянные дома и церкви, занялись пожарами целые улицы и торговые ряды. Черная туча, словно огромная сказочная птица, накрыла древний и красивейший русский город. Оранжевые языки пламени зловеще летали над храмами и домами. Пьяные от вседозволенности и азарта солдаты тащили из уцелевших домов одежду и ковры, посуду и картины, избивая, а то и убивая на месте людей, цеплявшихся за добро. Дьявол, злорадно хохоча, витал над этим разором.

Серафим воздел руки к небу и простонал:

— Господи, помилуй грешное человечество! Не ведает оно, что творит! Если это поможет им исправиться, прими мою молитву! Помогите им спастись, Господи!

Молиться на камне Серафим стал по ночам — чтобы его не могли отвлечь от молитвенных трудов богомольцы, забредавшие в эти края. Если раньше у Бога монах просил своего спасения, то теперь он стал молиться за всё грешное человечество. И особая молитва у него была за любимую и многострадальную Россию, которой судьба определила великую меру страданий и испытаний.

Чудесная небесная сила помогала Серафиму не чувствовать

ни усталости, ни потребности во сне, ни голода, ни холода, когда он стоял на гранитной плите. Возвращаясь под утро в келью, он совершал утреннюю молитву, принимал пищу и снова становился на колени перед иконой. Чтобы уравнивать испытание, он и в келью принес небольшую каменную плиту, и стоя на ней, возносил в течение дня молитвы во спасение всех заблудших.

Видения, что являлись ему по воле Господа на гранитном валуне, становились все ярче и разнообразнее.

Он видел, как по дорогам стали ездить безлошадные кареты, по железным полосам, положенным на высокие насыпи, покатались дома на колесах, в воздух поднялись железные птицы. Улицы городов засияли холодными огнями, украсились невиданными зданиями, уходящими крышами в облака. Осенняя и весенняя распутицы перестали быть непроходимой бедой, дороги между городами и селами стали твердыми и гладкими. Серафим поражался уму и энергии человека, способного в короткое время преобразить окружающий мир.

Но тяжело было кроткому и человеколюбивому монаху воспринимать картины, которые повествовали о страшных войнах и восстаниях, сотрясавших Россию.

Особенно невыносимой для него была ночь, когда перед его внутренним взором распахнул во всем ужасе свои просторы двадцатый век. Люди, выросшие в православных семьях, ходившие в церкви, носившие с малолетства на груди нательные крестики, вдруг словно сошли с ума. Война, охватившая полмира, представляла собой кровавую бойню, в которой людей, сотворенных по образу Божию, смешивали с грязью, разрывали на куски ужасными по своей взрывной силе бомбами, давили железными чудовищами, топили в морях внутри огромных кораблей. Города, копившие красоту и силу веками, за несколько дней превращались в руины, пылали деревни и села, гибли ни в чем не повинные женщины, старики, дети. Плач и стенания возносились к небесам. Но небеса отвернулись от озверевших людей, забывших Божии заповеди.

А потом на Россию обрушились новые бедствия. Антихрист пришел на многострадальную землю. Величественные храмы в мгновение ока превращались в груды камней, с церковей сбивали кресты, с колоколен сбрасывали колокола. И все это под радостный визг и крики одобрения толпы, которая, казалось, давно и с большим нетерпением ждала поругания святынь. Люди любовались руинами храмов, а то и плясали на них, словно отмечая долгожданный праздник.

Священнослужителей распинали на деревянных стенах церквей и сжигали вместе с ними, расстреливали из ружей, усылали в холодные края на каторгу, где их истязали, изнуряли и унижали.

В мрачном подвале люди в кожаных одеждах без жалости и страха перед Высшим судом расстреляли последнего императора России вместе с женой, дочерьми, малолетним сыном и прислугой.

Русские убивали русских, брат убивал брата, отец убивал сына, сын — отца. Людей жгли в печах, вешали на деревьях и столбах, топили в прорубях, травили ядовитым газом. Торжество дьявола достигло невиданных размахов.

За что великой и многострадальной России такие испытания, Господи? Откуда в русских людях такая нечеловеческая жестокость? Почему человек тянется к дьяволу? По каким причинам звериное нутро вдруг начинает преобладать над Божественной душой? Чем от него, слабого и убогого монаха, отличается человек, получающий удовольствие от страданий других людей. Чему смеются, видя, как истекает кровью ребенок? Почему радуются, чувствуя запах горящей плоти? Почему насилие пьянит душу?

Плакал Серафим, увидев будущее родной Саровской обители. Храм Успения Святой Богородицы вздрогнул от взрыва и рассыпался, словно был сделан из песка. Бронзовые колокола, когда-то певшие торжествующие гимны на многие версты округи, с глухим звоном упали к подножью колокольни. Кресты уцелевших храмов со стоном летели на землю. Разорение и запустение пришло в святые места. Монахов оправили в изгнание. Церкви превратились в склады.

Увидел Серафим и собственные останки, вынутые из дубового гроба бритыми мужиками в коротких одеяниях, в фуражках с красными звездами и в сапогах с высокими голенищами. Кости его кинули в мешок и оправили в телеге в дальний неведомый путь.

Дивеевскую обитель тоже постигло разорение. Сестер разогнали, храмы порушили.

Горечь поселилась в сердце Серафима, вытеснив из него монашеское бесстрашие. Творя молитвы, обращенные к Господу о спасении душ заблудших россиян, Серафим понимал, что все увиденное им состоится, и его молитвы не остановят вандалов. Но он продолжал молитвенный подвиг, ибо верил, что не вечно царствовать антихристу.

И однажды Господь открыл ему новые просторы будущих времен.

Серафим увидел возрождение России. Полуразрушенные остовы церквей по городам и весям покрылись строительными лесами, на маковках под утренним солнцем заблестали золотые кресты. На месте взорванных храмов стали расти обновленные стены. Сначала робкие ручейки, а потом и полноводные потоки людей потекли к церквям, в которых зазвучали густые напевные молитвенные голоса.

И возродились храмы из пепла. И образумились люди, возвращаясь в лоно церкви, и возрадовались силы небесные, видя такое перерождение.

Трудно стало монаху совмещать в своей душе мелочность людского бытия и обретенное знание грядущих времен, наполненных вселенскими катастрофами и массовыми страданиями. Поэтому Серафим стал избегать общения с богомольцами, послушниками и братией, отговариваясь необходимостью в обязательной молитве или делами по хозяйству.

Так продолжалось долгих три года.

В дождь и жару, в мороз и пургу Серафим каждую ночь стоял коленопреклоненным на холодном камне и возносил ко Всевышнему молитвы о спасении людей. А потом после краткого отдыха те же моления на малом камне в лесной келье перед образами Иисуса Христа и Матери Его. И главный помысел у одинокого, согбенного и слабого монаха был один — возврат заблудших душ в лоно великой веры.

Однажды Серафим открылся перед отцом Исайей, поведав ему о страшных испытаниях, которые ждали Россию и Саровскую обитель.

Исайя долго и скорбно молчал. Слезы текли по его худым щекам. Уходя, он прошептал:

— Молись Серафим, молись за нас грешных. Великий путь ты избрал.

Исайя к этому времени был уже серьезно болен. Для встречи с Серафимом его привез в лесную келью на тележке один из послушников. Было ясно, что вскоре Саровский монастырь возглавит новый строитель. И все шло к тому, что им должен стать Нифонт, исполнявший обязанности казначея и входивший в собор монастыря — руководящий орган, состоявший из шести старших иеромонахов. Но болезнь настоятеля затянулась, и Нифонт, подговорив монахов, решил ускорить события. В начале 1807 года в адрес Епископа Тамбовского отца Феофила ушло прошение об отмене ранее изданного указа о пожизненном закреплении за Исайей должности строителя и о досрочном назначении на эту должность иеромонаха Нифонта. Тридцать пять монахов подписало

это прошение. Ни Серафим, ни его товарищи по пустынножительству Мефодий и Дорофей прошение не подписали, хотя к ним и ходили посланники от Нифонта.

Прознав про неблаговидные козни против болеющего настоятеля Исаяи, Серафим перестал ходить в монастырь. Иеромонах Исаяя умер 4 декабря 1807 года. После смерти духовника и наставника Серафим замолчал.

Молчальничество являлось известным и почитаемым подвигом православных старцев. Серафим, обладая удивительной памятью, легко воспроизводил в уме слова святого Амвросия Медиоланского: «Молчанием многих видел я спасающихся, многоглаголанием же ни единого».

Зимнее безмолвие давалось ему довольно легко — не было людей, желавших нарушить его. Пищу Серафиму один раз в неделю приносил инок Евгений, которому он когда-то поспособствовал отправиться с паломничеством в Киево-Печерскую Лавру. Монах благоговейно относился к Серафиму и никогда не нарушал без разрешения покоя старца. Инок оставлял около преклоненного иеромонаха пищу, а потом тихо уходил. Весной изредка наведывались послушники и кто-либо из братии, возжелавшие духовной беседы. Но, когда посетитель входил в келью, Серафим, не отвечая на расспросы, становился на колени, складывал на груди крестообразно руки и склонял голову к полу. Гость, понимая, что старец не желает общения, уходил. Если случайно иеромонах встречал кого-либо в лесу, то падал ниц и не вставал до тех пор, пока встречный не проходил мимо.

Ноги у Серафима от долгого стояния на камне стали отекать и болеть, ходил он с трудом, опираясь на посох. Весной уже не мог даже работать на огороде. Еженощные бдения на гранитном валуне, который находился на большом удалении от кельи, он тоже оставил, отстояв колена преклоненным на камне в молитвах о спасении человечества тысячу дней и тысячу ночей.

Монахи, прознав об обете молчания, перестали беспокоить пустытника и стали удерживать от посещения лесной кельи и богомольцев.

Молчание Серафима не было внешним. Главное — это молчание внутреннее. Он силой воли очистил свой ум от всего бытового, не относящегося к Богу. В самые глухие подземелья памяти были загнаны воспоминания о прошлой жизни, задвинуты в темные чуланы мысли о делах обители, закрыты плотные занавеси на зрении, жадно воспринимавшем прелести окружающего мира. Чтобы не искушать душу видениями красот

природы, которая звенела птичьими трелями, сияла солнечными бликами на живых трепещущих листьях, вливалась теплыми запахами медовых трав, он выходил из кельи только по ночам.

Молчание его длилось три года.

Продлилось бы оно и дольше, но в обители поднялось роптание среди некоторых иеромонахов, недовольных тем, что пустыннику Серафиму позволено пропускать причащение Святых Таин. Настоятель монастыря Нифонт и сам не был сторонником пустынножительства монахов. Он требовал подчинения всей братии общему уставу. По его мнению, исключения разрушали общий порядок, действовали зловредно на поведение монахов и не способствовали смирению, которое являлось основой жития людей, посвятивших себя Богу. Поэтому недовольство иеромонахов поведением их собрата Нифонт принял за сигнал к действию. Он повелел иноку Евгению, который носил пищу пустыннику, передать его распоряжение о возврате Серафима в обитель.

Глава 11 В затворе

Серафим выслушал инока, но ничего не сказал ему, продолжая молчаливую молитву у иконы Богоматери «Умиление». Но на другой день Евгений снова передал приказ строителя о необходимости возвращения в монастырь. И снова ничего не ответил Серафим. Но в тот же день, 8 мая 1810 года, он пришел в обитель. Посетив храм Успения Пресвятой Богородицы, отстоял всенощную, после литургии приобщился Святых и Животворящих Таин и зашел в покои настоятеля.

Низко поклонившись Нифонту, иеромонах молвил:

— Благослови, батюшка на затвор.

Взглянув на покорно опущенную голову Серафима, Нифонт, помедлив, ответил:

— Благослови тебя Бог. Монах Павел будет приносить тебе пищу.

Серафим ушел в отведенную ему келью. Больше из кельи он не выходил и никого к себе не допускал. Святые Тайны для приобщения в воскресенье и в праздничные дни от ранней литургии по благословению настоятеля ему приносили прямо в келью.

Непрестанные молитвы чередовались одна за другой. Уединение в четырех стенах не тяготило его. Привычка к внутреннему молчанию изгнала из его сердца помыслы о мирских делах.

Раз в день он выходил в сени, забирал немного пищи, оставленной монахом, и снова исчезал за дверями. В келье у него не было постели, спал на полу, положив под голову мешок с песком. Вместо стула стоял березовый обрубок. Как и в период столпничества, Серафим стойко переносил лишения и в келейном затворе. Даже по наступлению зимы он не отапливал келью, не просил теплой одежды, питался рубленым толокном и капустой. Огонь теплился только в лампаде перед иконой Божией Матери, называемой им «Умиление» и «Всех радостей радость», той самой, что когда-то подарила ему матушка Агафья Фотиевна.

В затворе Серафим имел следующее келейное правило: начиная с субботнего вечера и весь воскресный день он пел всю воскресную службу по уставу церкви. Сверх дневных служб в понедельник прочитывал Евангелие от Матфея, во вторник — от Марка, в среду — от Луки, в четверг — от Иоанна, в пятницу отправлял службу Кресту Господню, в субботу — всем Святым. Помимо этого — по тысяче поклонов каждый день, читая вслух молитвы, которые в большом количестве знал наизусть.

Видения будущих времен продолжались.

Увидев воочию в одну из молитвенных ночей смерть свою и погребение, Серафим заказал в столярной мастерской гроб. Две половинки дубового ствола, выдолбленные наподобие колоды, он поставил в сених. Часто, сидя у своего гроба, он размышлял о странностях и особенностях земного существования и небесной жизни. Глядя внутрь будущего своего гроба, представлял, как будет лежать в нем, и тление коснется его тела страшной рукой. Но эти мысли не смущали его. Его помыслы всегда были о Царствии Небесном, потому даже смерть, самое непостижимое событие для любого человека, не волновала так, как судьба грешной души в ее вечном пути.

И видел он день, когда гроб с его останками, возлежавший у стены храма Успения Пресвятой Богородицы, вынесут из склепа и под ликование многотысячной толпы возложат в посеребренную раку. И царская семья первой приложится к его мощам, а за ней толпа страждущих выстроится в многодневную очередь, чтобы иметь возможности дотронуться до его праха. Заговорят немые, прозреют слепые, бросят костыли хромые и излечатся больные. И прославят его в храме во время всеобщей как ново-явленного Угодника Божия. Произойдет это 18 июля 1903 года. Он видел

это ясно, будто это шумное и торжественное событие происходило прямо сейчас перед его глазами. И вновь душа его была спокойна, не соблазняясь избранностью и возвеличиванием его имени в глазах остальных людей. Одно радовало — Божественный огонь любви, что Господь зажег в его душе, не умрет вместе с ним и будет согревать людские сердца и в будущих временах.

Весной 1811 года по стопам Серафима решил последовать и старший товарищ его — отец Мефодий. Извинившись за вторжение, Мефодий вошел в келью затворника, и Серафим принял старого друга. Они по доброй традиции долго беседовали, и беседа их была о значении монашеских обетов.

— Что дало тебе молчание? — спросил Мефодий.

— Я молчал не только с людьми, но и с самим собой, поэтому молчание научило меня забыть о мирском. Теперь ни одна посторонняя мысль не тревожит меня, когда я общаюсь с Господом.

— Что дал тебе затвор?

— Я отгородил себя от искусов, которые могут помешать мне созерцать Бога.

— Но ты всегда был горячим проповедником истины Божественной, а ныне кто заменит тебя?

— Слова — орудие мира сего, а молчание есть таинство будущего века.

— Значит, ты устремлен только в будущее? Но кто знает, что там?

— Я знаю, ибо Господь открыл мне.

— И что там, впереди?

— Кровь и разрушение, поругание святынь и невиданное горе, разгул и всеобщее озверение.

— И не будет этому конца?

— Господь сжалится над людьми — вымолят об этом те, кто умеет страдать за других и, словно Учитель наш, Иисус Христос, пострадают за веру. Их молитвы о всеобщем спасении и наставлении на путь истинный заблудших овец дойдут до Господа. И наступит возрождение.

— А что ты скажешь о моей судьбе? Я тяжело болен. Много ли мне отписано земной жизни?

— Зачем тебе это?

— Я боюсь не успеть.

— Что беспокоит тебя?

— Служа Господу, я изнурял себя ночными и дневными молитвами и постами. Я отказывал себе в мирских удовольствиях, забыл свое прошлое и отрешился от настоящего. А что в будущем? Тебе, хотя ты и младше меня, Господь дал счастье познать Духа Святого. Я лишен этого дара. И потому сомнения гложут меня. Видать, великие грехи мешают. Может, мирское держит меня помимо воли и не дает стяжать Благодать Небесную? Что делать мне?

— Войди в душу свою и посмотри, что дорого тебе, и откажись от этого.

— Мне дорог лес, в котором я прожил долгие годы. Я люблю слушать, как шумит свежий ветер в кудрявых шапках сосен, как самозабвенно свистят и чирикают пташки, порхая с ветки на ветку. Я часами могу смотреть на то, как деловито снуют муравьи: каждый по своим делам, без приказа и чужого совета. У меня наворачиваются слезы умиления, когда я вижу зависшую над тростником стрекозу и различаю в порхании ее невидимых крыльев перламутровое сверкание солнечного луча. Запах теплого леса и травы кружит голову, ласковые прикосновения земляники к губам и ее восхитительный аромат дарят мне неземное блаженство.

— Изгони это из памяти.

— Ты сумел это сделать?

— Да, я забыл запахи и звуки, цвет и дыхание ветров. Это значит теперь для меня не больше мешка с песком, который я положил в изголовье. Меня не интересует солнце и луна, снег и дождь. Наглухо занавешенное окно я приоткрываю только для того, чтобы увидеть смену дня и ночи и начать ту или иную молитву. Что еще любишь ты?

— Я люблю беседы с братьями, особенно с теми, кто знает больше меня, ибо в беседе я ощущаю себя слабым и грешным учеником, нуждающимся в чьем-то наставлении и чьей-то опоре.

— Ты достаточно обременен знанием и опытом, зачем тебе открывать для себя что-либо новое? Всё познать нельзя. Жажду познания надо залить созерцанием.

— Ты говоришь о молчании?

— Да.

— Хорошо. Я закрою уши свои и уста по твоему примеру.

— Да поможет тебе Господь.

— Ты видишь мой путь?

— Да. Принимая строгую схиму, ты взойдешь на новый уровень познания Бога. И нарекут тебя Марком. И станешь ты известен в веке

настоящем и веках будущих как Марк-молчальник. А как закончится мой земной путь, то прах мой положат рядом с твоим в одном склепе у южной стены храма Успения Пресвятой Богородицы.

И принял Мефодий великую схиму. И нарекли его Марком.

А над Россией нависла грозная беда.

12 июня 1812 года неисчислимые полчища французских войск напали на города и веси русские. И запылали храмы, дома и нивы, окрасились кровью мундиры русских солдат, зарыдали вдовы и сироты. Мор и запустение пришли на земли православные.

Поднялся весь народ русский на борьбу с жестоким и жадным супостатом. И крепостные крестьяне, и помещики, и купцы, и мещане, и дворяне — все объединились в общей беде. Не осталась в стороне и братия Саровского монастыря. В храмах стали служить службы за победу русского воинства.

Но не только молитвами помогла России Саровская обитель. Она приняла к себе беженцев из Москвы. Те обозы, что Серафим зрел в видениях своих, дошли и до саровских лесов. Беженцев монахи размещали, где только могли, делясь и хлебом, и кровом.

А один обоз был особый. Сопровождал его полковник с отрядом солдат. Уже под вечер постучался в палаты строителя инок и доложил:

— Отец Нифонт, к тебе курьер царский.

Встретил Нифонт высокого гостя у порога.

— Что привело вас в такую годину в края, далекие от стольного града?

— Дело важное, батюшка. Подмоги вашей велено просить.

— С Божьей помощью готов сделать все, что требуется.

— В версте отсюда, на подходе к монастырю стоит обоз с драгоценностями из Кремля Московского. Укрыть надо сокровища, пока мы не одолели ворога проклятого.

— Укроем, не беспокойтесь. Есть у нас схороны такие, что никто сыскать не сможет. Опыт имеется. Еще в пору пугачевского бунта приходилось драгоценности прятать.

Ночью при свете луны солдаты снимали короба и узлы с телег и таскали их в пещеры, открытые под горой. Спускали богатства царские в глубину самую — в третий уровень, в который и братии-то хода никогда не было. По узким крутым лестницам, что выдолблены в доломите, драгоценности были спущены в подземелья. А потом третий уровень закрыли дверью дубовой и завалили камнями да песком. Не знаючи — и не найдешь

хода в тоннели подземные.

— Охрану бы надо выставить, — сказал Нифонт, перекрестив двери темницы.

— Надо, — согласился полковник. — Но так, чтобы специально не привлекать внимание к пещерам. Наверное, много у вас народу пришлого?

— Много.

— Вот видите, разнесут по округе о том, что пещеры отрядом солдат охраняются, тогда воры да тати сразу смекнут о богатствах спрятанных.

— Что же делать? Совсем без охраны ведь тоже нельзя. Мало ли кто сюда из любопытства спустится.

— А я вам оставлю взвод солдат, которые вон там, в низине у моста, останутся биваком и будут издалека посматривать за входом в пещеры. В случае необходимости они вмешаются. А ночью и вовсе караул у входа в пещеры можно будет выставить. Рядом храм большой высится, вот в тени его и спрячутся часовые. Да, кстати, я видел у вас две пушки у монастырских ворот стоят. Исправны ли они?

— Исправны. И заряды есть, и порох.

— Вот и славно. У меня среди солдат артиллеристы есть. Я их определю к пушкам. Одно орудие в сторону северной дороги поставим, другую — на юг. В случае если отряды разбойников по этим дорогам пойдут, мои солдатушки картечью их встретят. Обзор с холма хороший — далеко видно. Да и положение монастыря выгодное. С востока леса непроходимые, юг, север и запад слиянием рек прикрыто. Путь в обитель идет только через мосты. Там тоже караулы выставим. Вот и обезопасимся. А чтобы от любопытных да от воровских лазутчиков отделаться, пещеры-то бы надо закрыть под каким-нибудь благовидным предлогом.

— Есть у меня такой предлог. Там поселится монах-затворник и запрет дверь изнутри на засов.

— Но кто же в этой норе согласится жить? Там же темно, холодно, страшно.

— Есть у меня монах, которому это под силу.

Той же ночью полковник отправился в армию Кутузова, везя в сундучке две тысячи ассигнациями, пожертвованных настоятелем на военные нужды. Взвод солдат во главе с поручиком остался охранять пещеру со спрятанными богатствами.

Под утро постучался в келью Серафима настоятель.

Не спал затворник — на коленях у иконы «Умиление» стоял и молился.

— Заходи, отец Нифонт, там не заперто, — отозвался он на осторожный стук.

Шагнув в келью строитель, осмотрелся.

— Как узнал, что это я?

— Я и про то знаю, зачем пришел ты. Согласен я. Затвор свой в келье пещерной продолжу.

— Ну вот и хорошо. Я знал, что ты на такое способен.

Взяв икону Божией Матери, Серафим вышел за настоятелем. Зайдя в пещеры, он оглянулся и сказал Нифонту:

— Благослови инока какого-нибудь, чтобы около полуночи приносил мне немного хлеба и воды.

— Я скажу иеромонаху Илариону, он будет приносить — послушников в это дело посвящать не стоит.

Закрыв дубовую, обитую железом дверь, Серафим задвинул массивный металлический засов и пошел по узкому тоннелю. Путь ему освещал робкий и неровный огонек свечи.

Поселился он рядом с подземной церковью — в келье затворника. Когда-то в молодости он увидел такую келью в Киевской Лавре и, примерив ношу затворника на себя, не поверил, что ему это может быть под силу. Прошло много лет, к небесам было вознесено тысячи молитв, позади великие борения со страстями телесными, и вот только теперь он был готов к подвигу сему, который сейчас и подвигом-то не считал.

В земляной норе, в холоде, в полумраке и почти без движения, только изредка ложась для отдыха на каменную полочку, покрытую досками, а все остальное время вознося молитвы к Господу, проводил затворник дни и ночи, не ропща, не жалуясь на свою судьбу, только несказанно радуясь, что ему выпала честь послужить Господу и людям доступным ему способом. Иногда он выходил на прогулки по длинным тоннелям, спускался на второй уровень, подходил к заваленной двери третьего уровня, молился и поднимался наверх. Обязательные монашеские службы он исполнял в подземной церкви.

Легко ориентируясь во времени, Серафим в полночь подходил к двери на выходе из пещеры и, услышав легкий стук, открывал. С низким поклоном он брал пищу и кувшин с водой у отца Илариона и вновь, заперев тяжелый засов, возвращался к молитвенным трудам.

В подземной глуши видения с особой яркостью являлись ему. Он

видел не только будущие, но и прошлые, и настоящие события, которые происходили в России на удалении сотен и сотен верст.

Он видел, как месяц назад, в начале сентября, на огромном поле сошлись две армады, готовые уничтожить друг друга. И не было в этих армадах отдельных людей, наполненных слабостями и страстями, желаниями и страхами — были отдельные боевые единицы, вооруженные орудиями убийства и готовые уничтожить себе подобных, отринув размышления о собственном предназначении в подлунном мире, о величии божественной души, дарованной им от рождения, о мере ответственности за свои деяния пред Творцом.

Монах находился как бы над полем, словно с облака наблюдая за движениями войск.

Вот солнце показало свою огненную макушку из-за леса, и туманная осенняя дымка начала таять, густея только вдоль русел небольших речушек, разрезающих, словно морщинами, просторы лугов.

И грянул гром! Сотни пушек извергли из своих чугунных тел огонь и железную смерть. Земля вздрогнула и вздыбилась черными фонтами грязи. Первые тела русских солдат мягко упали в пожухлую рыжую траву, окрасив ее алой кровью. И ахнули ответно русские пушки. И вместо тумана поле сражения заволокло пороховым дымом.

И двинулись вперед чужие полки в синих мундирах. Сшиблись грудью русские и французы, рубя шашками и коля штыками, в упор расстреливая картечью и разя ружейными залпами. И легко ринулись вперед застоявшиеся кони, стремительно перебирая тонкими стройными ногами и тревожно всхрапывая от предчувствия неведомой опасности. Конные лавины ударились друг в друга, образовав копошащееся, орущее, стонущее и ржущее месиво, в котором не было никакой возможности, чтобы выжить. И час, и два, и три длилось сражение. Скоро уже не было места на земле, чтобы ступить ноге — все поле было устлано человеческими телами. Мертвые лежали на живых, истекающих кровью, и те не имели сил выбраться из-под мертвецов. Кони, потерявшие всадников, в ужасе носились по полю, поскальзываясь на раздавленных телах. Только наступало затишье на каком-либо участке страшной битвы, где все недавно живые и яростно кричавшие люди лежали мертвыми, как им на смену появлялись новые отряды, и смертоубийство начиналось снова. Целый день люди ожесточенно убивали друг друга, не видя больше другой цели и смысла в своей такой короткой жизни, которая когда-то была, а теперь почему-то должна была вот-вот закончиться.

Сто тысяч человек за один день простились с жизнью. Их изуверченые тела в ярких разноцветных мундирах выстлали страшным ковром землю, и на этот ковер легла жирная и жадная ночь, тихо пожирающая остатки кровавого пиршества. И ночь эта была самой ужасной из тех, которые видел когда-либо Серафим. Картины боя были для него настолько явственными, что казалось, будто он сам ходил меж недвижимыми телами, вдыхая непривычный запах крови и пороха.

Слезы ручьями текли из глаз затворника. Рыдания мешали проносить слова молитвы.

— За что? За что? Боже, почему они пришли к нам? Что им здесь нужно? Почему столько людей, одурманенные дьяволом, забывшие Божественные заповеди, бросив свои семьи, оставив мирные труды, пришли за тысячи верст, чтобы сеять смерть и разорение? Чем провинилась Россия пред тобой, Господи, что ты посылаешь ей такие испытания? Защити землю русскую от врага! Останови разорение и смертоубийство!

Не убий... Возлюби ближнего своего... Не судите да не судимы будете... Серафим отступал от библейских заповедей, осуждая, не любя и призывая убить того, кто непрошеным пришел в родную землю. Поймав себя на этой мысли, Серафим ужаснулся и растерянно стал вопрошать Бога, как же быть? Одно дело молитвы во славу оружия и воинства, которое находится от тебя в далекой дали, другое дело просить о смерти конкретного человека, который сидит у костра, чистит оружие и готовится на утро снова идти убивать ни в чем не повинных русских людей.

— Тяжкие испытания ты мне посылаешь, Господи! Помоги мне, дай знак правильности моей молитвы!

И вошел в душу монаха Дух Святой теплом неземным и ярким светом. А когда прошло ослепление, новые картины явились внутреннему взору Серафима.

Всего два месяца прошло после того, как торжествующие, наглые и самодовольные французы вошли в Москву, грабя и убивая мирных жителей. Теперь это были жалкие, замерзшие, растерянные, голодные, грязные, заросшие щетиной, закутанные в женские шали и ворованные одеяла, обутые кто во что, даже в мешки, набитые соломой, людишки, проклинаящие своего императора, затащившего их в гибельные края, из которых не было выхода. Под завывание пурги, по глубокому рыхлому снегу, согнувшись в три погибели, чтобы хоть как-то сохранить крупичицы тепла, они плелись на запад, а впереди них пылали деревни, чтобы даже ни на минуту им не было возможности отогреться и отдохнуть в тепле.

А сзади настигали конные казаки, которые, отсекая отставшие отряды, уничтожали их безжалостно или, видя покорность и слабость, брали в плен. Таяли, словно сосульки в апреле, армии Наполеона. На дороге по следам уходящих завоевателей оставались сотни трупов замерзших солдат, желавших славы и богатства, а получивших бесславную смерть в русских снегах...

А вскоре пришел санный обоз в сопровождении отряда солдат, во главе которого был все тот же полковник. Сокровища достали из пещер, погрузили на сани и отправили в Москву, которая начала восстанавливать все, разрушенное и уничтоженное пожарами.

Серафим продолжил затвор в келье, благодаря Господа за ниспосланное ему испытание. На слова благодарности, которые говорил ему настоятель Нифонт, монах склонился до земли и ответил:

— Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу.

Царь Александр I высоко оценил и моленный подвиг братии Саровской обители, и материальную поддержку русского воинства, и помощь в сокрытии богатств Кремля Московского. Настоятель монастыря Нифонт, отец Серафим и еще несколько иеромонахов были награждены специально учрежденными наперсными крестами в честь победы над французской армией.

На оборотной стороне креста были написаны слова из Святого Писания:

— Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу.

Глава 12

Начало старчества

В августе 1815 года в Саровский монастырь на храмовый праздник Успения Богородицы приехал епископ Тамбовский Иона. О молчальнике и затворнике Серафиме он, конечно же, слышал. Помнил он и случай, когда иеромонах Саровской пустыни отказался от должности настоятеля Алатырского монастыря. Епископ изъявил желание встретиться с известным старцем.

— Отец Нифонт, я слышал, что иеромонах Серафим вышел из пустынничества и проживает сейчас в обители. Нельзя ли с ним побеседовать?

— Ваше Преосвященство, старец Серафим в обители. Да только он не принимает никого. И братия хочет с ним встречаться, и паломники, но он не выходит из затвора и никого в келью не допускает.

— Неужели и епископа не примет? А ты скажи ему, кто приехал.

— Что ж, пойдёмте.

Войдя в сени, настоятель постучался и попробовал открыть дверь в келью. Она была заперта.

— Батюшка Серафим, это отец Нифонт пришел, со мной Его Преосвященство епископ Иона. Он побеседовать с тобой хочет. Отвори дверь-то.

Но в келье царило молчание.

Стоя на коленях, Серафим молился у иконы «Умиление», прося силы у Царицы Небесной не ввергнуться в грех чинопочитания и человекоугодничества. Сомнения терзали его душу — как можно отказать Его Преосвященству? Но богатая память сразу подсказала пример из жизни святых угодников.

Однажды затворник Арсений Великий, которому Серафим следовал в подвигах затвора и молчания, ответил Архиепископу Александрийскому, пожелавшему увидеть затворника: «Если для тебя отворю, то и для всех отворю».

Так и не отозвался Серафим на просьбы настоятеля.

Нифонт, раздосадованный конфузом перед высоким гостем, вгорячах даже предложил вышибить дверь.

— Преставился, наверное, Серафим, если не отвечает. Я сейчас прикажу — и снимут дверь с петель. У меня послушники есть очень крепкие.

Но епископ остановил осерчавшего настоятеля:

— Не надо. Как бы не погрешить нам.

Нифонт вынужден был отступить, но давняя неприязнь строителя к Серафиму разгорелась с новой силой. Еще когда они оба были послушниками, Нифонт, а тогда еще послушник Василий, мещанин из Темникова, завидовал Прохору Мошнину за знаки внимания, которые ему оказывал настоятель Пахомий. Не вызвало удовольствия и то обстоятельство, что, когда иеромонах Нифонт настойчиво добивался должности настоятеля, Серафим и его друг, пустынный Мефодий, отказались подписывать прошение в епархию. Да и после смерти бывшего строителя Исаяи Серафим сразу же ушел в пустынники и молчалники, тем самым как бы высказав

пренебрежение к новому настоятелю. Раздражение строптивым монахом достигло вершины, когда Серафим перестал и вовсе посещать монастырь даже для обязательных служб. И не случайно, конечно же, среди старшей братии был поднят вопрос о возвращении Серафима в обитель. Прикрывшись решением монастырского собора, Нифонт приказал пустыннику подчиниться общему правилу. Но Серафим, смиренно исполнив волю настоятеля, все же остался верен себе — и в обители он остался затворником и молчальником. Это тоже было воспринято властным настоятелем как вызов. Нифонт старался делать вид, что нет в монастыре такого монаха. Один раз в день скудная пища да по воскресеньям приобщение Святых Таин — вот и все, что он позволял братии делать для Серафима. Правда, у монаха Павла, жившего по соседству с Серафимом и носившему тому еду, строитель постоянно выспрашивал о поведении затворника. Но, в конце концов, он привык к существованию в обители монаха, которого не видно и не слышно, и смирил свой гнев. А в год великой беды он даже вынужден был сходить к затворнику на поклон, попросив его продолжить затвор в пещере, где хранились богатства Московского Кремля. Отношения настоятеля и старца стали понемногу налаживаться. Но случай с епископом все испортил. Нифонт негодовал.

Но и Серафим был смущен своим поступком — отказал все-таки не рядовому монаху, а высокому духовному лицу.

Целую неделю Серафим маялся в раскаяниях, прося у Богородицы совета, как поступать ему далее.

— Царица Небесная, прости и помилуй меня грешного. Помогите принять правильное решение. Что делать мне, если страждущие хотят совета моего, а я не могу дать его, не нарушив своего обета? Сохранять ли мне затвор ради чистоты собственной или идти навстречу тем, кто жаждет духовного совершенства?

И только через неделю в одну из долгих молитв Пресвятая Дева Мария явилась смиренному просителю. На этот раз это было не во сне и не в беспамятстве. Стены кельи вдруг растаяли, словно сотканые из тумана, и Серафим оказался среди лазурного простора. В дивном сиянии, в белых просторных одеждах Богородица проплыла по воздуху и стала прямо перед коленопреклоненным монахом.

И Она заговорила с ним.

— Открой двери своей кельи, Серафим, — сказала Она.

Серафим спросил ее:

— Что мне прикажешь делать, Пресветлая?

— Иди к людям.

— Зачем, Владычица?

— Чтобы спасти их.

— Но разве они не сами должны спасать себя, как я спасаю?

— Они слабы, им нужна твоя помощь.

— Чем я помогу им?

— В твоей душе горит Божественный свет. Поделись им со страждущими. Пламень, зажженный Господом в твоей груди, должен согревать как можно больше людей. Твое спасение зависит и от их спасения. Прими их грехи как свои собственные и моли Бога о прощении. И спасутся они вместе с тобой. Это твое новое послушание.

— Я постараюсь исполнить его.

И задавал Серафим вопросы, и получал на них ответы.

На другой день он открыл дверь кельи.

У кельи в это время находился Тамбовский губернатор Александр Михайлович Безобразов с женой. Поклонившись губернатору в пояс, Серафим сказал:

— Радость моя! Христос воскрес! Приглашаю в келью мою.

Нагнувшись, он взял руку сановника и поцеловал ее. Повернувшись к женщине, он повторил приглашение:

— Радость моя! Христос воскрес! Рад буду видеть в келье своей.

И тоже поцеловал ей руку. И третий раз монах сказал:

— Радость моя! Христос воскрес!

На этот раз он обратился к иноку Гавриилу, который сопровождал высоких гостей.

И Серафим поцеловал руку иноку.

Инок смутился и, растерянно глядя на старца, о встрече с которым мечтал с тех самых пор, как пришел в обитель, отдернул руку, как от ожога.

— Батюшка, — чуть не плача произнес Гавриил, — да это я тебе руки должен целовать, а не ты мне.

— Радость моя! Я грешнее вас всех и потому смиренно прошу вас беседой своей почтить меня.

Беседа, которая продолжалась в тесной монашеской келье довольно долго, подействовала на гостей ошеломляюще. На все вопросы у Серафима находились убедительные и исчерпывающие ответы. Затворник говорил тихо и мягко. Особенно сильно подействовала на гостей речь о спасении

души человеческой, которая погрязла в грехах мирских.

— Мы, живущие во грехах, далеко отступили от путей спасения, гневим Господа, широко отворяя для входя в лукавое сердце свое двери страстям и порокам, а вслед за ними и казням Божиим. Исправимся, да Господь нас помилует! Возлюбим Церковь святую и православную, возлюбим веру, как наше твердое и благодатное ограждение. Да будет правда нам в броню и благочестие в щит спасения. Ими Россия будет славна, крепка и необорима, и врата адовы не одолеют нас!

Слова речей старца были просты и не новы, но почему-то они так сильно воздействовали на слушателей, что те пребывали как бы в забытьи, зачарованные голосом Серафима.

Суровые будни губернатора отодвинулись, боли и хлопоты растаяли, и наружу из тайников, ранее закрытых на сотни засовов, хлынули чистые и светлые чувства. Солидный, черноусый, бравый сановник с младенческой улыбкой сидел на березовом пенечке и тихо плакал. И это были слезы умиления и просветления. Жена его тоже не сдерживала слез. Кружевной платочек, который она то и дело подносила к глазам, был давно уже мокрым — хоть выжимай. Инок Гавриил, впервые за два года пребывания в обители повстречавшийся с человеком такой духовной силы, не вытирал текущих по щекам слез, благодаря Господа за Его великого посланника, который непременно спасет тысячи заблудших душ силой Божественного слова.

После этого визита дверь кельи отца Серафима была открыта для посетителей. Только по пятницам старец никого не принимал. Он запирался и предавался молитвам, отдавая дань многолетнему обету молчания, который вывел его на новую ступень Божественного познания.

Слух о том, что старец Серафим принимает желающих для благословения, быстро облетел монастырь. Первыми, конечно же, побывали в келье затворника монахи и послушники Саровской обители. За ними потянулись богомольцы. И все они, вдохновленные чудодейственными речами старца, понесли огонь Божественный во все концы. И вскоре тысячи людей стали приходить в Саровскую пустынь. На монастырской площади всегда толпилось столько народу, что и пройти было трудно. И это опять вызвало глухое недовольство Нифонта. Он, хотя и посетил старца в келье и даже имел с ним непродолжительную сдержанную беседу, касающуюся правил ведения служб, но лучше к нему относиться не стал. Паломники, приходящие для благословения к Серафиму, мешали размеренному распорядку, заведенному

в монастыре. К тому же среди них было немало женщин, которые своим видом смущали не только молодых послушников, но и монахов. Отец Нифонт ворчал:

— Когда отец Серафим жил в пустыне, он закрыл все входы к себе деревьями, а теперь стал принимать к себе всех, так что мне до полуночи нет возможности закрыть ворота монастыря.

Обижало такое одностороннее внимание к монастырю и остальную братию. И особенно старших священнослужителей — иеромонахов, которые, вероятно, считали, что и они своими молитвенными трудами заслужили почтение людей. Но люди шли к Серафиму.

Великий дар убеждения, яркий внутренний свет, который исходил от его лица во время духовных бесед и молитв, и слава аскетичного монаха, прошедшего через тяжкие испытания пустынножительством, молчанием и затвором, — все это притягивало людей всех сословий.

Но хотя Серафим и стал доступен людям, из затвора он не вышел и келью свою не покидал.

По вечерам, когда поток паломников спадал, в келью затворника часто стал заходить инок Гавриил. Старец с первой же встречи полюбился ему. Инок благоговел перед иеромонахом, стоящим к Господу намного ближе, чем все остальные. У каждого послушника и монаха есть тяжкие борения с самим собой, с естественными страстями. Немало возникает и вопросов, касающихся путей к спасению и достижению высокого просветления, доступного только для редких старцев. Такие борения, сомнения и вопросы были в большом количестве и у Гавриила. Именно с этим и шел к старцу неопытный инок, еще не перешагнувший границы строгого монашеского образа.

И Серафиму приглянулся молодой, жадный до знаний, чистый и искренний инок. Читая помыслы людей, словно открытую книгу, и видя в душе Гавриила горячее желание послужить Господу, Серафим стал привечать его. Как когда-то, будучи неопытным послушником, он с душевным трепетом принимал наставления духовника своего — отца Пахомия, так и теперь он радовался, передавая свой опыт далее, молодому пытливному иноку. Затворник с удовольствием делился с младшим товарищем своим духовным знанием.

— Что есть Бог, отче?

— Бог есть огонь, согревающий и воспламеняющий сердца.

— Что есть страх Божий?

— Есть два вида страха: если не хочешь делать зла, то бойся Господа

и не делай; если хочешь делать добро, то бойся Господа и делай.

— Как мне относиться к моей земной жизни, отче?

— На жизнь свою надо смотреть как на свечу, делаемую обыкновенно из воска и светильни, и горящую огнем. Воск — это наша вера, светильня — надежда, а огонь — любовь, которая все соединяет в месте — и веру, и надежду, подобно тому, как воск и светильня горят вместе при действии огня. Свеча дурного качества издает смрад при горении своем, и, угасая, так смрадна в духовном смысле и жизнь грешника перед Богом. А потому, глядя на горящую свечу, особенно когда стоим в Божием храме, мы должны вспоминать начало, течение и конец нашей жизни, ибо, как тает свеча, зажженная перед ликом Божиим, так с каждой минутой умалется и жизнь наша, приближая нас к концу. Эта мысль поможет нам менее развлекаться в храме, усерднее молиться и стараться, чтобы жизнь наша пред Богом похожа была на свечу из чистого воска, не издающую смрада.

— Почему у тебя в сенях стоит гроб, и ты часто сидишь возле него?

— Как говорил преподобный Нил Синайский, ночью и днем взирай на последний свой день, и никакая любовь к настоящей жизни не привяжет тебя к земле.

— Нужно ли изнурять тело свое, чтобы заслужить Благодать Небесную?

— Нельзя предпринимать подвигов сверх меры, нужно стараться, чтобы плоть наша была верна нам и способна к творению благодетелей. Пищи употреблять нужно каждый день столько, чтобы тело, укрепясь, было другом и помощником душе в совершении добродетели: иначе может быть и то, что при изнеможении тела и душа ослабнет.

— Как распознать происки лукавого?

— По учению святых отцов при каждом человеке находятся два ангела: один добрый, другой злой. Ангел добрый тих, кроток и безмолвен. Когда он войдет в сердце человека, то говорит с ним о правде, чистоте, честности, спокойствии, о всяком благом деле и о всякой добродетели. Когда почувствуешь это в сердце твоём, очевидно, в тебе находится ангел правды. А дух лукавый острожелчен, жесток и безумен. Когда он войдет в сердце твое, то узнавай это по делам его.

— Для чего нужно пустынножителство?

— Нельзя вполне отречься от мира и прийти в состояние духовного созерцания, оставаясь в миру. Пока страсти не успокоятся, нельзя

стяжать мира душевного. Но страсти не стихают, пока нас окружают предметы, возбуждающие страсти. Чтобы прийти в совершенное бесстрастие и достигнуть совершенного безмолвия души, нужно много подвизаться в духовном размышлении и молитве. Но как возможно всецело и спокойно предаваться созерцанию Бога, поучаться в законе Его и всею душою возноситься к нему в пламенной молитве, оставаясь среди непрестанного шума страстей, воюющих в мире? Мир во зле лежит. Не освободясь от мира, душа не может любить Бога искренно. Потому и надо уходить в пустынь, чтобы остаться наедине с Богом.

— Можно ли доверяться людям?

— Не открывай без нужды другому сердца своего. Из тысячи найти можно только одного, который бы сохранил твою тайну. Когда мы сами не сохраним ее в себе, как можем надеяться, что она будет сохранена другим? Когда случается быть среди людей в миру, о духовных вещах не говори, особенно когда в них не примечается и желания к слушанию. Всеми мерами нужно стараться скрывать в себе сокровище дарований: в противном случае потеряешь и не найдешь.

Не раз убеждаясь в том, что Серафим многое знает наперед, Гавриил как-то спросил его:

— Отче, скажи, когда будет конец света?

— Радость моя! Ты много думаешь об убогом Серафиме. Мне ли знать, когда будет конец миру сему и тот великий день, в который Господь будет судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам их? Нет, этого мне знать невозможно. Об этом знает только Он один — Отец наш.

Инок нуждался и в обычных практических советах.

— Батюшка, тяжело переносить долгие службы, особенно ночные. Подскажи, как следует вести себя на богослужениях? — спрашивал Гавриил.

— Стой на молитве с опущенной головой и закрытыми очами и во внутреннем внимании. Не отвлекайся в молитве на другие помыслы. Только обращение к Господу должно занимать твою душу полностью. Глаза открывай, только когда сон начнет отягощать тебя. Обращай в таком случае глаза на образ или на горящую свечу.

Для инока беседы со старцем были живительны и полезны: он светлел сердцем и крепчал духом. Гавриил возносил Господу благодарность за эту удивительную радость общения с избранником Божиим.

Принимал отец Серафим и послушников, желавших набраться монашеского опыта для трудов по спасению своей души.

Так однажды послушник Иван Толстошеев, придя за благословением, спросил:

— Батюшка, а нужно ли использовать власяницу и вериги для умерщвления плоти, чтобы спастись?

— Кто нас оскорбит словом или делом и если мы переносим обиды по-евангельски — вот и вериги наши, вот и власяница. Что в том, что наденем и вериги, и власяницу, а будем спать, пить и есть столько, сколько нам захочется? Не о том надо думать. Вот ты не можешь от своих братьев и малейшего попрека перенести великодушно. От строгого слова начальника и от выговора впадаешь в совершенное уныние и отчаяние. Иногда даже мысли в твоей голове рождаются — а не уйти ли в другой монастырь? С завистью указываешь на других собратьев, которые в милости и доверии у начальства находятся. Распоряжения все принимаешь за обиду, за невнимание и недоброжелательность к себе. Рассуди сам, какая власяница тебе поможет, если у тебя нет никого фундамента к монашеской жизни?

Пораженный тем, что старец знает не только о его поступках, но и помыслах, послушник упал перед отцом Серафимом на колени и стал каяться в греховных мыслях. Но даже и нравоучения, и попреки от старца воспринимались с радостью и благодарностью.

Хотя не все уходили от Серафима просветленными и радостными. Однажды к затворнику попал генерал, заглянувший в монастырь по любопытству, а не по душевной потребности.

Генерал Леватов в сопровождении полковника Чичерина осматривал монастырь. Ничего примечательного для себя он не обнаружил. Скучающе он побродил по монастырской площади, заглянул в храм Успения Пресвятой Богородицы, приложился к частицам мощей и, зевнув, вышел.

— И зачем я в такую далищу поперся!? — с досадою сказал он своему спутнику. — Сидел бы сейчас с губернатором Нижегородским да водочку кушал с севрюжкой.

— Господин генерал, мне настоятель Нифонт сказал, что есть тут старец, обладающий большой духовной силой. Не заглянете ли к нему?

— Почто мне его духовная сила? А, да ладно. Все равно день потеряю. Веди, где твой старец?

— Да вот его келья рядом с собором.

Зайдя в сени, генерал с изумлением уставился на дубовый гроб, что стоял у стены.

— Вот чудак! Он уже себе и гроб приготовил?

— Прошу сюда, господин генерал.

Полковник открыл дверь в келью. Пригнувшись, генерал шагнул внутрь. Оглядев голые стены избушки, Леватов поморщился и, вынув платочек, зажал нос.

— Ну и дух у вас тут, милейший.

Согбенный, убеленный сединой старец в белом балахоне и черной камилавке молча смотрел на вошедшего.

— Что, отче, от генеральского вида онемел? — с ухмылкой спросил Леватов и распрямил плечи, выпячивая грудь, увешанную орденами и медалями.

— Любезный господин, — обратился Серафим к полковнику, — не мог бы ты погулять? Мы тут побеседуем немножко.

Генерал махнул Чичерину платочком.

— Иди, я скоро.

Полковник вышел в сени.

Сев на один чурбачок, монах предложил присесть генералу на другой березовый обрубок. Леватов, поколебавшись, постелил на чурбак все тот же надушенный платочек, присел, всем своим видом показывая, что сожалеет о визите.

— Исповедуйся в грехах своих, сын мой, и тебе легче станет, — тихим голосом произнес Серафим. — Повторяй за мной: «Согрешил, Господи! Согрешил душою и телом, словом и делом, умом и помышлением, и всеми моими чувствами: зрением, слухом, вкусом, обонянием, осязанием; волею неволею, ведением и неведением».

— А я и не грешен, — усмехнулся Леватов, — с чего это ты взял, монах?

— Зря ты, батюшка, так. А как же Березина?

Генерал оторопело посмотрел на Серафима.

— Какая Березина?

— А та самая речка, родимый, на которой ты, будучи полковником, несколько сотен голов русских по недоумию своему в белом поле положил.

— Это не я... — голос у генерала сорвался. — Это всё командующий армией Чичагов. Это он разведку не выслал, и мы на засаду напоролись.

— Так не ты ли, батюшка, помог Чичагову командующим-то стать? Вы ведь вместе с ним доносы на великого полководца Кутузова

писали. Царя-батюшку обманули, а он Чичагова-то и поставил во главе армии. А тот уж и тебя потом в полковники произвел, не позабыл дружка милого. Вот вы вместе и навоевали. А будь вы чуть поумнее, армия-то Наполеона еще на Березине кончила бы свое существование. И Бонапарта могли бы словить там же. Некуда ему было идти. И судили бы императора по русскому закону как вора и супостата последнего. Сколько бы жизней невинно загубленных можно было спасти. А ты ведь, батюшка, не о победе русского оружия радел, а о собственной выгоде. И ордена с медалями не за боевые заслуги тобой получены, а за интриги.

Чем дольше говорил Серафим, тем бледнее становился генерал. Губы его тряслись, по щекам неожиданно заструились слезы. Сдержанные рыдания сотрясали грудь. Никогда ранее ничего подобного Леватов не испытывал. И сейчас он не понимал, что с ним происходит. Столько силы и убедительности было в простых словах монаха, что генерал не смел не только спорить, но и слова в свое оправдание молвить. От его недавней спеси не осталось и следа.

— Грешен, отче, — наконец еле слышно произнес он и зарыдал.

Полковник, стоявший в сенях, услышал рыдания и смутился. Он понял, что плачет генерал. Чтобы соблюсти деликатность, он тихонько выскользнул на улицу.

Через полчаса Леватов, смятый как пожухлый листок лопуха, вышел из кельи и, не видя вокруг себя ничего, пошел, шатаясь, по монастырской площади.

Скрипнула дверь, и на пороге появился согбенный монах, держащий в руках генеральскую фуражку и ленту с орденами.

— На, передай генералу-то. Забыл он.

— А зачем же он ордена-то снял, отче?

Серафим не ответил. Повернувшись, он скрылся в келье.

Полковник взял фуражку и ленту с орденами и бросился догонять начальника.

Но все же большинство людей после благословения старца уходило в таком возвышенном и светлом состоянии, что их, благословленных, можно было различить и в толпе. Они как бы брали частичку огня, который горел в груди Серафима, и несли его дальше по жизни, согреваясь себе во спасение.

Серафим чувствовал, что, дотрагиваясь до людей, он передает Божественную силу страждущим духом, и сам радовался, как ребенок, когда видел, как загораются глаза неземным ангельским светом. Сила

Господа передавалась и через хлеб, которого касался Серафим, и через воду, над которой он творил крестное знамение. Поэтому, кроме благословения, Серафим обычно давал паломникам сухарики и крупички высушенной просфоры.

Всех приходящих к Серафиму удивляла его способность предсказывать и узнавать про людей то, что они хотели утаить.

Однажды две сестры из дворянского рода пришли на благословение к батюшке Серафиму. Одна из сестер заметила, что слуга другой несет две бутылки.

— Настя, а что это твой слуга за бутылки несет?

— Это для старца — в одной бутылке масло, в другой церковное вино.

— А что же ты мне раньше-то не сказала, что нужно с собой что-либо приносить?

— Да я думала, ты знаешь.

— Не знала я. Господи, что же делать-то?

— Нина, возьми у меня одну бутылочку, вот хотя бы с маслом.

— Вот спасибо, а то бы неловко получилось.

Серафим встретил сестер ласково, говорил с ними сердечно, давал им просфору и красного вина. Анастасия подала монаху принесенную бутылку кагору, и он принял ее милостиво, благословив госпожу. Потом бутылочку с маслом подала и сестра ее — Нина. Старец тоже взял ее с поклоном, поблагодарил, но сказал:

— Впредь, если вздумаешь, матушка, что принести мне, то свое принеси.

Женщина смутилась, но Серафим тотчас прибавил:

— Я хотел, матушка, сказать тебе, что если ты живешь в деревне, то верно, там есть пчелы; так ты велела бы из воску насучить свеч — тогда бы это и было твое.

Поражал он своей прозорливостью и многих других посетителей. Он мог узнавать даже о судьбе родственников. Так княгиня Колончакова, получая благословение старца, хотела спросить у него о судьбе своего брата, который был на военной службе. Но Серафим, не дожидаясь вопроса, сам сказал ей:

— Ты много не огорчайся, во всяком роде бывает траур.

Но княгиня, не поняв, о чем речь, все же спросила:

— Батюшка, около трех лет от брата ни слуху, ни духу. Где он, что с ним? Говорят, ты способен увидеть сквозь расстояния.

Монах скорбно ответил:

— Поминай его за упокой.

Через три месяца княгиня действительно получила известие из полка, где служил ее брат, что его уже нет на свете.

Много разных людей побывало у затворника, ища у него поддержки и доброго совета. Хотя были и такие посетители, которым старец отказывал в беседе. Он закрыл двери перед офицером, приехавшим из самого Санкт-Петербурга, так и не приняв его. Инок Гавриил, ставший свидетелем этого случая, спросил:

— Батюшка, почему ты не благословил этого военного?

— Черная у него душа. Недоброе дело он задумал. Против царя хочет пойти, в тайном обществе состоит. Такие люди Бога в душе не имеют. Гордыня их мучит, гордыня.

К отцу Серафиму приходили даже старообрядцы. Один раз четверо старообрядцев из села Павлова Горбатовского уезда пришли пешком за несколько сотен верст, чтобы спросить у него о двуперстном сложении. Только они переступили порог кельи и еще не успели сказать ни одного слова, как Серафим подошел к ним, взял первого из них за правую руку, сложил персты в трехперстное сложение по чину Православной Церкви и, таким образом крестя его, произнес:

— Вот христианское сложение креста! Так молитесь и прочим скажите.

— Но разве двуперстие мешает нам служить Богу?

— Такое сложение передано нам от святых апостолов, а сложение двуперстное противно святым уставам. Прошу и молю вас, ходите в Церковь Грекороссийскую: она во славе и силе Божией!

— Но мы и без церкви возносим молитвы к Господу и свято следуем заповедям его.

— Как корабль, имеющий многие снасти, паруса и великое кормило, Церковь управляется Святым Духом. Добрые кормчие ее — учителя Церкви, преемники апостольские. А ваша часовня подобна маленькой лодке, не имеющей кормила и весел. Она причалена вервием к кораблю нашей Церкви, плывет за нею, заливаемая волнами. И непременно потонула бы она, если бы не была привязана к кораблю.

Желающих повидать Серафима было много, поэтому у его кельи всегда толпился народ. Завидуя славе Серафима, некоторые монахи проповали и сами заменять паломникам старца, приглашали в свои кельи для духовных бесед. Но сравняться по силе воздействия с Серафимом никто

не мог. И люди уходили раздосадованные. Прознав про это, Серафим сердился. Однажды люди были свидетелями, как он отчитывал соседа по келье отца Павла, зазвавшего к себе паломников для наставлений.

— Не твое дело беседовать с теми, которые убогого Серафима слова жаждут и к нему приезжают в Саров. И я сам, убогий, не свое им говорю, но что Господь изволил мне открыть для назидания. Не мешайся не в свои дела. Себя самого знай, а учить никогда никого не смей: не дал Бог тебе этого дара — ведь он подается недаром людям, а за заслуги их перед Господом Богом нашим и по особенной Его милости и Божественному о людях смотрению и Святому Промыслу Его.

За благословением наезжали в Саровскую обитель и именитые люди. Были среди них и паломники княжеских родов — Голицыны, Ладыженские, Татищевы, Муравьевы, Еропкины. И всех их затворник принимал наравне с обычными крестьянами из нищих деревень. Они стояли в одной толпе, ожидая, когда освободится старец.

Как-то уже в сумерках в обитель прискакали на тройке два офицера. Оставив лошадей у святых ворот, они подошли к келье затворника. Серафим в эту пору уже не принимал людей для благословения. Но на встречу поздним гостям он вышел сам. Поклонившись по обыкновению в пояс, затворник с почтением произнес:

— Здравствуй, великий Государь!

Один из офицеров скрылся в келье вслед за старцем, второй остался у крыльца.

— За отпущением грехов я к тебе пришел, батюшка, — преклонив колени, смиренно сказал Александр I, Император и Самодержец Всероссийский.

— По раскаянию и отпущение будет, — ответил ласково Серафим.

— Страдаю я, отче. Тяжко мне. Грех великий на моей душе висит.

— Знаю, радость моя, знаю.

— Но я не думал, что заговорщики убьют отца моего. Они обещали только принудить его к отречению. Уж больно жесток он был, по его прихоти много людей пострадало. И Россию к гибели он вел. Да и меня, по всей видимости, он сгубить хотел.

— Кто тебе об этом поведал?

— Граф Пален.

— Он был главным заговорщиком, потому всем говорил то, что

ему выгодно было. Вот и тебя он ввел в заблуждение.

— Но были и другие приметы. Однажды император Павел вошел неожиданно ко мне в покои и увидел книгу «Смерть Цезаря» и, видимо, заподозрив меня в заговоре против него, прислал историю Петра Велико-го, раскрытую на странице, повествующей о смерти царевича Алексея. Он бы меня так же, не задумываясь, казнил. Безумен был император. Все об этом говорили.

— Были и у твоего отца грехи. А главный — проклятое масонство, которое ядовитой змеей проникло в просторы православной России. Но смертоубийство — самый страшный грех.

— Знаю, батюшка. Но не повинен я в отцеубийстве. Обманули меня. Он должен был отречься. О том и мне говорили.

— С самого начала генерал Пален замышлял убийство. И офицеров своих на это настраивал. Потому, когда генерал Беннигсен и князь Зубов по тайным лестницам в покои царские проникли, они знали, что живыми оттуда выйдут только в случае, если император Павел I умрет. Первым нанес страшный удар золотой табакеркой прямо в висок князь Зубов, а потом уже батюшку твоего пьяные офицеры добились.

— Они сказали, что он умер от апоплексического удара после известия о необходимости отречения.

— Ты же знаешь, что отговорка это.

Александр плакал, стоя на коленях перед старцем.

После долгих совместных молитв Александр посетовал на неподъемные труды по преобразованию России.

— Недовольны мной дворяне. Вроде бы и порядки после батюшки своего помягче сделал и реформы кое-какие для улучшения жизни провел, а все равно зло на меня копят. Тайные общества создают. Революцию готовят. Якобинские-то нравы и к нам в Россию проникли, того гляди, бунт начнется.

— А Государю и власть бы надо суровую применить. Отечеству, когда под угрозой, твердость нужно проявлять.

— Не могу, батюшка. Сам когда-то в заговорщиках был. Кровью это большой обернется. Не в силах я такое совершить. Если отрекусь я, престол к брату Николаю должен отойти, тот подтверде меня будет, может, он заразу-то искоренит?

— Эту якобинскую заразу теперь уже ничем не выведешь. Пустила она корни в жизни российской и вскоре расцветет буйным цветом. Даже в царей скоро бомбы будут метать. Вот и племянник твой Александр II,

став императором, от рук якобинцев погибнет. Разорвет его бомбой, брошенной ему под ноги.

— Что же делать, отче?

— Молиться о спасении.

Более двух часов продолжалась беседа великого старца с Российским Государем Александром I.

Прощаясь на крыльчке, старец сказал вслед ночному гостю:

— Сделай же, Государь, так, как я тебе говорил.

Вскоре — 19 ноября 1825 года — при таинственных обстоятельствах Александр I умер в Таганроге. Но после этого объявился в Сибири старец Федор Кузьмич, в котором некоторые знающие люди опознавали покойного Государя.

С превеликой радостью Серафим принимал дивеевских сестер. Помня давний наказ отца Пахомия о духовной помощи, которую Серафим должен оказывать монахиням, Серафим охотно наставлял их, давая советы как о порядке богослужений, так и в обустройстве общины. Порой жаловались ему сестры на жизнь тяжелую. Игуменья держала их в голоде, лишнего куска хлеба не давала, труды были непосильные, изнурительные. Серафим, как мог, утешал монахинь, говоря о пользе жизни аскетической для просветления духовного. Приводил в пример те испытания, которые сам себе устраивал.

Но, жалея сестер, он пытался облегчить их жизнь. Когда начальница Дивеевской общины Ксения Михайловна заходила к нему, он пенял ей на излишние тяготы. Игуменья высоко почитала и глубоко уважала Серафима, но на его попреки в чрезмерной строгости устава общины и в тяжести быта монахинь отвечала:

— Это сестрам только на пользу. Тело надо держать в строгости и посте, а душу в молитве. Как говорил святой Иоанн Златоуст, только одно вредно человеку — грех.

— Правда твоя, матушка, но уж больно жалуются сестры.

— Будут жаловаться, еще строже буду спрашивать. Спасение души — вот что главное. Вот пусть и спасаются в труде да в лишениях. В праздности да в сытости не спасешься. Наш устав устроил еще отец Пахомий, Царствие ему Небесное. Так что и впредь у нас будет по-старому.

— Что ж, вижу я, что заповеданное матушкой Александрю ты сохраняешь исправно. Моего попечения в жизни вашей обители не требуется. А то я все переживал, что не исполняю наказа отца Пахомия, ведь он матушке Александре перед смертью ее назвал меня попечителем. А я

вот то в пустынниках был, то в молчальниках, то в затворе... Душу свою грешную спасал, благодати небесной добивался.

С тех пор Серафим не вмешивался в жизнь Дивеевской обители, но посильную помощь сестрам оказывал. Паломников к нему приходило много, и все приносили кто масло, кто вино, кто мед, кто крупы, кто хлеб. Серафим накладывал монахиням полные сумки еды и отправлял их домой. Недоброжелатели быстро донесли об этом настоятелю. Нифонт и без того раздосадованный столпотворением, которое творилось в монастыре из-за старца, велел обыскивать монахинь и отбирать то, что им давал Серафим. В результате монахини возвращались в свою обитель ни с чем.

В следующий раз, когда Серафим опять хотел нагрузить сестер припасами, те отказались:

— Не надо, отче, у нас все равно отымут.

— Кто же? Или у нас в округе разбойники завелись?

— Нет, батюшка. Солдаты инвалидной команды, что охраняют монастырь, нас обыскивают, когда мы из святых ворот выходим. Все, что ты нам даешь, отбирают.

— Так пожалуйте настоятелю, уж он их накажет.

— Они говорят, что это по приказу настоятеля делается.

— Вон оно что. Ну ладно, придумаем что-нибудь. Побудьте на улице, я сейчас вам котомки вынесу.

Монахини вышли, и через некоторое время Серафим выставил им на крыльцо полные котомки. Да тяжеленные, словно в них гири лежали.

— Идите, сестры, не бойтесь.

Монахини взяли котомки и пошли к святым воротам. Вскоре они были остановлены солдатами и подвержены досмотру. Но из котомок вместо съестных припасов на землю посыпались камни, песок, полешки, да ветошь. Так и на другой день произошло, и на третий... Когда раздосадованные солдаты перестали досматривать монахинь, Серафим снова стал набивать им котомки едой.

После 1817 года, когда умер Марк-молчальник, Серафим стал иногда выходить по ночам из кельи, чтобы посидеть рядом с могилой своего друга у стены Успенского собора. Он вспоминал долгие душевные беседы, которые они вели когда-то в пустынножительстве, и молил Господа, чтобы Царствие Небесное стало доступным для милого друга.

А что такое Царствие Небесное он познал сам еще при жизни. Однажды, читая Евангелие от Иоанна, он остановился вдруг на словах

Спасителя, что в доме Отца его обители многи суть. И так ему захотелось взглянуть на те обители, что он стал горячо молить Бога показать ему Царствие Небесное. Пять дней и ночей провел он в бдении и молитве, затворяясь от посетителей, почти не принимая пищи и не ощущая болей в кровотокающих коленях. И явились ему невиданные селения с небесными чертогами, в коих проживали небесные жители: апостолы, святители, мученики, преподобные отцы Антоний Великий, Павел Фивейский, Савва Освященный, Марк Фраческий и Великий Предтеча и Креститель Иоанн, сияющие в неизреченной радости и славе, каких око не видело, ухо не слышало и на помышление человеку не приходило. И Серафим пребывал среди них, сам не понимая, в теле он своем или это только душа его воздушная летает среди сияния и цветения садов райских. После возвращения из светлого Царства Серафим осмотрел свою убогую келью и возрадовался: именно эта убогость и простота жизни, добровольные лишения и испытания позволили ему познать тот неземной восторг, что он ощутил среди небожителей.

В 1823 году еще одно событие возвысило Серафима в людских глазах и сердцах до небывалых высот.

В селе Нуча Ардатовского уезда Нижегородской губернии, где когда-то в год смерти матушки Александры, Серафим вместе с настоятелем Пахомием освящал церковь, жил помещик Михаил Васильевич Мантуров. С военной службы он был вынужден уйти по болезни. Вернувшись в родное имение, он стал приглашать докторов — ни один врач не смог его вылечить. Ноги его совсем перестали ходить, начали гнить, образовались язвы. Отчаявшись получить облегчение от медицины, Мантуров по совету близких решил обратиться за излечением к старцу Серафиму, молва о котором, конечно же, дошла и до села, где проживал помещик. Крепостные люди внесли на руках чуть живого помещика в сени кельи Серафима. Затворник вышел к Мантурову и спросил:

— Что, радость моя, пришел посмотреть на убогого Серафима?

Мантуров заплакал:

— Батюшка, погляди на меня — силы мои тают, ноги гниют, видно, смерть пришла. А я ведь еще молод. Излечи меня!

— Да разве я врач!? — смутился Серафим. — С болезнями-то надо к докторам идти.

— Так показывался я докторам-то, но никто не смог меня вылечить. Одна надежда на тебя, батюшка, да на Господа.

— Побудь здесь, — сказал Серафим и ушел в келью.

Встав на колени перед образом Спасителя, затворник горячо молился, испрашивая благословения на излечение страждущего молодого человека. И, почувствовав в теле своем необыкновенную легкость и решительность, он снова вышел в сени, неся с собой скляночку с елеем и узелок с сухариками. И все, кто был рядом с больным, удивились перемене в облике монаха. Он весь светился внутренним светом, будто сквозь кожу его пробивались солнечные лучи. И согбенный стан его распрямился. Монах как бы возвысился над людьми. Душевный трепет овладел присутствующими.

Серафим взял за руку Мантурова и спросил его:

— Веруешь ли ты Богу?

— Верую, — убежденно ответил Мантуров.

Трижды вопрошал больного монах. И трижды тот горячо и искренне отвечал утвердительно.

— Радость моя! — сказал тогда Серафим. — Если ты так веруешь, то верь же и в то, что верующему все возможно от Бога, а потому веруй, что и тебя исцелит Господь, а я, убогий Серафим, помолюсь.

Попросив сопровождающих людей обнажить больному ноги, Серафим взял скляночку с елеем и произнес:

— По данной мне от Господа благодати я первого тебя лечу!

Помазав ноги больного елеем, монах надел на них чулки из посконного холста. А потом высыпал из узелочка прямо в фалды сюртука Мантурова сухарики.

— А теперь иди в гостиницу. Да смотри не рассыпь сухарики, они тебе пригодятся. Будешь есть их да Господа вспоминать, ноги-то и заживут скоренько. Иди, радость моя, иди.

— Да как же я пойду, ежели и ходить-то не могу? — растерянно произнес Мантуров.

— А ты попробуй.

Мантуров качнулся вперед, встал с чурбачка, на котором сидел, и утвердился на ногах, правда, с непривычки покачиваясь. Окружающие ахнули, увидев свершившееся чудо.

— Господи! Радость-то какая! — шептались дворовые люди.

— Иди, батюшка, иди! — напутствовал молодого человека Серафим.

Мантуров сделал несколько неуверенных шагов по сеням. Потом повернулся к монаху, упал ему в ноги и, плача, стал благодарить за исцеление.

Серафим нахмурился, помог помещику подняться и строго сказал:

— Разве Серафимово дело мертвить или живить, низводить в ад и возводить? Что ты, батюшка! Это дело единого Господа, который творит волю боящихся Его и молитву их слушает. Господу всемогущему да Пречистой Деве Его Матери приноси благодарение.

Мантуров ушел в гостиницу своими ногами.

Вскоре по благословию Серафима он распродал имение и крепостных крестьян и поселился в Дивееве, купив там землю. Отныне он станет служкой старца, помогая ему заботиться о Дивеевской женской обители, ибо сам Серафим после похорон матушки Александры в 1787 году ни разу Дивеево больше не посетит.

С тех пор с Божьей помощью Серафим станет излечивать от недугов многих людей.

Глава 13

Выход из затвора

В 1825 году Серафиму исполнился 71 год. Возраст почтенный. Пора, когда брренное тело начинают одолевать болезни. Образ жизни затворника не способствовал укреплению здоровья. Скудное питание, многочасовые стояния перед иконами, многолетнее пребывание в тесной келье без свежего воздуха, встречи с тысячами людей, несущими к нему свои боли, печали, страдания и недуги, которые он вынужден был вбирать в свое сердце, врачуя словом и силой, данной ему Господом, — все это изнурило организм старца. Ноги его, покрытые коростой и язвами, кровоточили, болели. Мучили его и сильные головные боли. Видя, как страдает старец, инок Гавриил, бывший у Серафима частым гостем, как-то сказал ему:

— Батюшка, я советовался с врачами из Арзамаса, когда они сюда на молебен приезжали, те говорят, что тебя надобно на лечение к ним определить.

— Я всегда верял себя только силе Божией, и она спасала меня даже в смертный час. И теперь земным врачам себя не доверю. Сколько Бог мне определил, то я и буду исполнять с терпением.

— Я знал, что ты так ответишь, и им об этом сказал. Тогда они

посоветовали тебе почаще на свежем воздухе бывать и побольше двигаться — это облегчит твои хвори, и ты сможешь помочь большему количеству страждущих.

С тех пор старец стал гулять ночами по монастырю. Время от времени его видели монахи и послушники, несущие послушание будильщиками. Так инок Филарет однажды, исполняя монашеское правило во время великого поста, увидел в сумерках согбенную фигуру.

— Кто тут? — окликнул он.

— Убогий Серафим, — прозвучало в ответ.

Подойдя поближе, Филарет увидел, что старец несет в руках большой камень. С этой тяжелой ношей он только что поднялся в гору от церкви Иоанна Предтечи. Сгибаясь под тяжестью камня, Серафим проследовал к Успенскому собору. Там, у могилы Марка-молчальника, Серафим и положил его.

— Батюшка, зачем же такую тяжесть было тащить сюда? — спросил последовавший за ним инок.

— Здесь будет моя могила, — ответил Серафим.

— Но почему ты не попросил кого-нибудь помочь тебе? Любой из нас сочтет за счастье сделать что-либо для тебя.

— Я томлю томящего меня. Не говори никому про то, что видел убогого Серафима. Умолчи об этом, радость моя.

Согбенный старец удалился в келью.

Ночные прогулки действительно принесли ему некоторое облегчение — меньше стала болеть голова, стали крепнуть ноги.

Старец, тронутый заботой инока Гавриила да и других монахов, жалевших его, испросил совета у покровительницы своей Божией Матери. И Царица Небесная явилась ему во всем величии Своем и в сопровождении святых в ночь на 25 ноября и дала разрешение на выход из затвора.

— Иди, Серафим, к людям. Небесный огонь, что тебе дан Господом Богом, ты должен передать страждущим. Кто захочет, тот спасется через тебя. Пламенная душа твоя должна трудиться на благо людей.

Наутро Серафим, сотворив молитву, отправился к настоятелю.

Нифонт был немало удивлен появлением старца. Низко поклонившись, Серафим смиренно произнес:

— Благослови, батюшка, на проживание в пустыни.

— Ты же знаешь, что я не поддерживаю пустынный образ жизни монахов, — сердито ответил Нифонт. — Братия должна жить в монастыре и исполнять общие правила. Исключения только развращают

и становятся источником роптания. Общежитский наш устав должно исполнять в полной мере. И это касается всех. Отец Дорофей, что до недавнего времени в пустынке жил, уже два месяца как преставился, Царствие ему Небесное. На сегодняшний день в пустынниках только отец Александр остался, да и того я хочу в обитель вернуть. Больше я никому не позволю жить вдали от монастыря и смущать братию, которая неукоснительно исполняет все правила.

— От меня в обители хлопот много, богомольцы, что ко мне приходят, уединение монашеское нарушают, мешают трудам братии. А я в пустынку уйду, и народ ко мне потянется. Всё обители спокойнее будет.

— Это правда. Есть в этом свой резон. Хорошо, благословляю я тебя на жительство в пустынке, но с условием: на ночь ты будешь возвращаться в свою келью. И, конечно же, должен будешь участвовать в богослужениях и ходить на причастие Святых Таин сам.

— Болен я батюшка, ноги у меня плохо ходят. Не смогу я со своей лесной кельи сюда каждый день ходить — там почитай верст шесть будет да все лесом.

— Тогда поселишься в келье, которая после покойного отца Дорофея осталась, она поближе. А не согласишься, тогда в больничную келью определим, из штата исключим, а на твое место инок в монахи пострижем. Желающих теперь немало имеется.

— Хорошо, батюшка. Я буду каждый день в обитель возвращаться. Благодарю тебя за милость твою.

Серафим отправился к келье Дорофея, в место, называемое Ближней пустынкой и находящееся в двух верстах от монастыря. Дорога шла вдоль Саровки, потому как лесом пройти было невозможно — из-за бурелома и частого подлеска. В том месте, где тропинка поднималась вверх на холм, чтобы привести к келье пустытника, которая отстояла от реки на четверть версты, был оборудован родник, что называли Богословским — благодаря иконе Иоанна Богослова, установленной рядом на столбике.

Старец подошел к роднику, помолился, попил ледяной воды и, присев на скамеечку, стал созерцать заснеженные окрестности. Привычно он шептал слова молитвы, обращенные к Божией Матери, и вспоминал о ее ночном явлении. И вдруг, чуть повыше по течению Саровки, он увидел, как с холма к нему вновь спускается Царица Небесная в сопровождении апостолов Петра и Иоанна и в привычном ореоле из небесного

света. Весь затрепетав от радости, старец упал на колени и обратился к Богоматери:

— Велика милость твоя, Госпожа, что Ты так часто являешь Свой светлый лик перед убогим монахом.

— Я хочу дать тебе новое послушание, Серафим.

— Я буду рад исполнить его, Пресветлая.

— Пора позаботиться о сиротах моих. Ты забыл о заповеди рабы моей монахини Александры.

— Но как я смогу сделать это? Дивеевская матушка-игуменья не принимает моих советов.

— Оставь Ксению с сестрами ее, а сам открой новую обитель для чистых и непорочных дев. Я укажу тебе другое место, там и устрой ее. А из монастыря возьми восемь сестер, имена их я тебе назову.

— Где же мне устраивать новую обитель?

— К востоку от нынешних келий, на задах Дивеева, против алтаря Казанской церкви. Место это обнеси канавою и валом.

— Но там же земля чужая, кто мне позволит сделать это?

— А ты похлопочи. Земля эта принадлежит генеральше Вере Андреевне Постниковой, скоро она к тебе за благословением приедет, вот ты и попроси ее о милости. А я помогу тебе.

— Чем же сестры жить-то будут? Мне запрещают им еду давать, обыскивают их, все, что ни дам, отнимают. Да и не под силу мне восьмерых-то кормить каждый день.

— А ты помоги им мельницу поставить, вот они и заработают себе на хлеб.

— Мельницу? Ведь для этого лес нужен. А где его взять? Отец Нифонт за каждым деревом догляд имеет.

— А ты купи у него лес.

— Да у меня и денег-то нет.

— Будут деньги. Скоро к тебе на богомолье богатые люди станут приходить, ты и попроси их о пожертвованиях. Они не откажут.

— Все, что прикажешь, Пресвятая Богородица, исполнит раб твой Серафим.

— Много людей к тебе будет приходить, Серафим. Лечи их словом, водой святой и Благодатью Божией.

Ударила жезлом о землю возле себя Царица Небесная, и забил в этом месте новый родник, зажурчал, засеребрился, устремляя свои воды к Саровке чуть повыше Богословского родника. И в то же мгновение Богородица

со спутниками своими растаяла, будто их и не было совсем.

Вознес Серафим небесам благодарственную молитву и стал благоустраивать новый источник со святыми водами. На берегу Саровки он собирал камешки и относил их к роднику, обкладывая берега его и русло, чтобы воды не замутились.

Прибрался он и в келье покойного Дорофея, устраивая свое новое жилище.

Через несколько дней после явления Матери Божией к Серафиму пришли за благословением любимые им сестры Дивевеской обители Параскева и Мария. Застали они его в трудах возле нового источника, которого раньше не видели. За те несколько дней, что прошли от явления Богородицы, он уже обустроил родник не хуже Богословского: колодезь углубил, обложил срубом, вокруг камешками все вымостил.

— Батюшка, откуда же здесь родничок-то? — спросила Параскева.

— То Матерь Божия его устроила. Потому вода в нем теперь целебная.

— А нельзя ли меня вылечить, отче? Который месяц кашляю и остановиться не могу.

— А зачем ты кашляешь? Брось, не надо!

— Не могу, батюшка!

— Тогда попей водицы-то святой да вознеси молитву к Богоматери. И я с тобой помолюсь.

Зачерпнул Серафим пригоршню ледяной воды из родника и напоил Параскеву. Та, напившись, посветлела лицом, улыбнулась и сказала:

— А и впрямь полегчало сразу. Ком-то в груди укатился куда-то. Спаси Господь тебя, отче.

— Да разве я это совершил? Ее, Всемилостивейшую, благодарить надо.

— Благодарю тебя, Пресвятая Дева, — перекрестилась Параскева на образок Богоматери, который Серафим, всегда нося с собою, укрепил на срубе колодца.

— Мало для благодарности твоих слов. Надобно повеление Богородицыно исполнить.

— Какое же?

— Об этом я вам поведаю, но только попозже. Пойдемте со мной в Дальнюю пустынку, где я много лет в пустынниках прожил. Там помолимся, как я когда-то молился, тогда и скажу вам о повелении Царицы

Небесной.

Серафим с Параскевой и Марией с трудом добирались до Дальней пустынки — ее в последние годы никто не посещал, тропинка заросла кустарником, ветрами буйными навалило деревьев поперек пути. Но старец, несмотря на свою немощь, упорно шел вперед.

Придя в келью, он попросил сестер прибраться, а сам сидел на крыльчке, радуясь встрече с местом, где прошли долгие годы его духовного становления.

— Батюшка, мы прибрались, — сказала, выйдя из кельи, Параскева.

— Ну что ж, пойдете, поблагодарим Господа за милость Его.

Серафим дал каждой из сестер по зажженной свече, поставил их рядом по правую и левую руку и стал молиться пред святым распятым. Более часа продолжалась молитва. Монахини были поражены тем, что творилось с ними и вокруг них во время молитвы старца. Темная келья вдруг осветилась голубым сиянием, старец стал ярким ликом, словно освещенный внутренним огнем, очи его горели пламенно, он будто вырос и стал шире в плечах, его согбенность пропала. Стало казаться, что рядом с ними вовсе и не старец, а небесный житель, посетивший убогую келью. Вокруг слышались тихое неземное пение, воздух в избушке колебался, словно от взмахов крыльев летающих ангелов.

Сестры, ощущая присутствие небесных сил, стояли, не шелохнувшись, застыв в благоговении и страхе. Когда старец окончил молитву, монахини очнулись. В их душах полыхала радость, зажженная великой Божественной силой. Никогда в жизни они не испытывали ничего подобного. Слезы умиления текли по их щекам. Дав им поцеловать распятие, Серафим рассказал о поручении Царицы Небесной.

— А почему Святая Дева назвала именно нас и других сестер?

— Да потому что вы, как и Она, девственницы. И я тоже девственник. Ведь девство есть наивысшая добродетель, как состояние равноангельское. Потому она и выбрала меня, чтобы я о вас заботился. А девственницам не гоже со вдовами вместе жить, надобно их отделить в другую обитель.

— А для чего ты нам поведал про это батюшка? — спросила Параскева.

— Станете вы мне во всем помощниками. Я ведь в Дивеево сам не могу ходить. Вот вы и будете помогать устраивать новую обитель. А тебе, Параскева, быть в этой обители старшей.

Так начались труды Серафима по устройству новой обители. Как и предсказала Пречистая Дева, землю сестрам в Дивееве подарила генеральша Постникова. Там и началось строительство мельницы. Слухи о целебном источнике, явленном Царицей Небесной и прозорливым старце, излечивающем от болезней, ширилась, собирая людей со всех краев. Немало среди страждущих было и богатых людей. На их пожертвования Серафим покупал у настоятеля лес и переправлял его в Дивеево. Строительство началось весной 1827 года, а летом мельница уже молола. Восемь сестер, удалившихся по указанию старца в мельничную обитель, могли теперь сами себя прокормить. Руководил всеми работами по строительству мельницы и по обустройству общины Михаил Васильевич Мантуров, излеченный батюшкой Серафимом и поселившийся в Дивеево. Духовным наставником по просьбе старца стал священник Дивеевской церкви отец Василий Садовский. Через него Серафим поучал сестер, каким уставом следует им жить.

Как-то отец Серафим призвал к себе Мантурова и сказал ему:

— Мишенька, радость моя, общинка-то Дивеевская бедна, нет у нее даже своей церкви. Надо бы помочь им.

— Батюшка, у меня до сих пор целы деньги, отложенные после продажи имения. Благослови меня, и я отдам их на возведение храма.

— Да благословит тебя Бог.

И Михаил Васильевич приступил к строительству церкви. Посылал к нему старец и других благодетелей, которые хотели помочь в возведении храма. Но не всякую помощь он принимал. Если человек встречался темный, жадный да корыстный, а таких Серафим узнавал легко, денег он не брал и сестрам не разрешал.

Любили старца и сестры дивеевские, и богомольцы, что тысячами шли для благословения, и послушники, и монахи Саровской обители. Да не все. Были среди братии и завистники. Пользуясь давней неприязнью настоятеля к отцу Серафиму, завистники время от времени возводили на старца хулу. Основное раздражение у них вызывало то обстоятельство, что Серафим принимал у себя в келье богомольцев обоего пола. Нифонт, подстрекаемый недоброжелательной братией, при встрече крепко попенял ему:

— Батюшка, ты зачем соблазняешь монахов наших?

— Как же, отче, я их соблазняю?

— Ты почто в келью свою женщин заводишь и подолгу с ними закрытым сидишь? Разве это монаху позволительно?

— А что же мне делать, коли и они спастись хотят? Они за душевным словом пришли, а я прогоню их? Святой Иларион великий что говорил? «Если я затворю двери моей кельи, тогда приходящие к ней, нуждаясь в слове утешения, будут заклинать меня Богом отворить двери и, не получив ответа, с печалью пойдут домой. Какое оправдание могу тогда принести Богу на страшном суде Его?»

— Братия возмущается, что ты много уделяешь времени сестрам дивеевским. К тому же против нашего общежитского устава идешь. Разве ты не знаешь, что не положено монаху ничего своего иметь — ни одежды, ни вещей, ни денег? А ты пользуешься тем, что к тебе за благословением богатые люди ходят, деньги у них берешь, а в казну монастырскую не отдаешь. Всё, что тебе благодетели оставляют, на женскую обитель употребляешь. Да и порядки в Дивеевской обители заводишь свои. Видано ли, чтобы девицы в церкви Псалтырь читали да ночевали там!? Все говорят, что по твоему наущению это делается.

— Так мне Сама Царица Небесная повелела надзирать над ними. Разве я могу завет Ее нарушить?

— Никто не ведает, правду ты говоришь или нет.

— Мне не веришь, тогда, может, знаку небесному поверишь?

— Какому знаку?

— Я помолюсь Царице Небесной, чтобы в подтверждение Ее завета по моему попечению сирот дивеевских, знак явить.

— И что же за знак это будет?

— А это Царица Небесная сама даст знать.

— А я-то откуда про это узнаю?

— Пришли ко мне завтра на Ближнюю пустынку послушника, он убедится, что знак был, и тебе поведает. А ты, батюшка не позволяй всем напрасно говорить, беспокоить себя и путников, идущих к вечности, ибо слово твое сильно и посох, как бич, для всех страшен.

Наутро на Ближней пустынке появился послушник Иоанн Толстошеев, известный в Саровской обители талантом живописца. Старца он нашел сидящим на стволе огромной, вывороченной с корнем ели, которая только вчера стояла неподалеку от кельи.

— Батюшка, да как же ты повалил ее?! — воскликнул послушник.

— Это не я ее повалил. Это Царица Небесная знак подала, подтверждая, что мое попечение дивеевских сирот по Ее повелению делается. Я помолился Богоматери, вот она дерево-то и приклонила к земле.

Еще покойные отцы Пахомий и Исайя, мои покровители, заповедовали мне о дивеевских сестрах попечителем быть. Они и сами им помогали. Сестры трудились для Саровской обители, шили, стирали белье, а им за это из монастыря давали на содержание всю пищу. Какая у нас была еда — такая и у них. Это продолжалось долго, но игумен Нифонт отменил всё по непонятной причине и отделил их от обители. Иди и скажи ему — нельзя против Царицы Небесной идти.

В ближайшие дни прибывшие на Ближнюю пустынку монахини разрубили поваленную ель и увезли в Дивеево — на дрова. А корень этого дерева долго еще хранился в женской обители, как память о великом знаке, поданном Богоматерью.

Около Богословского источника Серафим разбил огородик, где сажал картошку и лук. Благоустроил он и сам Богословский родник: сделал новый сруб, обложил вокруг камешками, чтобы облегчить подход к источнику. Часто именно у родников его и заставляли богомольцы, и он, благословляя их, поил ледяной водой и угощал сухариками, тем самым, передавая страждущим силу Господню и врачую тела и души. А вот о здоровье своего тела он вовсе не пекся. Наоборот — изнурял его по-прежнему и постом, и работой, и тяготами.

Ходил Серафим с трудом — болели ноги, но каждый вечер он неизменно возвращался в келью, как и предписывал настоятель. А в суме заплечной он носил камни. На вопросы богомольцев и братии он отвечал одно:

— Томлю томящего меня.

Нифонт все же пошел навстречу Серафиму и повелел послушникам поставить вблизи родников небольшую келейку, чтобы старец мог отдыхать поблизости, не уходя в келью Дорофея, до которой было довольно далеко. Келейка была обустроена наверху речного откоса, в ней не было ни двери, ни окон. Серафим забирался в нее, подлезая снизу, и отдыхал там от трудов и посетителей. А через год рядом поставили новую келью с печью, дверью, но без окон и такую тесную, что в ней помещаться можно было только одному человеку. Именно эта избушка и стала основным местом пребывания Серафима на Ближней пустынке.

В монастыре Серафим оставался по воскресным и праздничным дням, причащаясь за раннею литургией в любимой церкви Зосимы и Савватия, построенной на месте больничной кельи, где его когда-то излечила от смертельной болезни Царица Небесная.

Количество паломников, желавших взглянуть на старца и получить

благословение, всё росло, поэтому Серафим не имел покоя ни в пустыни, ни по дороге, ни в монастыре. Одни дожидались его вечером, когда он возвращался в свою в келью на ночь, другие приходили в Ближнюю пустынку. И было удивительно смотреть, как этот немощный, согбенный и седовласый старец давал людям великую благодатную силу, и они уходили от него осветленные душой и благодарные сердцем.

Особенно много людей было по праздникам.словно полноводная река, колыхалась толпа людей на монастырской площади, когда сквозь нее шел согбенный Серафим в полном монашеском одеянии: мантии, епитрахили и поручах. Придя в келью, старец начинал принимать богомольцев, благословляя их и даря душеспасительное слово. Его беседы согревали сердца, как бы снимали с глаз пелену, озаряя светом истины, приводили людей в чувство раскаяния и вызывали перемену к лучшему, покоряли волю, разливая в душах мир и тишину. Обладая даром прозорливости, Серафим давал людям ответы на незадаанные вопросы, проникал в суть их тайных желаний и чувств, помогая советом выходить из душевных страданий.

Почувствовав небесное расположение, Серафим никому не отказывал в помощи для облегчения телесных страданий. Особенно часты были излечения около источника, который явила Богородица. Дав попить воды из родника и вознеся молитву, Серафим на глазах богомольцев с помощью Господа излечивал немощных и больных.

Но, излечивая, старец обязательно говорил о духовности, не позволяя людям нарушать заповеди. Как-то к старцу пришел мужчина со своей матерью, которая грешила пьянством. Сын только хотел заговорить об этом ее пороке, как Серафим остановил его, не дав сказать ни слова.

— Не говори плохо о матери своей. Знаю я о вашей беде.

— Излечи ее, отче, — смиренно попросил мужчина.

— Ну что ж, матушка, посмотри-ка на меня. Так, а теперь уста-то открой.

Трижды дунув на женщину, отягощенную пороком, старец сказал:

— Ну вот и все. Излечилась твоя матушка. Только помните — не имейте в доме своем не только вина, но даже и посуды винной. И не забывайте Всевышнего благодарить за милость его.

Бывали случаи, что старец соединял разошедшихся супругов, помогал родственникам найти друг друга, указывал людям, где находится

украденное у них имущество. Благословение старца помогало людям не только в обычной жизни, но и в тяжелых испытаниях. Благодаря старца за его молитвы к Господу во спасение людей, один генерал рассказывал:

— Батюшка, а ведь ты спас меня от верной гибели. Во время турецкой кампании я оказался окруженный неприятелем. Остался у меня только один полк. А турецких войск — видимо-невидимо. И некуда идти — ни взад, ни вперед. Надежды на спасение не было никакой. Я ел твои сухарики, запивал святой водицей, что ты мне дал, и твердил непрестанно: «Господи, помилуй молитвами старца Серафима». И Бог сохранил меня от врагов невредимым.

— Великое средство к спасению — вера! — сказал в ответ старец.

Сила Серафима в минуты молитв была так велика, что люди поражались переменам, происходившим с ним. Некоторые даже видели, как он отделялся от земли или от пола и парил в воздухе.

Такое видение было и у больного племянника одной княгини из Петербурга.

— Отче, да ты же сейчас в воздухе витал, — сказал больной юноша, возлежавший на скамейке в келье старца.

— Это тебе привиделось, радость моя. Никому об этом не говори, когда выйдешь отсюда.

— Да я и ходить-то не умею.

— Умеешь. Вставай и иди.

Юноша встал и к своему удивлению пошел.

— Только не говори никому, что видел, — опять сказал вслед ему Серафим. — Иначе болезнь-то опять вернется.

Прознав о таких видениях, что возникали у окружающих в минуты его единения с небесами, Серафим старался совершать такие молитвы наедине. А если все же кто-то оказывался рядом, просил отвернуться от него и не поворачиваться.

Много разного люду побывало у старца. Никому он не отказывал в беседе и благословении. Лесная тропинка к Ближней пустынке превратилась в широкую натопанную и наезженную дорогу. Тысячи людей несли по ней в сердцах печаль свою к старцу в надежде излечиться от сердечных мук и получить духовную поддержку от земного ангела, как его иногда называли в народе. Были то и бедные крестьяне, еле-еле сводящие концы с концами, и замученные нищетой и тяжким трудом

ремесленники, и мятущиеся монахи, изнуренные постами и сомнениями, и жадные до духовных бесед послушники, и важные особы. Никого не щадили жизненные несчастья и душевные страдания. Всех их принимала пыльная дорога, ведущая к старцу Серафиму, умевшему лучше всех говорить с небесами.

Конечно же, при появлении родовитых и богатых паломников руководство монастыря принимало высоких гостей по особому разряду. Настоятель Нифонт самолично встречал и провожал их, устраивал пышную трапезу, обеспечивал доступ ко всем святыням.

Так было и при появлении в обители великого князя Михаила Павловича в 1826 году. Узнав, что высокий гость желает получить благословения старца Серафима, Нифонт послал за иеромонахом на Ближнюю пустынку. Запыхавшийся послушник, прибежав к келье старца, еле смог выговорить:

— Батюшка Серафим, настоятель тебя требует в обитель — гость высокий прибыл, князь Михаил Павлович. Желает получить благословение твое. Поспеши, а то меня заругают.

Серафим в это время благословлял крестьян, прибывших из Балькова. Закончив наставления и одарив каждого богомольца сухариками и напоив водой из святого источника, Серафим взял посох и отправился в монастырь. По дороге ему то и дело встречались паломники. Завидев бредущего им навстречу согбенного старца, они низко кланялись и испрашивали у него благословения. Никому не отказывал Серафим. Он тоже низко кланялся людям, иногда даже целовал им руки, хотя они были самого простого звания.

— Радость моя! Христос воскрес! — говорил он, и сразу светлели лица богомольцев, ибо от слов этих веяло любовью, участием и какой-то неземной силой, дарующей опору и надежду.

Нетерпеливый послушник, посланный за старцем, постанывал от недовольства, что простые люди задерживают Серафима, препятствуя скорейшей встрече с высокой особой. Но Серафим, не обращая внимания на понукания посланника, неторопливо читал молитвы и каждому из встреченных богомольцев говорил ободряющие слова, которые, словно живительная вода, лечили страждущих от душевных и телесных недугов.

— Не печалься, матушка, будут у тебя трое взрослых детей.

— Да как ведь двенадцать уже умерло в младенчестве, батюшка.

— А ты сходи к роднику, что Богоматерь явила, да помолись ей.

Выпьешь водицы, умоешься, вот Царица Небесная и дарует тебе здоровых детишек.

— А мне-то что делать, батюшка?

— И ты тоже молись, отрок, хворь твоя не вечна, на, возьми вот сухариков. А за водицей тоже на источник ступай. Да когда пить-то будешь, трижды молитву к Господу нашему вознеси.

И всех старец поражал знанием их скорбей еще до того, как они произносили что-либо, называл их по именам, корил в старых грехах, о которых они и думать-то забыли.

Негасимый огонь его души согревал всех страждущих, освещая им путь впереди, помогая ярко видеть их заблуждения и возбуждая жажду новой лучшей жизни.

Великого князя Серафим принял в своей келье.

Михаил Павлович поначалу удивился, увидев пред собой согбенного седого старика, одетого в простой, сильно потрепанный белый балахон и черную камилавку. Убранство кельи тоже поразило бедностью и аскетизмом. Даже кровати в келье не было. Березовые чурбачки вместо стульев, небольшой столик с иконой Богоматери да в красном углу образ Спасителя, перед которым горело множество свечей. Не было никакой торжественности и величия, которое предполагалось, по его разумению, в старце. Видя разочарование князя, Серафим улыбнулся и сказал:

— Что, радость моя, хоромы Серафимовы не приглянулись? Так мои-то палаты на небесах уже устроены, а здесь я гость, скоро уж домой отправлюсь.

— Отче, да разве так можно жить? Неужели настоятель тебя не любит, что содержит в такой бедности?

— Отец Нифонт у нас хороший, батюшка. При нем обитель-то расцвела в полную силу. И доходы у монастыря поднялись в разы, и братии стало больше. Разбогател монастырь-то. Все тяжелые работы по строительству бригады наемные исполняют. Легче стало монахам жить. Только к лучшему ли это? Мирские-то соблазны, роскошь да безделье только вредят на пути к Небесному Царству.

— Благослови, отче.

— Покаяться надо сначала, радость моя. Готов ли ты грехи свои перед Богом осудить?

— Готов.

— Тогда становись перед образом Спасителя на колени и повторяй за мной.

Накрыв голову великого князя епитрахилью, Серафим возложил сверху свою правую руку. Вслед за ним великий князь говорил слова покаяния:

— Согрешил я, Господи, согрешил душою и телом, словом, делом, умом и помышлением, и всеми моими чувствами: зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием, волею или неволею, ведением или неведением...

А потом, чувствуя неземное облегчение, каялся в совершенных грехах.

Иеромонах прочитал разрешительную молитву: «Господь и Бог наш, Иисус Христос, благодатию и щедротами Своего человеколюбия, да простит ти, чадо Михаил, вся согрешения твоя; и аз, недостойный иеромонах, властью Его, мне данною, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь».

Начертав на лбу высокого посетителя крест елеем, Серафим дал Богоявленной воды и антидора.

— Христос воскрес! — под конец сказал старец и перекрестил Михаила Павловича Святым распятием.

Князь, исполненный небывалого душевного подъема и светлой радости, которая была для него внове, спросил:

— Отче, я слышал, что для тебя открыты страницы будущих времен. Скажи, что ждет Россию?

— Испытания тяжкие грядут. Через двадцать лет после моей смерти на Россию восстанут три державы и много изнурят ее. Но за православие Господь помилует и сохранит ее. А в следующем веке произойдет великая продолжительная война и страшная смута в России, превышающая всякое воображение человеческое, ибо кровопролитие будет ужаснейшее: бунты Разинский и Пугачевский и французская революция — ничто в сравнении с тем, что будет с Россией. Произойдет гибель множества верных отечеству людей, разграбление церковей Господних, уничтожение и разграбление богатства добрых людей, реки крови русской прольются. А в середине века на земле случится самая страшная и кровопролитная война, в которой погибнут десятки миллионов людей. На Россию хлынут полчища жестоких ворогов прусских в железных колесницах. А с воздуха им будут помогать железные птицы, из утроб которых на села и города обрушатся бомбы, сила коих настолько велика, что огромные дома в одно мгновение будут превращаться в груды мусора. Множество людей российских будет убито, многих потравят ядовитыми газами, миллионы

угонят в рабство. И устроятся во вражьих землях лагеря, в которых будут заживо гнить православные люди. Из младенцев будут выкачивать кровь и бросать их тела в колодцы. Живых людей станут резать на куски, чтобы посмотреть, как они будут мучиться. Тысячи и тысячи людей отправят в печи огромные, и черным пеплом из человеческого праха усеется земля. Заполыхают деревни вместе с жителями, стон и плач вознесутся к самым небесам, но глухи будут небеса, ибо это кара за неверие и поругание святынь.

— Так что же — Россия погибнет?

— Нет. Господь помилует Россию. Он ее любит и потому приведет ее путем страданий к великой славе.

— Можно ли избежать этих страданий?

— Отступает народ от заповедей Господних, потому и наказание будет неизбежным.

Интересовало будущее и других паломников. Осенним днем 1830 года в келью Серафима постучался кудрявый дворянин смуглой наружности.

— Радость моя, — встретил его поклоном Серафим, и поцеловал руку. — Я ждал тебя.

Посетитель смутился и сам приложился к руке иеромонаха, испрашивая благословения.

— Батюшка, мне рассказали о твоём удивительном даре прозорливости приятели мои — помещики Левашовы из села Нуча Ардатовского уезда. Смею ли я попросить тебя поведать о моей дальнейшей судьбе?

— Господь определяет наши пути. Он ради блага нашего закрыл туманом будущие годы. Живи сегодняшними заботами и благодари Бога за каждый дарованный им день.

— Скажи только — своей ли я смертью умру? Чего бояться мне?

— Раб Божий Александр, бойся своей горячности. Опасность тебя поджидает со стороны белого чужестранца.

— Сколько еще мне отпущено жизни, батюшка?

— Не о том думаешь, радость моя.

— О чем же нужно думать?

— О спасении души своей.

— Или она не спасется?

— Грехи на тебе тяжкие есть.

— Какие, батюшка?

— Господь тебе дар великий дал — радовать и возвышать поэтическим словом души человеческие. А ты дар-то свой во вред употребляешь.

— Разве мои сочинения плохи?

— Они чудесны. Они, как молитвы, лечат сердца многих людей. Но не все. Вспомни бесовскую поэму свою. Почто ты Непорочную Деву оскорбил? Она ведь заступница наша, чище Ее никого нет. А ты про Нее такие скверные слова говорил.

— Прости, отче. Стыдно мне. Бес, видать, попутал. Озорство мое он иногда так разжигает, что остановиться не могу.

— У Пречистой прощения надо просить, а не у меня. Давай встанем оба на колени перед Ее Пресветлым образом да и помолимся. Она простит, если раскаяние будет искренним. Самое страшное для человека — нераскаянный и не прощенный грех.

Монах и поэт встали перед иконой Богородицы на колени и молились не менее часа. И гость с удивлением видел, как преображался облик монаха, становясь источником неземного света и теряя плоть свою. Старец словно парил над полом, освещая все вокруг своим внутренним сиянием. Стены темной кельи раздвинулись, а потом и вовсе растаяли в голубой дымке полной божественной музыки.

Очнувшись после молитвы, поэт даже не мог определить, сколько прошло времени, — то ли минуты, то ли года, так сильно на него воздействовали видения, рожденные смиренной молитвой монаха.

— Ну вот и славно, — сказал Серафим, — слезы твои свидетельствуют об истинном раскаянии. Значит, ты на пути к спасению. А я за тебя теперь молиться часто буду. Да и ты не забывай к Господу обращаться. Он милостивый, простит тебя и в Царство Небесное дорогу откроет.

Поэт, тронув себя за щеки, ощутил, что они мокры от слез. Эти слезы принесли ему невиданное и не испытанное раньше облегчение.

— Благодарю тебя, батюшка, ты и вправду своими молитвами спас меня. Страсти мятежные терзают мою душу, нет мне покоя, нет опоры в душе. Спасибо тебе за труды твои.

— Бог спасет. Поезжай, радость моя. В Арзамасе-то тебя в жандармском управлении ждут — отмечаться тебе пора.

— Да я скажусь, что в гостях на званом обеде у графа Салтыкова в Выездной слободе был. Он подтвердит, о том договоренность есть. Благослови, батюшка на дальнейшие труды.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Уехал мятежный поэт в Арзамас, а монах всю ночь молился о спасении его души. Больше им на этом свете встретиться не довелось. Земного пути им оставалось совсем мало. Одному — меньше трех лет, другому — меньше семи.

Глава 14

Волею Господа

Людей, конечно же, поражала удивительная способность прозорливости Серафима, но главное было не в этом. Сила его слова, умение коротко и убедительно определить путь, по которому должен идти человек для искупления многочисленных грехов, восхищали и простых, и именитых паломников. Многие из них исправляли свою жизнь, следуя советам старца и веря в их Божественное происхождение.

Однажды в келью к старцу пришли строитель Высокогорной пустыни архимандрит Антоний и владимирский купец Остроухов. Купец был важный, крепко сбитый, черным волосом заросший, взгляд суровый, твердый — такого не сломишь, не запугаешь. Отца Антония Серафим попросил обождать, а с купцом начал разговаривать.

— Радость моя, веруешь ли ты в Бога?

— Верую.

— А боишься ли ты Страшного Суда, на котором все грехи твои гирями на ногах повиснут и потащат тебя на самое дно преисподней?

— Боюсь.

— Так что же ты, радость моя, в грехах своих не покаешься? Жизнь ведешь неправедную, грехи твои множатся. Разве можно так с бессмертной душой поступать? Вот ты, Григорий Парфенович, курскому купцу Аксенову гнилое сукно продал да еще и радовался — вон как ловко человека обманул. А ведь он по твоей милости и разориться может. А у него детишек малых семеро — их поить, кормить надо.

— Каюсь, батюшка, бес попутал.

— А Настеньку, доченьку свою, почто за немилого отдать хочешь?

— Так ведь капиталы хотим слить с купцом Роговым.

— Вот о капиталах подумал, а свое родное дитяtko обидеть хочешь. Она всю жизнь страдать будет. Разве можно так-то?

— Отче, не казни, не буду доченьку за немилото отдавать. Пусть со своим Ваняткой венчается, Бог с ней.

— Вот и ладно, вот и хорошо...

Чем дальше говорил Серафим с купцом, тем покорнее тот становился; вид суровый, словно воск горячий, стоял, широкая спина согнулась, голова поникла, из глаз потекли слезы. Под конец беседы он стал горячо и истово молиться вместе с Серафимом, и молитва его была искренна и радостна.

Пораженный увиденным и услышанным архимандрит Антоний сказал иеромонаху:

— Батюшка, душа человеческая перед тобой открыта, как лицо в зеркале: не выслушавши духовных нужд и скорбей купца, ты ему все и высказал. Теперь я вижу: ум твой так чист, что от него ничего не скрыто в сердце ближнего.

— Не так говоришь, радость моя, — ответил кротко Серафим. — Сердце человеческое открыто одному Господу, и один Бог сердцеведец.

— Да как же, батюшка, ты не спросил у купца ни единого слова, а все сказал, что ему нужно!

— Он шел ко мне, как и другие, как и ты, шел, яко к рабу Божию. Я, грешный Серафим, знаю, что я грешный раб Божий: что мне повелевает Господь, то я и передаю требующему полезного. Первое помышление, являющееся в душе моей, я считаю указанием Божиим и говорю, не зная, что у моего собеседника на душе. Я верую, что так мне указывает воля Божия для пользы человека. А бывают случаи, когда мне выскажут какое-либо обстоятельство, и я, не сверив его с волей Божией, подчиню своему разуму, думая, что это возможно, не прибегая к Богу, решить своим умом: в таких случаях всегда делается ошибка.

— Так ты, значит, не волен в речах своих?

— Как железо кузнецу, так я передал себя и свою волю Господу Богу: как Ему угодно, так и действую, своей воли не имею, а что Богу угодно, то и передаю.

Вера Серафима в свою способность передавать волю Божью людям творила чудеса.

5 сентября 1831 года к нему на Ближнюю пустынку привезли больного двадцатидвухлетнего помещика Мотовилова. Молодого человека положили к ногам старца дворовые люди: четверо его несли, пятый поддерживал голову.

— Радость моя, что произошло с тобой? — участливо спросил

Серафим молодого человека.

— Ноги у меня отнялись, батюшка. Распухли, болят так, что мочи нет. Лежу уж третий год. По спине и на боках язвы образовались.

— Из-за чего же все приключилось?

— Врачи говорят, душевные переживания сгубили меня.

— Облегчи, душу, расскажи о них.

— Отче, ты, наверное, знаешь, что у нас большую силу масоны взяли.

— Знаю я про них, великий вред православной вере они наносят.

— Мне как-то приятели предложили вступить в масонский орден, а я отказался.

— Правильно сделал, радость моя. Бесовское это измышление.

— А в масонах у нас много больших начальников числится. Вот через приятелей моих они и объявили, что отныне не будет мне ходу в служебной карьере. И с тех пор стали меня по службе мытарить да козни строить. Со мной и приключился удар: ноги отнялись, слабость во всем теле.

— А лечился ли у врачей-то?

— Лечился, батюшка, лечился. Обращался к знаменитым докторам в Казани: к Василию Леонтьевичу Телье и ректору Императорского Казанского университета Карлу Федоровичу Фуксу. Был на минеральных водах в Самарской губернии, взял полный курс лечения и гомеопатии у самого основателя и изобретателя сего способа Ганнемана через ученика его пензенского доктора Питерсона. Но никто из них вылечить меня не смог. Нет больше ни на кого надежды, кроме как на тебя, отче, и на милость Божию.

— А веруешь ли ты в Господа Иисуса Христа, что Он есть Богочеловек и в Пречистую Божию Матерь, что Она есть Приснодева?

— Верую, отче.

— А веруешь ли ты, что Господь, как прежде исцелял мгновенно и одним словом или прикосновением Своим все недуги, бывшие в людях, так ныне так же легко и мгновенно может исцелить требующих помощи, одним же словом Своим, и что ходатайство к Нему Божией Матери за нас всемогуще, и что по сему Ее ходатайству Господь Иисус Христос и ныне так же мгновенно и одним словом может всецело исцелить тебя?

— Истинно верую, батюшка. Всей душою моей и сердцем верую. Если бы не веровал, то не велел бы везти сюда.

— А если веруешь, то ты здоров уже!

— Как здоров?! Да я же и пошевелиться не могу!

— А давай я тебе помогу встать-то, опирайся на мои руки.

Юноша потянулся к старцу, который говорил так убежденно, что хотелось верить ему. С помощью монаха Мотовилов поднялся с земли и встал на слабых, дрожащих ногах.

— Крепче стой, — сказал Серафим, поддерживая юношу, — тверже укрепляйся ногами на земле. Вот так, не робей, ты совершенно здоров теперь! Видишь, как ты хорошо стоишь!

— Так я поневоле хорошо стою, потому что ты, батюшка, держишь меня.

Иеромонах отнял руки от больного и сказал:

— Ну вот теперь и не держу, а ты и без меня крепко стоишь, иди же смело, радость моя.

Мотовилов сделал над собой невероятное усилие и шагнул вперед, пошатнулся, уцепился за протянутую руку Серафима, шагнул еще раз, еще и... пошел, ведомый монахом по траве вокруг огромной сосны, что росла рядом с откосом.

— Ну вот, радость моя, видишь, как ты хорошо ходишь?

— Да это потому, что ты, батюшка меня ведешь.

— Нет, — ответил Серафим и отнял свою руку. — Сам Господь совершенно исцелить тебя изволил, и Сама Божия Матерь о том упросила Его. Ты и без меня теперь пойдешь и всегда хорошо ходить будешь, иди же...

Оставшись без опоры, юноша воскликнул:

— Да эдак я упаду и расшибусь!

— Не ушибешься, а твердо пойдешь.

И действительно — с каждым шагом силы все больше вливались в ослабевшее тело Мотовилова. Он улыбался, по щекам его текли слезы. Плакали и все стоящие рядом богомольцы. Свершившееся на их глазах чудо поразило людей, они падали на колени и истово молились.

— Довольно уже, — остановил юношу старец. — Что, теперь удостоверился, что Господь действительно всемогущ? Веруй же всегда и несомненно в Него, Христа Спасителя нашего, всем сердцем возлюби Его и прилепись к Нему всей душой и всегда крепко надейся на Него и благодари Царицу Небесную за Ее к тебе великие милости. Но пока сильно не утруждай себя, теперь ходи ежедневно, но понемногу, привыкай, береги свое здоровье, как драгоценный дар Божий.

Без посторонней поддержки Мотовилов забрался в экипаж и уехал в гостиницу. Весть о сотворившемся чуде понеслась во все стороны света.

С тех пор здоровье Мотовилова пошло на поправку. Он часто стал навещать к Серафиму. Долгие разговоры с мудрым и добрым старцем окрыляли молодого человека, даря ему опору и важные жизненные ориентиры. Ради таких бесед Мотовилов готов был ждать сколько угодно, лишь бы попасть на встречу с батюшкой Серафимом. Как-то месяца через два после своего исцеления он приехал ранним утром на Ближнюю пустынку с саровским гостиником монахом отцом Гурием. Но келья Серафима оказалась закрытой. Богомольцы расположились у источника и стали ждать. Вскоре появились и другие паломники, желавшие получить благословение старца. Но Серафим не выходил к людям. К вечеру местность возле кельи заполнилась толпой. Сумерки сгущались, надежды на появление Серафима таяли, и богомольцы потянулись в монастырь. Вокруг стоял темный глухой лес, в котором водилось немало зверей, поэтому оставаться на ночь здесь было и страшно, и опасно. Наконец и отец Гурий, смутившись духом, сказал Мотовилону:

— Уже темно, батюшка, и лошадь проголодалась, и мальчик-кучер есть, вероятно, хочет, да и мы с тобой не пивши, не евши целый день тут находимся. Поедем, а то как бы звери на нас не напали.

— Нет, отец Гурий, поезжай ты один назад, если боишься чего. Я буду дожидаться благословения батюшки Серафима. Пусть даже умру здесь с голоду, пусть дикие звери меня растерзают, но от своего я не отступлюсь — буду ждать, пока двери святой кельи не откроются.

Не мог по-иному думать и говорить пылкий юноша. Ведь совсем недавно он был недвижимым. Отчаявшись в помощи человеческой, он мысленно уже вычеркнул себя из числа живых. И вдруг почти в одно мгновение старец Серафим вдохнул в него жизнь, вернул, казалось бы, навсегда утраченное здоровье, сделал сильным, бодрым. Горячую любовь и несказанную благодарность испытывал Мотовилов к своему спасителю, потому и жаждал каждый раз новой встречи с ним.

Дверь кельи вдруг отворилась, и на пороге показался согбенный Серафим. Мотовилов от радости прослезился:

— Здравствуй, батюшка, благослови раба Божиего.

— Радость моя, не взыщи, ныне среда, и я безмолвствую. А вот завтра — милости просим, я буду рад с тобой побеседовать. Но приезжайте не так рано, как сегодня, а то, не кушавши целый день, вы

изнемогли сильно. После поздней обедни, подкрепившись довольно пищею, пожалуйста с отцом Гурием ко мне. А теперь поезжайте, поздно уже... Помогай вам Господь!

Благословив богомольцев, старец снова затворился в келье.

Несмотря на голод и усталость, Мотовилов был на седьмом небе от счастья. Каждый раз видя старца и получая его благословение, он переполнялся радостью настолько сильной, что не мог говорить от обу-реваемых чувств.

На другой день, в четверг, а было это на последней неделе ноября, молодой человек вновь приехал с отцом Гурием на Ближнюю пустынку. Снег уже лежал на земле довольно толстым слоем, с небес сыпалась гу-стая снежная крупа. Серафим поприветствовал гостей низким поклоном, потом, обращаясь к Мотовилову, сказал:

— Радость моя, пойдем-ка мы с тобой в лес, неподалеку полянка хорошая есть, там в уединении мы и побеседуем, а то тут богомольцы не дадут поговорить-то. А отец Гурий здесь пока подождет.

Углубившись в дремучий лес, собеседники вышли на небольшую поляну. Серафим усадил молодого человека на пенек, а сам присел на-против на поваленное дерево.

— Я вижу, радость моя, что тебя беспокоит вопрос о цели жизни христианской?

— Да, батюшка, о том я всех спрашиваю лет с двенадцати, но ни-кто мне не может ответить. А откуда же ты знаешь про это?

— Да это нетрудно, радость моя. Про твои мысли мне Господь поведал. Да и я ведь тоже с малолетства об этом всех спрашивал и тоже, как и тебе, никто ответа мне не давал.

— Батюшка, да неужто и тебя сомнения да поиски душевные терзали?

— Так я такой же человек, как и ты. Как и все, я сквозь сомнения да соблазны проходил. Да вот с Божьей помощью выстоял, праведный путь обрел. И помогла мне цель себе правильную поставить в самом на-чале пути одна духовная особа, старец Досифей.

— А мне духовные-то особы говорили: ходи в церковь, молись Богу, твори заповеди Божии, твори добро — вот тебе и цель жизни христиан-ской. А некоторые даже корили, что занят небогоугодным любопытством. Говорили — выше себя не ищи!

— Они неправильно тебе говорили. Вот послушай меня, убого-го Серафима, я растолкую тебе, в чем действительно эта цель состоит.

Молитва, пост, бдение и всякие другие дела христианские, сколько ни хороши они сами по себе, однако не в делании только их состоит цель нашей христианской жизни, хотя они и служат необходимыми средствами для достижения ее. Истинная же цель нашей христианской жизни состоит в стяжании Духа Святого Божиего.

— Как же в стяжании? Я что-то не понимаю, — сказал молодой человек.

— Стяжание все равно, что приобретение. Ведь ты разумеешь, что значит стяжание денег. Так все равно и стяжание Духа Божия. Цель жизни мирской обыкновенных людей есть стяжание или наживание денег, а у дворян сверх того — получение почестей, отличий и других наград за государственные заслуги. Стяжание Духа есть капитал, но только благодатный и вечный.

— А как же стяжания этого добиться?

— Молитвами, бдением, постом, милостыней да делами добрыми. Но дела-то добрые должны твориться только во имя Христа. В противном же случае человек не вправе жаловаться, что добро его не пошло в дело. В нас действуют три воли: первая — Божия, всесовершенная и всеспасительная; вторая — собственная своя, человеческая, то есть не пагубная, но и не спасительная; третья — бесовская, пагубная. И вот эта-то третья вражеская воля и научает человека или не делать никаких добродетелей, или делать их из тщеславия. Стяжание Духа Святого возможно только когда делами добрыми руководит первая воля, Божеская.

— А какая наивысшая добродетель приносит нам Благодать Господню?

— Всякая добродетель, творимая ради Христа, дает благодать Духа Святого, но более всего дает молитва, потому что она как бы всегда в руках наших, как орудие для стяжания благодати Духа. Захотели вы, например, в церковь сходить, да либо церкви нет, либо служба отошла; захотели бы нищему подать, да нищего либо нет, либо нечего дать; захотели бы девство соблюсти, да сил нет этого исполнить по сложению своему или по усилиям вражеских козней, которым вы по немощи человеческой противостать не можете. А до молитвы уже это никак не относится: на нее всякому и всегда есть возможность — и богатому, и бедному, и знатному, и больному, и праведнику, и грешнику.

Долго говорили отец Серафим и Мотовилов. Старец подробно и терпеливо разъяснял пытливому молодому человеку как следует добиваться Стяжания Духа Святого, как понять, что он пребывает с тобой,

как удержать его в себе. Многочисленные цитаты из Библии и книг православных святых поддерживали его аргументы, украшали назидания яркими картинами, вносили в беседу глубину и убедительность, хотя юноша и так верил своему наставнику, словно небожителю. Жадно впитывал он каждое слово, каждую картину, вылепленную старцем своими речами, каждую заповедь, услышанную в разговоре. Впервые в жизни устами согбенного и убеленного сединой монаха с ним говорили небеса.

— Батюшка, а каким же образом узнать мне, что я нахожусь в благодати Духа Святого?

— Это, ваше Боголюбие, очень просто. Когда Дух Святой присутствует в тебе, ты легко ощущаешь его.

— Да как же я буду уверенным, что он со мной находится, ежели я и не знаю, что это такое? Надобно, чтобы я понял это хорошенько!

— Дай свою руку, радость моя. Вот теперь мы оба в Духе Божием пребываем! Что же ты не смотришь на меня?

— Не могу, батюшка, смотреть, потому что из глаз твоих молнии сыпятся. Лицо твое сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли!

— Не устрашайся. И ты теперь сам светлым стал, как и я сам. Ты теперь в полноте Духа Божиего, иначе ты бы меня таким не видел. Благодарите же Господа Бога за неизреченную милость. Ты видел, что я и не перекрестился даже, а только в сердце моем мысленно помолился Господу Богу и внутри себя сказал: «Господи! Удостой его ясно и телесными глазами видеть то сошествие Духа Твоего, которым Ты удостоиваешь рабов Своих, когда благоволишь являться во свете великолепной славы Твоей!» И вот, батюшка, Господь и исполнил мгновенно смиренную просьбу убогого Серафима. Как же нам не благодарить Его за этот Его неизреченный дар нам обоим! Не всегда и великим пустынноикам являет Господь милость Свою. Эта благодать Божия благоволила утешить сокрушенное сердце твое, как мать чадолюбивая, по предстательству Самой матери Божией. Что ж, батюшка, не смотришь мне в глаза? Смотри просто и не бойся — Господь с нами!

Мотовилов взглянул в лицо старца и еще больше благоговейный, священный ужас охватил его. Он видел солнце, и в середине его, в самой блистательной яркости полуденных лучей, пребывал старец, с ним разговаривающий. Юноша видел движение уст его, меняющееся выражение его глаз, слышал его голос, чувствовал на плече его руку, но не видел ни его фигуры, ни себя, а только свет ослепительный и простирающийся

далеко, на несколько сажен кругом и озаряющий ярким блеском своим и снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпающую собеседников.

— Что ты чувствуешь теперь, радость моя? — спросил старец.

— Необыкновенно хорошо! — с восторгом выдохнул Мотовилов.

— Да как же хорошо? Что именно?

— Чувствую я такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить не могу!

— А еще что ты чувствуешь?

— Необыкновенную сладость и радость во всем сердце! И еще теплоту необыкновенную!

— Как, батюшка, теплоту? Да мы ведь в лесу сидим. Теперь зима на дворе и под ногами снег. На нас более вершка снегу и сверху крупа падает. Какая же может быть теплота?

— А такая, какая бывает в бане, когда поддадут на каменку и из нее столбом пар валит.

— И запах такой же, как в бане?

— Нет, на земле нет ничего подобного этому благоуханию. Когда еще при жизни матушки моей я любил танцевать и ездил на балы и танцевальные вечера, то матушка моя опрыснет меня, бывало духами, которые покупала в лучших модных магазинах Казани, но те духи не издают такого благоухания.

— И сам я чувствую то же, что и ты, да нарочно спрашиваю у тебя. Сущя правда твоя, никакая приятность земного благоухания не может быть сравнена с тем благоуханием, которое мы теперь ощущаем, потому что нас теперь окружает благоухание Святого Духа Божия. Вот ты сказал, что вокруг нас тепло, как в бане. А посмотри-ка, ведь ни на тебе, ни на мне, и ни под ногами снег не тает. Стало быть, теплота эта не в воздухе, а в нас самих. Именно такой теплотой согреваются пустычники и пустыницы, не боясь зимнего мороза, будучи одеваемы, как в теплые шубы, в благодатную одежду от Святого Духа истканную. Такой же теплотой согревался и я, когда холодными ночами молился за спасение людей. Теперь понимаешь, почему так важно трудами праведными добиваться стяжания Духа Святого?

— Понимаю, батюшка. Но я боюсь, что не смогу навсегда запомнить так живо и явственно эту милость Господню, что я испытал сегодня.

— Господь поможет тебе навсегда удержать это в памяти, иначе благодать Его не преклонилась бы так мгновенно к смиренному молению моему. Да и, тем более, не для тебя одна милость такая дана, а через тебя — для мира целого, чтобы и другие утвердились в деле Божиим.

— А почему же я удостоен чести такой великой? Я ведь не монах и подвигов молельных, как ты, не совершал.

— Господь ищет сердца, преисполненные любовью к Богу и ближнему — вот престол, на котором Он любит восседать и на котором Он является в полноте пренебесной славы. Вот и все я тебе сказал и на деле показал, что Господь и Божия Матерь через меня, убогого Серафима, тебе сказать соблаговолили. Иди же с миром. Тебя там, поди, отец Гурий заждался. Господь и Божия Матерь с тобою пребудут всегда.

Глава 15

Кончина

— Батюшка, разреши художнику из Арзамаса с тебя портрет списать, — попросил как-то инок Гавриил.

— Да что ты, радость моя! Кто я, убогий, чтоб позволил списать с себя вид мой?

— Да ведь тебя любят все, к тебе за сотни, а то и за тысячи верст люди идут и едут. И ты всем Божественный свет даришь, которым тебя Господь наградил. Сухарики, которые ты раздаешь, излечивают лучше лекарств, вино и вода из твоих рук целебными становятся. Все, к чему ни прикоснешься ты, небесную силу обретает. Вот и портрет твой, я думаю, такой же силой будет обладать.

— Изображают лики Божественные и Святых, а мы, грешные, стоим ли того, чтобы сохранять наш образ?

— Ты, отче, стоишь этого. Благодать Господня на тебе.

— Тщеславие свое надо в корне изничтожить.

— Так не ради тщеславия позволь, а ради любви к людям. Ты же ранее разрешал портреты с себя писать: говорят, известный художник Евстафьев для дворянки Анненковой писал. А потом и арзамасский художник Осип Серебряков тебя срисовывал. Но портретов этих не найти теперь нигде. Послушник Иоанн Толстошеев тоже хорошо образ твой воспроизвел, но он у себя его хранит. И мне бы хотелось такой образ

в келье иметь, чтобы беседы наши продолжались и после твоей пресветлой кончины, о которой ты не раз говорил.

— Хорошо, будь по-твоему, зови художника-то, я буду молитвы Господу возносить, а он пусть свою работу делает.

Гавриил говорил правду — все чаще стал упоминать отец Серафим о собственной кончине.

О том, что заканчивается земное существование, поведала старцу Царица Небесная в очередном Своем явлении ему за один год и девять месяцев до его смерти. Это произошло 25 марта 1831 года.

В то время у него в келье была дивеевская монахиня Евдокия. Сняв с себя мантию и надев ее на монахиню, Серафим стал читать каноны и акафисты. И вдруг в келье раздался шум, вроде ветра, засиял яркий свет, полилось благоухание, раздалось пение. Монахиню обуял страх. Заметив, что женщина задрожала и стала плакать, Серафим успокоил ее:

— Не убойся, не утрашись, благодать Божия к нам является.

— Достойна ли я, батюшка, получить благодать такую по грехам моим?

— Хоть и недостойна ты, но я упросил Господа и Божию Матерь, чтобы видеть тебе эту радость! Давай молиться. Повторяй за мной: «О, преблагословенная Пречистая Дева, Владычица Богородица!»...

Темные стены маленькой кельи растаяли, и голубой неземной простор хлынул внутрь. Первыми шли два ангела с ветвями, украшенными невиданными цветами. За ними — святой Иоанн Предтеча и святой Иоанн Богослов в белых блистающих одеждах. А потом вплыла в келью Богоматерь и с нею — двенадцать дев. На Царице Небесной была надета алая мантия несказанной красоты, застегнутая сверкающим камнем. Поручи на Ее руках и епитрахиль, наложенная сверх платья, и мантия были выложены крестами. Она казалась выше всех дев. На голове Ее сияла корона. Лик Ее так был светел, что больно глазам. Прекрасные девы в венцах шли за ней попарно.

От всего этого сияющего великолепия монахиня впала в забытие. Когда она очнулась, отец Серафим уже стоял не на коленях, а на ногах перед Богоматерью, и Она говорила с ним, как с родным человеком:

— Рада я, как ты исполняешь волю Господа, Серафим. Люди от тебя уходят с огнем Божественным в груди. Многих ты наставил на путь истинный. Но скоро завершится твоя земная дорога. Пора тебе готовиться к иной жизни.

— Я счастлив этому, Владычица мира! Но ведь страждущих еще

так много, ко мне приходят тысячи людей. Как же я оставлю их?

— Не беспокойся, твоя любовь к людям будет доходить до них и после твоей смерти. Ты и с небес сможешь помогать любящим тебя и нуждающимся в помощи. Будут исцеляться больные, найдут опору страждущие, с твоим именем людям легче будет преодолевать козни дьявола.

— Какое послушание мне исполнить в оставшийся срок?

— Позаботься о девах моих дивеевских.

— О, Пречистая, я собираю их, но сам собою не могу ими управлять.

— Я тебе, любимче мой, во всем помогу. Кто обидит их, тот будет поражен от меня. Кто послужит им ради Господа, тот помяновен будет перед Богом.

— Вот здесь одна из сестер дивеевских — матушка Евдокия, за которую я просил Тебя, Владычица, быть при явлении Твоём.

— Встань, раба Божия.

— Боюсь, Пречистая, — дрожащим голосом ответила Евдокия.

— А ты не бойся. Познакомься вот с девами-великомученицами.

Девы подходили к инокине и с улыбками назвали свои имена: Варвара, Екатерина, Фекла, Марина, Ирина, Евпраксия...

И вновь Царица Небесная повела беседу с отцом Серафимом. А под конец Она благословила старца и произнесла с великой радостью:

— Скоро, любимче мой, будешь с нами!

Четыре часа длился душевный разговор Пречистой Девы и смиренного старца. Когда голубое сияние померкло, и серые стены кельи вновь обступили со всех сторон, Евдокия спохватилась:

— Ах, батюшка, я ведь со страха забыла попросить Царицу Небесную об отпущении грехов моих.

— Не печалься, матушка, я, убогий, просил обо всех сестрах Божию Матерь. Да и не только о вас, но и обо всех любящих меня и о тех, кто служил мне и мое слово исполнял, кто трудился для меня, кто обитель мою любит. Я и дальше вас не оставлю и не забуду. Я отец ваш, попекусь о вас и в этом веке, и в будущем. И кто в моей пустыни жить будет, всех не оставлю, и роды ваши не оставлены будут. Вот какой радости Господь сподобил вас. Зачем нам унывать?

Завет Богоматери Серафим выполнял неукоснительно. И в келью, и на Ближнюю пустынку к нему постоянно приходили сестры за духовным

советом, и он с превеликой любовью уделял им много времени, наставляя и обучая праведной жизни.

Говорил он с ними и о своей грядущей кончине. Однажды, будучи на Ближней пустынке, от беседовал с той же старицей Евдокией:

— Силами я ослабеваю... Живите теперь одни. Отставляю вас. Искал я вам мать, искал и не мог найти. После меня никто вам не заменит меня. Отставляю вас Господу и Его Пречистой Матери.

— Батюшка, ты ведь по предвидению своему, наверное, знаешь, когда к Господу отойдешь?

— Знаю. Скоро это будет, совсем скоро.

— А не страшно ли знать это?

— Нет, не страшно. Ведь конец земного пути означает начало небесного, самого лучшего. Какая радость, какой восторг объемлет душу праведника, когда ее встречают ангелы и представляют пред лицом Господа! Так что прощай, матушка, теперь только *там* увидимся. Там лучше, лучше, лучше!

— Радость твоя удивительна, батюшка.

— Телом-то я давно уж мертв, а духом точно сейчас родился!

И это были истинные слова радости. Со всех концов земли русской несли ему люди свое горе, свои нравственные язвы, свое отчаяние, свои страдания. И все это нужно было принять душою, пропустить через себя и с помощью слова, согретого Божественным огнем, излечить страждущих. Благодаря своему терпению и силе духа Серафим не сломался и не был раздавлен этой чудовищной тяжестью людского страдания. Но он, познавший при жизни, что есть Царствие Небесное, всей душой стремился туда, где был его истинный дом, где ждали его неземные радости и блаженство вечного покоя. Вслед за апостолом Павлом он восклицал:

— Желание имею разрешиться от уз плоти и со Христом быть!

Чувствуя близкую кончину, Серафим стал приоткрывать людям страницы своей жизни.

Один раз инок Гавриил, придя на очередную беседу к старцу, заговорил о духовных подвигах святых отцов Православной Церкви. Вспоминая Симеона Столпника, сорок семь лет на камне простоявшего с молитвою, он спросил:

— Батюшка, откуда же такая сила у людей, что они могли столь тяжкие испытания на себя возлагать?

— Сила эта Господом дается за моления и праведную жизнь.

— Почему мы, батюшка, не имеем такой строгой жизни, какую

вели древние подвижники благочестия?

— Потому, что не имеем к тому решимости. Если бы решимость имели, то и жили бы так, как отцы, в древности просиявшие. Потому что благодать и помощь Божия к верным и всем сердцем ищущим Господа Бога ныне та же, какая была и прежде.

— Но если на тебя, отче, снизошла благодать Божия, значит, и ты подвергал себя лишениям и испытаниям, подобно тем, что переносили отцы православия?

— Подвергал, радость моя. Тысячу дней и ночей я стоял на камне коленопреклоненным и молился за спасение людей.

— А где же тот камень, на котором ты стоял?

— По дороге на Дальнюю пустынку.

— А как мне найти его? И как я узнаю, что это именно тот камень?

— А ты иди от моей кельи с Ближней пустынки в сторону Дальней лесом, а не речкой. Меньше чем через версту и найдешь его. А ошибиться ты не сможешь — он единственный там такой большой и сверху плоский, как плита. Поищи, коли есть охота.

На другой день вечером Гавриил снова пришел к старцу в келью и пожаловался:

— Батюшка, не смог я найти того камня, весь лес исходил — нет его, как в землю ушел.

— Помолиться надо подольше было, вот Господь-то бы и надоумил. Ну да ладно. Пойдем завтра вместе на Ближнюю пустынку, а там я укажу, куда идти следует.

Получив ориентир от Ближней пустынки, инок Гавриил действительно быстро обнаружил неподалеку огромный валун с плоской вершиной, засыпанный опавшей листвой. О своей находке и словах Серафима он рассказал братии, и монахи, пораженные открывшимся подвигом старца, стали приходить к тому камню, как в храм. За ними потянулись и паломники. Скоро тропинка к нему превратилась в дорогу.

Другому послушнику, Иоанну Толстошееву, Серафим рассказал, как пять дней и ночей молился он Господу, чтоб тот позволил ему взглянуть на святые небесные чертоги. И Господь внял его молитвам и пустил в Царствие Небесное, где обитали апостолы и святители, мученики и преподобные отцы. Райские кущи, по словам старца, были так сладки и удивительны, что речами земными описать их невозможно. Но Серафим так светился в рассказе, так ярко описывал божественные пространства,

что послушник воспринял картины небесного жития очень живо и потому с восторгом поведал о них остальным монахам.

Речь о скорой кончине заходила и в беседах с Мотовиловым.

— Батюшка, ты говоришь, что должны похоронить тебя возле Успенского собора? — вопрошал старца спасенный им молодой человек.

— Да, рядом с братом моим — Марком-молчальником. Я уже и камушек на том месте положил.

— А давеча ты говорил, что плотию своей тебе не лежать в Сарове. Нешто тебя саровские отдадут?

— Ох, радость моя, тяжкие испытания грядут на Саровскую обитель. Мрак, разор и запустение придут в эти святые стены. Но Господь милостив — дарует Он мне, убогому, успокоение в Дивееве.

Через эти откровения старца от верных ему людей вскоре и остальным стало известно о его духовных подвигах и предвидениях.

Серафим начал слабеть: он перестал ежедневно ходить в Ближнюю пустынку да и в монастыре не мог принимать многих. Народ, конечно же, скорбел об этом. Чтобы попасть на благословение к старцу, приходилось подолгу жить в монастырской гостинице. Но если здоровье позволяло, Серафим охотно вел беседы с богомольцами. Немало в ту пору было им сказано наставлений, которые помогали определять жизненные ориентиры в служении Господу. Он как бы торопился предать свой духовный опыт людям, досказать то, что не было высказано, предать как можно больше любви и дарованного ему Божественного света.

Собрату своему иеромонаху Тимону, настоятелю и создателю Надевской пустыни, пришедшему к Серафиму из Костромской губернии пешком по весенней распутице, он говорил:

— Сей, отец Тимон, сей, всюду сей данную тебе пшеницу. Сей на благой земле, сей на песке, сей на камнях. Всё где-нибудь да прозябнет и возрастет, и плод принесет, хотя и не скоро. И данный тебе талант не скрывай в земле. Трудно управлять душами человеческими — учить других так же легко, как с нашего собора бросать на землю камешки, а проходить делом то, чему учишь, все равно, как бы самому носить камешки наверх собора.

Саровский монах Иоанн получал от отца Серафима поучения:

— Кто себя любит, тот любить Бога не может. А кто не любит себя ради любви к Богу, тот любит Бога. Истинно любящий Бога считает себя странником и пришельцем на земле, ибо в стремлении к Богу душой и умом созерцает только Его одного. Душа, исполненная любви к Богу,

и во время исхода своего из тела не убоится князя воздушного, но с ангелами взлетит, как бы из чужой страны на родину.

Помещику Богданову, посетившему его за неделю до смерти, он советовал:

— Иди средним путем. Выше сил не берись. Упадешь — и враг посмеется над тобой. Вот что делай: укоряют — не укоряй, гонят — терпи, хулят — хвали. Осуждай сам себя, тогда и Бог не осудит. Покоряй волю свою воле Господней. Никогда не льсти. Познавай в себе добро и зло: блажен человек, который знает это. Люби ближнего твоего — ближний твой плоть твоя. Если по плоти живешь, то и душу погубишь. А если по Божьему, то обоих спасешь.

Богомольцам, пришедшим за благословением, он говорил:

— Человек состоит из души и тела, а потому и путь жизни его должен состоять из действий телесных и душевных — из деяния и умосозерцания. Путь деятельной жизни — посты, воздержание, бдение, коленопреклонение, молитва — и другие подвиги. Путь умосозерцательной жизни — возношение ума к Богу в сердечном внимании, внутренней молитве и созерцании вещей духовных. Господь дает разум для того, чтобы вы могли видеть не только настоящее, но и будущее своей души и козни вражды. Отдаляйте от себя уныние и старайтесь иметь радостный дух, а не печальный. Во всех случаях старайтесь сохранять мир душевный, не возмущаясь оскорблениями. Удерживайте гнев, сохраняя ум и сердце от гневных движений. Гасите искру вначале! Когда честь вашу кто уничижает всеми мерами, старайтесь простить обиду. Не только не пытайтесь отомстить, но и прощайте от всего сердца, хотя бы сердце и противилось этому. Когда мы отворачиваемся от человека или оскорбляем его, тогда на сердце как бы накладываем камень. Не уничижайте никого, будьте ласковы со всеми, не оскверняйте уст своих словом злобы и ненависти. Для сохранения мира душевного остерегайтесь осуждать других. Желаящему спастись всегда нужно иметь сердце, расположенное к покаянию. Когда человек старается иметь сердце смиренное и мысль сохранить в мире, тогда все козни вражды бывают бездейственны. Смиряться, и Господь поможет вам!

Отец Серафим так мало уделял внимания своему телу, так изнурял себя, терпеливо снося недуги, что окружающим больно было смотреть на бесплотного, согбенного, еле передвигающегося на больных ногах старца. По мере приближения к смерти иеромонах почти перестал спать, а если и засыпал, то в таком неудобном положении, что это вызывало

дрожь у всех, видевших его: он становился на колени и спал лицом к полу на локтях, поддерживая голову руками.

Перед новым 1833 годом старец отмерил сам себе могилу у алтаря Успенского собора, на месте, на котором когда-то, выйдя из затвора, положил камень. 25 декабря после литургии, отслуженной игуменом Нифонтом, старец причастился. Он напомнил настоятелю о своей давней просьбе — положить его после смерти в дубовый гроб, стоящий в сенях его кельи, и похоронить рядом с Марком-молчальником. Нифонт пообещал ему, что просьба будет исполнена. В этот же день Серафим предал иеромонаху Иакову финифтевый образ — посещение Богоматерью преподобного Сергия Радонежского. Этот образ был прислан отцу Серафиму из Троицко-Сергиевской Лавры от мощей преподобного Сергия наместником Лавры, архимандритом Антонием, который бывал когда-то у старца и которому предсказывал тогда назначение в Лавру. Серафим попросил Иакова положить дар архимандрита в свой гроб после кончины.

В воскресенье 1 января старец в последний раз пришел к обедне в любимую церковь Соловецких чудотворцев, выстроенную на месте больничной кельи, в которой являлась ему Богородица.

Вопреки обычному правилу Серафим обошел все иконы, ставя к ним свечи и прикладываясь. После приобщения Святых Таин он попрощался с присутствовавшей братией:

— Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте. В нынешний день нам венцы готовятся.

Выглядел он крайне изможденным, но был бодр духом, оживлен и даже весел. После прощания с братией, он приложился к кресту и к образу Богородицы, затем обошел вокруг престола и вышел из алтаря северными дверями, как бы показывая, что человек одними воротами, рождением, входит в мир, а другими, смертью, выходит из жизни.

После литургии старец принимал сестру дивеевскую Ирину Васильевну. Он передал ей последние доставшиеся от благодетелей деньги — 200 рублей на покупку хлеба для Дивеевской общины. Встречался он и с иеромонахом Высокогорской Арзамасской пустыни Феоктистом. Прощаясь с ним, он сказал:

— Ты уж отслужи здесь.

— Не могу, батюшка, — ответил тот, — тороплюсь сильно домой.

— Ну, так ты завтра в Дивееве отслужишь.

— Так мне в Арзамас надо. Я в Вертьянове заночую, а раненько

утром в путь отправлюсь. Не до службы мне.

Он не ведал, что весть о смерти Серафима настигнет его наутро в Дивееве, где он и отслужит панихиду.

Старец улыбнулся, поклонился иеромонаху и ушел в келью.

Вечером он несколько раз подходил к месту своего будущего захоронения и стоял там в раздумье. Его земной путь подошел к концу.

Чудные песни ангелов уже долетали до его слуха, и радость росла в его душе, обещая неземное блаженство.

Ночью он не ложился спать. Стоя у иконы Божией Матери, называемой им «Умиление» и «Всех радостей радость», той самой, что когда-то в Курске подарила ему матушка Агафья Фотиевна, Серафим молился, благодаря Царицу Небесную за особое покровительство, которое помогло ему пройти достойно земной путь и подготовиться к Царствию Небесному. Под утро стены кельи растворились в лазурном просторе. Яркий свет хлынул с небес, благоухание разлилось вокруг. Сладчайшее пение ангелов возвестило о великой радости. Врата рая распахнулись навстречу ему.

Кончилось земное существование Серафима, и началась небесная жизнь. Огонь, горевший в душе великого старца, слился с Огнем Небесным.

Серафим увидел, как из чудного сияния к нему навстречу выплыли две женщины. В царских одеяниях, высокая и пресветлая, улыбалась ему Царица Небесная, а рядом с ней шла в белых одеждах его матушка — Агафья Фотиевна.

Протянув к нему руки, матушка назвала его так, как никогда не называла на земле:

— Серафим!

2009–2011

Саров

Содержание

От автора	5
<i>Глава 1. Первое знамение</i>	7
<i>Глава 2. Познание</i>	13
<i>Глава 3. Исцеление</i>	24
<i>Глава 4. Дела земные</i>	30
<i>Глава 5. Лавра</i>	45
<i>Глава 6. Саровская пустынь</i>	67
<i>Глава 7. Послушник</i>	78
<i>Глава 8. Монах</i>	97
<i>Глава 9. Пустынник</i>	104
<i>Глава 10. Столпник</i>	123
<i>Глава 11. В затворе</i>	129
<i>Глава 12. Начало старчества</i>	138
<i>Глава 13. Выход из затвора</i>	157
<i>Глава 14. Волею Господа</i>	173
<i>Глава 15. Кончина</i>	182

Литературно-художественное издание

Павел Владимирович Тужилкин
Пламенный

Роман-предположение

Редакторы:

протоиерей Александр Мякинин,

иерей Сергей Скузоваткин,

иерей Николай Никишин,

писатель Иван Чуркин.

Технический редактор С.Никонов

Вёрстка: В.Г. Кочнев

Подписано в печать 12.05.2011. Формат 70x100/16

Бумага мелованная. Печать офсетная.

Печ. л. 12. Усл. печ. л. 15,48

Заказ № 240. Тираж 2000 экз.

Отпечатано в типографии «Ридо»

ISBN 978-5-904720-05-6

© Павел Владимирович Тужилкин

© Нижегородская духовная семинария, 2011

© Типография «Ридо», 2011

